

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

19 декабря 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)”. Проект постановления обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 30 ноября 2017 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладом по этому вопросу выступил судья Верховного Суда Российской Федерации **А.Н. Замашнюк**, который отметил, что “краеугольным камнем” проекта можно назвать обеспечение принципа состязательности и равноправия сторон, поэтому центральное место в нем занимают вопросы, связанные с созданием судом условий для реализации сторонами прав в судебном заседании, и прежде всего на представление доказательств. В проекте нашли отражение правовые позиции, выраженные в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, а также практика Европейского Суда по правам человека.

Данный проект содержит ответы на вопросы судов, возникающие в общем порядке судопроизводства — форме правосудия, где наиболее полно проявляется принцип состязательности сторон, проводится полноценное судебное следствие с исследованием доказательств обвинения и защиты, суд устанавливает фактические обстоятельства дела и разрешает его по существу.

В общем порядке судопроизводства, как правило, рассматриваются дела о преступлениях, относящихся к категории особо тяжких, а также те уголовные дела, по которым обвиняемый не признает свою вину и оспаривает предъявленное ему обвинение. При их рассмотрении судом первой инстанции процесс доказывания приобретает особое значение, в связи с чем существенно возрастает роль суда в обеспечении сторонам условий для активного использования предоставленных им процессуальных средств и способов участия в доказывании. Именно эти обстоятельства послужили основой для определения общей концепции проекта и направленности отраженных в нем позиций.

Проект прошел все необходимые стадии подготовки: направлялся в суды, обсуждался с членами рабочей группы, в Судебных коллегиях по уголовным делам и по делам военнослужащих, рассматривался на заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации. Были заслушаны мнения

судей, представителей Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов, Следственного комитета Российской Федерации и других заинтересованных организаций и ведомств, видных ученых-процессуалистов. Все поступившие замечания были внимательно рассмотрены и учтены в представленной для рассмотрения Пленумом редакции проекта постановления.

В прениях по докладу выступили заместитель председателя Ивановского областного суда **Д.В. Гуськов**, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **Н.А. Винниченко**, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации **Л.В. Головкин**.

В работе Пленума приняли участие заместитель Министра юстиции Российской Федерации **А.Д. Алханов** и полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Н.Г. Брыкин**.

21 декабря 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановления “О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве” и “О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки”. Проект постановления “О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве” обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 28 ноября 2017 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладом по этому вопросу выступил председатель судебного состава Судебной коллегии по экономическим спорам, судья Верховного Суда Российской Федерации **И.В. Разумов**, который отметил, что в связи с реформированием в 2009 и 2013 годах ст. 10 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, по сути, в

российском праве было закреплено достаточно детальное законодательное регулирование так называемой доктрины “снятия корпоративного покрова” при несостоятельности. Реформа соответствующих норм была продолжена законодателем в 2017 году и вылилась в появление новой главы III² Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, положения которой разъясняются в обсуждаемом проекте.

Проект состоит из десяти разделов, которые включают в себя: разъяснение общих принципов привлечения к субсидиарной ответственности; рассмотрение вопросов, касающихся установления статуса контролирующего лица; разрешение споров о привлечении к ответственности за неподачу и несвоевременную подачу заявления должника о собственном банкротстве; разрешение споров о привлечении к ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов, по сути, за доведение до банкротства; разъяснение норм, регулирующих право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности; разъяснение процессуальных особенностей рассмотрения соответствующих заявлений и распоряжения требованиями к контролирующему лицу; разъяснение норм, регулирующих сроки исковой давности по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности; разъяснение норм о вознаграждении арбитражного управляющего; особенностей привлечения к ответственности по корпоративным основаниям при банкротстве.

В прениях по докладу выступили заместитель председателя Девятого арбитражного апелляционного суда **О.Г. Мишаков**, статс-секретарь — заместитель Министра юстиции Российской Федерации **Ю.С. Любимов**, заведующий кафедрой финансового права Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации **И.А. Цинделиани**.

В работе Пленума приняли участие заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **Н.А. Винниченко**, полномочный представитель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Е.Б. Мизулина**, полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **М.Ю. Барщевский**, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации **Г.В. Минх**, председатель Правления Ассоциации юристов России **В.С. Грудев**.

Проект постановления “О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки” обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 5 декабря 2017 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладами по этому вопросу выступили председатель судебного состава Судебной коллегии по эконо-

мическим спорам, судья Верховного Суда Российской Федерации **И.В. Разумов** и судья Верховного Суда Российской Федерации **С.В. Астахов**.

И.В. Разумов отметил, что проект состоит из семи разделов, в которых даны разъяснения общих положений о переходе требования на основании договора; разъяснения положений о допустимости уступки требования; разъяснения норм, регулирующих уведомление должника об уступке требования; разъяснения по вопросам, касающимся возражений должника против требования цессионария; разъяснения положений законодательства о переводе долга; разъяснения о передаче договорной позиции.

В докладе **С.В. Астахова** было подчеркнуто, что актуальность предлагаемых разъяснений сложно переоценить, не только для предпринимательской деятельности, но и для любых категорий гражданских споров, как для материальных, так и для процессуальных отношений, а также для исполнительного производства.

К примеру, значительное количество граждан, ожидающих получения квартир, с юридической точки зрения являются цессионариями, поскольку приобрели право требовать их получения по договорам, именуемым договорами уступки.

Не секрет, что отдельные застройщики в целях минимизации ответственности за нарушения обязательств заключают договоры с гражданами не напрямую, а через аффилированные или дружественные юридические лица, которые впоследствии заключают договоры цессии с гражданами-потребителями.

Возражая против применения ответственности за нарушение прав потребителей, представители ответчиков в таком случае, как правило, ссылаются на сформулированное еще Домицием Ульпианом и не подвергнутое сомнению положение о том, что никто не может уступить больше прав, чем имеет сам.

Вместе с тем использование при заключении договоров цессионного инструментария не должно привести к ухудшению положения граждан, участников долевого строительства, и нивелировать дополнительные средства правовой защиты потребителей.

В прениях по докладу выступили председатель судебного состава, судья Арбитражного суда города Москвы **А.Н. Нагорная**, председатель Орловского областного суда **Ф.В. Телегин**, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук **А.А. Ягельницкий**.

В работе Пленума приняли участие заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **В.В. Малиновский**, полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Н.Г. Брыкин**, полномочный представитель Правительства Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **М.Ю. Барщевский**, председатель Правления Ассоциации юристов России **В.С. Грудев**.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 51 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 19 декабря 2017 г.

О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)

Основанное на положениях Конституции Российской Федерации (статьи 2, 17—19, 45—54, 118, 120, 123) и международно-правовых актов

(статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, статья 6 Конвенции о защите прав человека и ос-

новых свобод от 4 ноября 1950 года) право на справедливое судебное разбирательство реализуется в суде первой инстанции в ходе публичного слушания уголовного дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом при соблюдении принципов презумпции невиновности, обеспечения обвиняемому права на защиту, состязательности и равноправия сторон, всех иных принципов уголовного судопроизводства и норм уголовно-процессуального законодательства.

Рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции в точном соответствии с установленным законом порядком, отвечающим критериям справедливого судебного разбирательства, служит надежной гарантией защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции в общем порядке судопроизводства и в связи с вопросами, возникающими у судов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. Обратит внимание судов на то, что рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции имеет особое значение в уголовном судопроизводстве в силу того, что в этой стадии решается вопрос о невиновности или виновности подсудимого и может быть постановлен оправдательный или обвинительный приговор. В соответствии с положениями статей 15 и 244 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) о том, что судебное разбирательство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, суд, рассматривая дело в общем порядке судопроизводства, обязан создать необходимые условия для осуществления сторонами предоставленных им прав, в том числе по представлению доказательств, на основании которых суд постановляет приговор или иное итоговое решение по делу, а также для исполнения ими своих процессуальных обязанностей.

2. В подготовительной части судебного заседания председательствующий должен выяснить данные, касающиеся личности подсудимого.

Если в материалах дела отсутствуют документы, которые позволили бы установить личность подсудимого, либо достоверность содержащихся в деле персональных данных о подсудимом (например, относительно фамилии, имени, отчества, даты или места рождения) вызывает у суда сомнения, то суд предлагает государственному обвинителю представить необходимые документы для устранения препятствий к судебному разбирательству.

Установление в подготовительной части судебного заседания личности подсудимого не освобождает суд от обязанности в силу требований статьи 73 УПК РФ в ходе судебного следствия выяснить обстоятельства, характеризующие личность подсудимого и имеющие значение для постановления приговора или иного итогового судебного решения.

3. Судам следует иметь в виду, что в соответствии с положениями части 1 статьи 11 и части 2 статьи 243 УПК РФ председательствующий в подготовительной части судебного заседания разъясняет всем участникам судебного разбирательства права, обязанности и порядок их осуществления, а также знакомит с установленным статьей 257 УПК РФ регламентом судебного заседания и разъясняет ответственность за нарушение порядка в судебном заседании, предусмотренную статьей 258 УПК РФ.

При этом подсудимому наряду с правами, указанными в статье 47 УПК РФ, разъясняются и другие его права в судебном разбирательстве, в том числе право участвовать в прениях сторон, право на последнее слово (статьи 292, 293 УПК РФ).

4. Если потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители участвуют в судебном заседании, то председательствующий разъясняет им права, обязанности и ответственность в судебном разбирательстве, предусмотренные соответственно статьями 42, 44, 45, 54 и 55 УПК РФ. При наличии указанных в статье 76 Уголовного кодекса Российской Федерации оснований потерпевшему разъясняется также его право заявить ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением с подсудимым.

В случае, когда в ходе предварительного расследования потерпевшему не разъяснялось его право на предъявление гражданского иска, суд в подготовительной части судебного заседания разъясняет потерпевшему это право и возможность его осуществления до окончания судебного следствия.

5. Ходатайства, поступившие до начала рассмотрения дела либо заявленные в подготовительной части судебного заседания, о вызове новых свидетелей, экспертов, специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или об исключении доказательств, полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона, а также ходатайства, связанные с определением круга участников судебного разбирательства и движением дела (о признании потерпевшим, гражданским истцом, об отложении или о приостановлении судебного разбирательства, прекращении дела и др.), разрешаются непосредственно после их заявления и обсуждения.

При отсутствии достаточных данных, необходимых для разрешения ходатайства в этой части судебного разбирательства, судья вправе предложить сторонам представить дополнительные материалы в обоснование заявленного ходатайства и оказать им содействие в истребовании таких материалов, а также принять иные меры, позволяющие вынести

законное и обоснованное решение, предусмотренное частью 2 статьи 271 УПК РФ.

6. По тем вопросам, которые указаны в части 2 статьи 256 УПК РФ, суд выносит постановление или определение в совещательной комнате в виде отдельного процессуального документа, который подписывается всем составом суда. Иные вопросы могут разрешаться судом, по его усмотрению, как в совещательной комнате, так и в зале судебного заседания с занесением принятого постановления или определения в протокол судебного заседания. Во всех случаях судебное решение должно быть мотивированным и оглашаться в судебном заседании.

7. Обратить внимание судов на то, что в соответствии с положениями части 1 статьи 273 УПК РФ судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения. По смыслу закона государственный обвинитель излагает не все содержание обвинительного заключения (обвинительного акта), а только описание преступления с указанием времени, места, способа его совершения, других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и формулировку предъявленного обвинения со ссылкой на пункт, часть, статью Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за данное преступление.

Если по делу несколько подсудимых обвиняются в совершении одного и того же преступления (преступлений), государственный обвинитель вправе не повторять фактические обстоятельства преступления (преступлений) при изложении обвинения в отношении каждого из них.

8. В силу требований статьи 240 УПК РФ в ходе судебного следствия проводится непосредственное исследование представленных сторонами доказательств путем заслушивания в ходе допроса показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключения и показаний эксперта и специалиста, оглашения протоколов следственных действий и иных документов, производства других судебных действий. Показания потерпевшего и свидетелей могут быть заслушаны посредством проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи в порядке, предусмотренном статьёй 278¹ УПК РФ.

Исследование ранее данных при производстве предварительного расследования или в суде показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, в том числе данных ими в ходе очной ставки, путем оглашения этих показаний в судебном заседании возможно лишь при наличии обстоятельств, указанных соответственно в статьях 276 и 281 УПК РФ, перечень которых является исчерпывающим.

9. Согласно закрепленным в статьях 14 и 15 УПК РФ принципам презумпции невиновности, состязательности и равноправия сторон и с учетом их конкретизации в статьях 244, 274, 275, 277, 278 УПК РФ первой представляет суду доказательства сторона обвинения; доказательства, представленные стороной защиты, исследуются после доказательств обвинения; стороны само-

стоятельно определяют очередность исследования представляемых ими доказательств; в ходе допроса потерпевшего и свидетелей обвинения первыми вопросы задают государственный обвинитель и другие участники судебного разбирательства со стороны обвинения, а при допросе подсудимого и свидетелей защиты — защитник и другие участники судебного разбирательства со стороны защиты.

Предусмотренное частью 3 статьи 274 и частью 2 статьи 277 УПК РФ право подсудимого и потерпевшего давать показания в любой момент судебного следствия может быть реализовано ими с разрешения председательствующего.

Исходя из норм, регламентирующих порядок допроса подсудимого, потерпевшего и свидетеля, ходатайство об оглашении показаний, ранее данных этим лицом при производстве предварительного расследования или в суде, подлежит разрешению судом по завершении его допроса всеми участниками со стороны обвинения и защиты. Если суд удовлетворяет заявленное ходатайство, то после оглашения показаний лица сторонам должна быть предоставлена возможность задать ему дополнительные вопросы в той же последовательности, что и при первоначальном допросе.

10. При отказе от дачи показаний потерпевшего или свидетеля, являющегося супругом или иным близким родственником подсудимого, а также при отказе от дачи показаний самого подсудимого суд вправе огласить ранее данные ими показания и воспроизвести приложенные к протоколу допроса или очной ставки материалы аудиозаписи, видеозаписи или киносъемки их показаний лишь в случаях, когда потерпевшему, свидетелю, подсудимому перед допросом (очной ставкой) разъяснялось право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников; он был предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний; показания подсудимого были получены в присутствии защитника (часть 2 статьи 11, пункт 3 части 2 статьи 42, пункт 1 части 4 статьи 56; пункт 2 части 4 статьи 46, пункт 3 части 4 статьи 47, пункт 1 части 2 статьи 75 УПК РФ).

Решение об оглашении показаний подсудимого, потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении приложенных к протоколу допроса (очной ставки) материалов в связи с наличием существенных противоречий между ранее данными ими показаниями и показаниями, полученными в судебном заседании, может быть принято судом по ходатайству стороны.

11. Обратить внимание судов на необходимость принятия исчерпывающих мер для обеспечения участия в судебном заседании неявившегося потерпевшего или свидетеля, достигшего возраста восемнадцати лет. Если в результате таких мер обеспечить его явку в судебное заседание не представилось возможным, то суд вправе решить вопрос об оглашении ранее данных им показаний и о воспроизведении приложенных к прото-

колу допроса (очной ставки) материалов записи этих показаний с согласия сторон. Для оглашения показаний в случаях неявки, указанных в части 2 статьи 281 УПК РФ, согласия обеих сторон не требуется.

Исходя из положений частей 2¹, 6 статьи 281 УПК РФ и подпункта “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года в их взаимосвязи оглашение без согласия одной из сторон показаний неявившегося потерпевшего или свидетеля, достигшего возраста восемнадцати лет, и о воспроизведении материалов записи его показаний, а равно оглашение без такого согласия показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля допускается при условии, что обвиняемому (подсудимому) в досудебных стадиях производства по делу была предоставлена возможность оспорить показания свидетельствующего против него лица предусмотренными законом способами.

12. По смыслу части 6 статьи 281 и части 5 статьи 191 УПК РФ суд не вызывает несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля для допроса в судебном заседании и оглашает его показания, ранее данные при производстве предварительного расследования, если они были получены с применением видеозаписи или киносъемки, материалы которых хранятся при уголовном деле.

В тех случаях, когда видеозапись или киносъемка при допросе не применялись, а сторона возражает против оглашения таких показаний и ходатайствует о вызове несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля для допроса в судебном заседании, суд по результатам обсуждения ходатайства принимает мотивированное решение.

При этом суду следует учитывать положения Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года и Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 года, согласно которым благополучие и интересы детей являются основополагающими ценностями. Исходя из этих требований суд вправе отказать в удовлетворении заявленного ходатайства, в частности, при наличии оснований опасаться за психическое здоровье и психологическое состояние несовершеннолетнего. Ссылаясь на указанные основания, суд должен располагать соответствующими медицинскими документами, заключением эксперта или специалиста (врача, психолога).

Признав невозможным проведение допроса несовершеннолетнего, суд принимает решение об оглашении его показаний, данных при производстве предварительного расследования без применения видеозаписи или киносъемки.

13. При рассмотрении ходатайства стороны о признании доказательств недопустимыми в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 75 УПК РФ суд должен выяснять, в чем конкретно выразилось нарушение требований уголовно-процессуального закона. Доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления, а также если

собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами.

Судам следует иметь в виду, что установленные в части 4 статьи 235 УПК РФ для предварительного слушания правила, согласно которым при рассмотрении ходатайства стороны защиты о признании доказательства недопустимым на том основании, что оно было получено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, бремя опровержения доводов стороны защиты возлагается на государственного обвинителя, а в остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство, распространяются и на судебное разбирательство.

14. Разъяснить судам, что наличие в материалах дела судебного постановления, вынесенного в ходе досудебного производства в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ, о разрешении производства следственного действия или о законности следственного действия, произведенного без предварительного разрешения суда (часть 5 статьи 165 УПК РФ), не освобождает государственного обвинителя от обязанности опровержения доводов стороны защиты о недопустимости доказательств, полученных в ходе указанного следственного действия, если они приводятся в судебном заседании, а суд — от обязанности проверить обстоятельства его проведения и принять по заявленному стороной защиты ходатайству мотивированное решение.

15. Если обоснованность заключения эксперта вызывает у суда сомнения или в выводах эксперта или экспертов содержатся противоречия, не устранимые путем их допроса, либо при назначении и производстве экспертизы были допущены нарушения процессуальных прав участников судебного разбирательства, которые повлияли или могли повлиять на содержание выводов экспертов, то суд в соответствии с положениями части 2 статьи 207, частей 3 и 4 статьи 283 УПК РФ по ходатайству сторон либо по собственной инициативе назначает повторную экспертизу, поручив ее производство другому эксперту. При недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств дела судом может быть назначена дополнительная экспертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту.

В случае необходимости в судебном заседании может быть допрошен эксперт, давший заключение в ходе предварительного расследования, для разъяснения или уточнения своего заключения. Допрос эксперта вместо производства дополнительной или повторной экспертизы, для назначения которой имеются основания, не допускается.

16. Исходя из положений статьи 58 и части 3 статьи 80 УПК РФ специалист может привлекаться к участию в судебном разбирательстве для оказания содействия сторонам и суду в осмотре предметов и документов, применении технических средств, для постановки вопросов эксперту,

а также разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Специалист высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде, что отражается в протоколе судебного заседания, так и в виде заключения, которое приобщается к материалам дела. При этом заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу.

Если из устных разъяснений или заключения специалиста следует, что имеются основания назначения дополнительной или повторной экспертизы, суду по ходатайству стороны или по собственной инициативе следует обсудить вопрос о назначении такой экспертизы.

17. Специалист, принимавший участие в производстве следственного действия либо представивший свое заключение, приобщенное к делу в качестве доказательства, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах производства следственного действия по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, а также для разъяснения выраженного им суждения по этим вопросам. Такой допрос проводится по правилам допроса свидетеля и с разъяснением специалисту его прав и ответственности, предусмотренных статьями 58 УПК РФ.

По смыслу положений части 4 статьи 271, части 1 статьи 58 и части 4 статьи 80 УПК РФ в их взаимосвязи суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе лица, ранее привлекавшегося к расследованию или судебному рассмотрению дела в качестве специалиста и явившегося в судебное заседание по инициативе любой из сторон.

18. Обратить внимание судов на то, что в соответствии с частью 2¹ статьи 58 УПК РФ стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в судебном разбирательстве специалиста с целью разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, если не имеется предусмотренных статьями 71 УПК РФ оснований для его отвода. С учетом положений уголовно-процессуального закона о равенстве прав сторон в удовлетворении такого ходатайства не может быть отказано и стороне обвинения.

19. Если в ходе судебного разбирательства выявлены существенные нарушения закона, указанные в пунктах 1—6 части 1 статьи 237 УПК РФ, допущенные в досудебном производстве по уголовному делу и являющиеся препятствием к постановлению судом приговора или вынесения иного итогового решения, не устранимые судом, то суд по ходатайству стороны или по своей инициативе возвращает дело прокурору при условии, что их устранение не будет связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия. При установлении обстоятельств, указанных в части 1² статьи 237 УПК РФ, суд может вернуть уголовное дело прокурору только по ходатайству стороны.

20. В соответствии с частями 7 и 8 статьи 246 УПК РФ полный или частичный отказ государст-

венного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя. Вместе с тем государственный обвинитель согласно требованиям закона должен изложить суду мотивы полного или частичного отказа от обвинения, равно как и изменения обвинения в сторону смягчения со ссылкой на предусмотренные законом основания, а суд — принять решение только после завершения исследования в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и стороны защиты об обоснованности позиции государственного обвинителя.

21. С учетом требования части 2 статьи 27 УПК РФ о том, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям не допускается, если обвиняемый против этого возражает, суд при наличии к тому оснований должен до выяснения мнения подсудимого по данному вопросу разъяснить ему юридические последствия принятия судебного решения о прекращении уголовного дела, в том числе возможность конфискации принадлежащего ему имущества, признанного вещественным доказательством, предъявления к нему гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением.

22. Судам следует иметь в виду, что протокол судебного заседания должен быть составлен в точном соответствии с требованиями статьи 259 УПК РФ. В случае подачи сторонами замечаний на протокол судебного заседания председательствующий обязан принять меры к их своевременному рассмотрению.

Если замечания на протокол поданы стороной после истечения предусмотренного частью 1 статьи 260 УПК РФ трехсуточного срока и сторона ходатайствует о восстановлении данного срока ввиду его пропуска по уважительной причине, то председательствующему следует в порядке, установленном статьей 130 УПК РФ, разрешить ходатайство на основе оценки в постановлении приведенных стороной доводов.

23. С учетом того, что выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, нарушению прав и свобод граждан, в целях их дальнейшего устранения в соответствии с частью 4 статьи 29 УПК РФ является важной составной частью судебного разбирательства, судам следует при рассмотрении каждого уголовного дела принимать необходимые меры к выполнению этого требования закона и при наличии достаточных оснований выносить частные постановления (определения).

24. В связи с принятием настоящего постановления:

признать не действующим на территории Российской Федерации постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 года № 2 “О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел” (с изменениями, вне-

сенными постановлениями Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 года № 15, от 26 апреля 1984 года № 7 и от 18 апреля 1986 года № 10); признать утратившими силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: от 17 сентября 1975 года № 5 “О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел” (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 20 декабря 1976 года № 7, от 20 декабря 1983 года № 10, от 27 августа 1985 года № 7, от 24 декабря 1985 года № 10, от 21 декабря 1993 года № 11, от 6 февраля 2007 года № 7 и от 9 февраля 2012 года № 3);

от 29 августа 1989 года № 4 “О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции” (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 21 декабря 1993 года № 11, от 25 октября 1996 года № 10 и от 6 февраля 2007 года № 7).

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 53 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 21 декабря 2017 г.

О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве

В целях обеспечения единства практики применения судами положений Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” о привлечении контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать следующие разъяснения:

Общие принципы привлечения контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве

1. Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта (пункт 1 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), его самостоятельную ответственность (статья 56 ГК РФ), наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (соглашении) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (статья 10 ГК РФ).

2. При привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в части, не противоречащей специальным положениям Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)”

(далее — Закон о банкротстве), подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

Контролирующее должника лицо

3. По общему правилу, необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия (пункт 3 статьи 53¹ ГК РФ, пункт 1 статьи 61¹⁰ Закона о банкротстве).

Осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим должника.

Лицо не может быть признано контролирующим должника только на том основании, что оно состояло в отношениях родства или свойства с членами органов должника, либо ему были переданы полномочия на совершение от имени должника отдельных ординарных сделок, в том числе в рамках обычной хозяйственной деятельности, либо оно замещало должности главного бухгалте-

ра, финансового директора должника (подпункты 1—3 пункта 2 статьи 61¹⁰ Закона о банкротстве). Названные лица могут быть признаны контролирующими должника на общих основаниях, в том числе с использованием предусмотренных законодательством о банкротстве презумпций, при этом учитываются преимущества, вытекающие из их положения.

4. По смыслу взаимосвязанных положений абзаца второго статьи 2, пункта 2 статьи 3, пунктов 1 и 3 статьи 61¹⁰ Закона о банкротстве для целей применения специальных положений законодательства о субсидиарной ответственности, по общему правилу, учитывается контроль, имевший место в период, предшествующий фактическому возникновению признаков банкротства, независимо от того, скрывалось действительное финансовое состояние должника или нет, то есть принимается во внимание трехлетний период, предшествующий моменту, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов (далее — объективное банкротство).

Указанные положения законодательства не исключают возможность привлечения контролирующего лица к иной ответственности за действия, совершенные за пределами названного трехлетнего периода, например, к ответственности, предусмотренной законодательством о юридических лицах (статья 53¹ ГК РФ, статья 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ “Об акционерных обществах” (далее — Закон об акционерных обществах), статья 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью” (далее — Закон об обществах с ограниченной ответственностью) и т.д.).

5. Само по себе участие в органах должника не свидетельствует о наличии статуса контролирующего его лица. Исключение из этого правила закреплено в подпунктах 1 и 2 пункта 4 статьи 61¹⁰ Закона о банкротстве, установивших круг лиц, в отношении которых действует опровержимая презумпция того, что именно они определяли действия должника.

Если в качестве руководителя (единоличного исполнительного органа; далее — руководитель) должника выступает управляющая компания (пункт 3 статьи 65³ ГК РФ), предполагается, пока не доказано иное, что контролирующими должника лицами являются как эта управляющая компания, так и ее руководитель, которые, по общему правилу, несут ответственность, указанную в статьях 61¹¹—61¹³, 61²⁰ Закона о банкротстве, солидарно (пункты 3 и 4 статьи 53¹ ГК РФ, абзац первый статьи 1080 ГК РФ).

В соответствии с подпунктом 2 пункта 4 статьи 61¹⁰ Закона о банкротстве предполагается, что участник корпорации, учредитель унитарной организации является контролирующим лицом, если он и аффилированные с ним лица (в частности, статья 53² ГК РФ, статья 9 Федерального за-

кона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции”, статья 4 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-I “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках”) вправе распоряжаться 50 и более процентами голосующих акций (долей, паев) должника, либо имеют в совокупности 50 и более процентов голосов при принятии решений общим собранием, либо если их голосов достаточно для назначения (избрания) руководителя должника. Презюмируется, что лицо, отвечающее одному из указанных критериев, признается контролирующим наряду с аффилированными с ним лицами.

6. Руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление (далее — номинальный руководитель), например, полностью передоверивший управление другому лицу на основании доверенности либо принимавший ключевые решения по указанию или при наличии явно выраженного согласия третьего лица, не имевшего соответствующих формальных полномочий (фактического руководителя), не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом (пункт 3 статьи 53 ГК РФ).

В этом случае, по общему правилу, номинальный и фактический руководители несут субсидиарную ответственность, предусмотренную статьями 61¹¹ и 61¹² Закона о банкротстве, а также ответственность, указанную в статье 61²⁰ Закона о банкротстве, солидарно (абзац первый статьи 1080 ГК РФ, пункт 8 статьи 61¹¹, абзац второй пункта 1 статьи 61¹² Закона о банкротстве).

Вместе с тем в силу специального регулирования (пункт 9 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве) размер субсидиарной ответственности номинального руководителя может быть уменьшен, если благодаря раскрытой им информации, недоступной независимым участникам оборота, были установлены фактический руководитель и (или) имущество должника либо фактического руководителя, скрывавшееся ими, за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов.

Рассматривая вопрос об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя, суд учитывает, насколько его действия по раскрытию информации способствовали восстановлению нарушенных прав кредиторов и компенсации их имущественных потерь (пункт 1 статьи 1064 ГК РФ).

В случае уменьшения размера субсидиарной ответственности номинального руководителя фактический руководитель несет субсидиарную ответственность в полном объеме. В той части, в которой ответственность номинального руководителя не была уменьшена, он отвечает солидар-

но с фактическим руководителем (пункт 1 статьи 1064, абзац первый статьи 1080 ГК РФ).

Приведенные разъяснения об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя распространяются как на случаи привлечения к ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) должником заявления о собственном банкротстве, так и на случаи привлечения к ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, пункт 9 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве).

Таким же образом должны решаться вопросы, связанные с наличием статуса контролирующего лица у номинальных и фактических членов органов должника (в том числе участников корпораций, учредителей унитарных организаций), ликвидаторов и членов ликвидационных комиссий, а также вопросы, касающиеся привлечения их к субсидиарной ответственности (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, пункт 9 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве).

7. Предполагается, что лицо, которое извлекло выгоду из незаконного, в том числе недобросовестного, поведения руководителя должника является контролирующим (подпункт 3 пункта 4 статьи 61¹⁰ Закона о банкротстве).

В соответствии с этим правилом контролирующим может быть признано лицо, извлекающее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности.

Так, в частности, предполагается, что контролирующим должника является третье лицо, которое получило существенный актив должника (в том числе по цепочке последовательных сделок), выбывший из владения последнего по сделке, совершенной руководителем должника в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов (например, на заведомо невыгодных для должника условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (“фирмой-однодневкой” и т.п.) либо с использованием документооборота, не отражающего реальные хозяйственные операции, и т.д.). Опровергая названную презумпцию, привлекаемое к ответственности лицо вправе доказать свою добросовестность, подтвердив, в частности, возмездное приобретение актива должника на условиях, на которых в сравнимых обстоятельствах обычно совершаются аналогичные сделки.

Также предполагается, что является контролирующим выгодоприобретатель, извлекающий существенные преимущества из такой системы организации предпринимательской деятельности, которая направлена на перераспределение (в том числе посредством недостоверного документооборота), совокупного дохода, получаемого от осуществления данной деятельности лицами, объединенными общим интересом (например, единым производственным и (или) сбытовым циклом), в пользу ряда этих лиц с одновременным аккумулярованием на стороне должника ос-

новной долговой нагрузки. В этом случае для опровержения презумпции выгодоприобретатель должен доказать, что его операции, приносящие доход, отражены в соответствии с их действительным экономическим смыслом, а полученная им выгода обусловлена разумными экономическими причинами.

Приведенный перечень примеров не является исчерпывающим.

Субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве

8. Руководитель должника может быть привлечен к субсидиарной ответственности по правилам статьи 61¹² Закона о банкротстве, если он не исполнил обязанность по подаче в суд заявления должника о собственном банкротстве в месячный срок, установленный пунктом 2 статьи 9 Закона о банкротстве.

Если учредительным документом должника предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам (директорам), действующим совместно или независимо друг от друга (абзац третий пункта 1 статьи 53 ГК РФ), по общему правилу, указанные лица несут субсидиарную ответственность, предусмотренную статьей 61¹² Закона о банкротстве, солидарно.

Учредительным документом полномочия по обращению в суд с заявлением должника о собственном банкротстве не могут быть предоставлены только одному из его директоров (абзац шестой статьи 2, статья 9 Закона о банкротстве, абзац второй пункта 1 статьи 53 ГК РФ).

9. Обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель, находящийся в сходных обстоятельствах, в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве.

Если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности, обстоятельств, названных в абзацах пятом, седьмом пункта 1 статьи 9 Закона о банкротстве, не свидетельствовало об объективном банкротстве, и он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах.

10. Исполнение руководителем обязанности по обращению в суд с заявлением должника о собственном банкротстве, как следует из статьи 9 Закона о банкротстве, не ставится в зависимость от того, имеются ли у должника средства, доста-

точные для финансирования процедур банкротства. По смыслу пункта 5 статьи 61, пункта 2 статьи 62 ГК РФ при недостаточности имущества должника на эти цели необходимые расходы могут быть отнесены на его учредителей (участников).

11. Ликвидатор, члены ликвидационной комиссии могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по правилам статьи 61¹² Закона о банкротстве, если обязанность по подаче в суд заявления должника о собственном банкротстве не исполнена ими в десятидневный срок, предусмотренный пунктом 3 статьи 9 Закона о банкротстве.

По общему правилу, члены ликвидационной комиссии несут субсидиарную ответственность солидарно (абзац первый статьи 1080 ГК РФ).

Не несут ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве члены ликвидационной комиссии, которые действовали добросовестно, приняв все зависящие от них меры, необходимые для подачи комиссией заявления о банкротстве (в частности, требовали созыва собрания членов комиссии, голосовали за принятие соответствующего решения и т.д.), однако их позиция не была поддержана другими членами ликвидационной комиссии. Бремя доказывания указанных обстоятельств лежит на привлекаемых к ответственности членах ликвидационной комиссии.

12. Согласно абзацу второму пункта 2 статьи 61¹² Закона о банкротстве презюмируется наличие причинно-следственной связи между неподачей руководителем должника, ликвидационной комиссией заявления о банкротстве и невозможностью удовлетворения требований кредиторов, обязательства перед которыми возникли в период просрочки подачи заявления о банкротстве.

13. При неисполнении руководителем должника, ликвидационной комиссией в установленный срок обязанности по подаче в суд заявления должника о собственном банкротстве решение об обращении в суд с таким заявлением должно быть принято органом управления, к компетенции которого отнесено разрешение вопроса о ликвидации должника (пункт 3¹ статьи 9 Закона о банкротстве).

По смыслу пункта 3¹ статьи 9, статьи 61¹⁰, пункта 1 статьи 61¹² Закона о банкротстве лицо, не являющееся руководителем должника, ликвидатором, членом ликвидационной комиссии, может быть привлечено к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве при наличии совокупности следующих условий:

это лицо являлось контролирующим, в том числе исходя из не опровергнутых им презумпций о контроле мажоритарного участника корпорации (подпункт 2 пункта 4 статьи 61¹⁰ Закона о банкротстве), о контроле выгодоприобретателя по незаконной сделке (подпункт 3 пункта 4 статьи 61¹⁰ Закона о банкротстве) и т.д.;

оно не могло не знать о нахождении должника в таком состоянии, при котором на стороне его руководителя, ликвидационной комиссии возникла обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве, и о невыполнении ими данной обязанности;

данное лицо обладало полномочиями по созыву собрания коллегиального органа должника, к компетенции которого отнесено принятие корпоративного решения о ликвидации, или обладало полномочиями по самостоятельному принятию соответствующего решения;

оно не совершило надлежащим образом действия, направленные на созыв собрания коллегиального органа управления для решения вопроса об обращении в суд с заявлением о банкротстве или на принятие такого решения.

Соответствующее приведенным условиям контролирующее лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам, возникшим после истечения совокупности предельных сроков, отведенных на созыв, подготовку и проведение заседания коллегиального органа, принятие решения об обращении в суд с заявлением о банкротстве, разумных сроков на подготовку и подачу соответствующего заявления. При этом названная совокупность сроков начинается течь через 10 дней со дня, когда привлекаемое лицо узнало или должно было узнать о неисполнении руководителем, ликвидационной комиссией должника обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве (абзац первый пункта 3¹ статьи 9 Закона о банкротстве).

Указанное в настоящем пункте лицо несет субсидиарную ответственность солидарно с руководителем должника (членами ликвидационной комиссии) по обязательствам, возникшим после истечения упомянутой совокупности предельных сроков (абзац второй пункта 1 статьи 61¹² Закона о банкротстве).

Участники корпорации, учредители унитарной организации, являющиеся контролирующими лицами по признаку аффилированности между собой, обладающие в совокупности количеством голосов, необходимым для созыва собрания коллегиального органа должника, не совершившие надлежащие действия для решения вопроса об обращении в суд с заявлением о банкротстве, несут субсидиарную ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о банкротстве солидарно, если хотя бы один из них не мог не знать о нахождении должника в таком состоянии, при котором на стороне его руководителя, ликвидационной комиссии возникла обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве, и о неисполнении этой обязанности.

14. Согласно общим положениям пункта 2 статьи 61¹² Закона о банкротстве размер субсидиарной ответственности руководителя равен совокупному размеру обязательств должника (в том числе по обязательным платежам), возникших в период со дня истечения месячного срока, предусмотренного пунктом 2 статьи 9 Закона о банкротстве, и до дня возбуждения дела о банкротстве.

В силу специального регулирования при возврате уполномоченному органу заявления о банкротстве должника в связи с отсутствием надлежащих доказательств, подтверждающих вероятность обнаружения имущества должника, за счет которого могут быть покрыты расходы по делу о банкротстве, при определении размера субсидиарной ответственности руководителя учитываются обязательства должника, возникшие в период со дня истечения месячного срока, предусмотренного пунктом 2 статьи 9 Закона о банкротстве, и до дня возврата заявления уполномоченного органа. Это специальное правило не применяется при возвращении уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом по иным основаниям.

Расходы, необходимые для проведения процедур банкротства, не учитываются при определении размера субсидиарной ответственности руководителя. Вместе с тем, если будет доказано, что при надлежащем исполнении руководителем обязанности по подаче заявления должника о собственном банкротстве размер таких расходов был бы меньше, эти расходы в части превышения, вызванного бездействием руководителя, принимаются во внимание при определении размера его субсидиарной ответственности (статья 1064 ГК РФ).

По общему правилу, при определении размера субсидиарной ответственности руководителя не учитываются обязательства перед кредиторами, которые в момент возникновения обязательств знали или должны были знать о том, что на стороне руководителя должника уже возникла обязанность по подаче заявления о банкротстве. Это правило не применяется по отношению к обязательствам перед кредиторами, которые объективно вынуждены были вступить в отношения с должником либо продолжать существующие (недобровольные кредиторы), например, уполномоченный орган по требованиям об уплате обязательных платежей, кредиторы по договорам, заключение которых являлось для них обязательным, кредиторы по деликтным обязательствам (по смыслу статьи 1064 ГК РФ, пункта 3 статьи 61¹² Закона о банкротстве).

15. Если обязанность по подаче в суд заявления должника о собственном банкротстве не была исполнена несколькими последовательно сменившимися друг друга руководителями, первый из них несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника, возникшим в период со дня истечения месячного срока, предусмотренного пунктом 2 статьи 9 Закона о банкротстве, и до дня возбуждения дела о банкротстве, последующие — со дня истечения увеличенного на один месяц разумного срока, необходимого для выявления ими как новыми руководителями обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение обязанности по подаче заявления о банкротстве, и до дня возбуждения дела о банкротстве. При этом по обязательствам должника, возникшим в периоды ответственности, приходящиеся на нескольких руководителей одновре-

менно, они отвечают солидарно (абзац второй пункта 1 статьи 61¹² Закона о банкротстве).

Бывший руководитель должника, публично сообщивший неограниченному кругу лиц о сроке возникновения обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве (абзац первый пункта 1 статьи 30 Закона о банкротстве) и неисполнении им соответствующей обязанности, не отвечает по обязательствам должника, возникшим со дня, следующего за днем такого публичного сообщения. При этом бывший руководитель, публично распространивший недостоверные сведения о финансовом состоянии возглавляемой им ранее организации, обязан возместить такой организации по ее требованию убытки, причиненные распространением недостоверной информации (статьи 152, 1064 ГК РФ).

Разъяснения, изложенные в настоящем пункте, применяются при привлечении к ответственности ликвидатора, членов ликвидационной комиссии с учетом десятидневного срока, предусмотренного пунктом 3 статьи 9 Закона о банкротстве.

Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов

16. Под действиями (бездействием) контролирующего лица, приведшими к невозможности погашения требований кредиторов (статья 61¹¹ Закона о банкротстве), следует понимать такие действия (бездействие), которые явились необходимой причиной банкротства должника, то есть те, без которых объективное банкротство не наступило бы. Суд оценивает существенность влияния действий (бездействия) контролирующего лица на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между названными действиями (бездействием) и фактически наступившим объективным банкротством.

Неправомерные действия (бездействие) контролирующего лица могут выражаться, в частности, в принятии ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе согласование, заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (“фирмой-однодневкой” и т.п.), дача указаний по поводу совершения явно убыточных операций, назначение на руководящие должности лиц, результат деятельности которых будет очевидно не соответствовать интересам возглавляемой организации, создание и поддержание такой системы управления должником, которая нацелена на систематическое извлечение выгоды третьим лицом во вред должнику и его кредиторам, и т.д.

Поскольку деятельность юридического лица опосредуется множеством сделок и иных операций, по общему правилу, не может быть признана единственной предпосылкой банкротства последняя инициированная контролирующим лицом сделка (операция), которая привела к критическому изменению возникшего ранее неблагоприятного финансового положения — появле-

нию признаков объективного банкротства. Суду надлежит исследовать совокупность сделок и других операций, совершенных под влиянием контролирующего лица (нескольких контролирующих лиц), способствовавших возникновению кризисной ситуации, ее развитию и переходу в стадию объективного банкротства.

17. В силу прямого указания подпункта 2 пункта 12 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве контролирующее лицо также подлежит привлечению к субсидиарной ответственности и в том случае, когда после наступления объективного банкротства оно совершило действия (бездействие), существенно ухудшившие финансовое положение должника. Указанное означает, что, по общему правилу, контролирующее лицо, создавшее условия для дальнейшего значительного роста диспропорции между стоимостью активов должника и размером его обязательств, подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в полном объеме, поскольку презюмируется, что из-за его действий (бездействия) окончательно утрачена возможность осуществления в отношении должника реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление платежеспособности, и, как следствие, утрачена возможность реального погашения всех долговых обязательств в будущем.

Контролирующее лицо, которое несет субсидиарную ответственность на основании подпункта 2 пункта 12 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве, и контролирующее лицо, несущее субсидиарную ответственность за доведение до объективного банкротства, отвечают солидарно.

Если из-за действий (бездействия) контролирующего лица, совершенных после появления признаков объективного банкротства, произошло несущественное ухудшение финансового положения должника, такое контролирующее лицо может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков по иным, не связанным с субсидиарной ответственностью основаниям.

18. Контролирующее должника лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в случае, когда его действия (бездействие), повлекшие негативные последствия на стороне должника, не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов (пункт 3 статьи 1 ГК РФ, абзац 2 пункта 10 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве). При рассмотрении споров о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности данным правилом о защите делового решения следует руководствоваться с учетом сложившейся практики его применения в корпоративных отношениях, если иное не вытекает из существа законодательного регулирования в сфере несостоятельности.

19. При доказанности обстоятельств, составляющих основания опровержимых презумпций доведения до банкротства, закрепленные в пункте 2 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве, предполагается, что именно действия (бездействие) кон-

тролирующего лица явились необходимой причиной объективного банкротства.

Доказывая отсутствие оснований привлечения к субсидиарной ответственности, в том числе при опровержении установленных законом презумпций (пункт 2 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве), контролирующее лицо вправе ссылаться на то, что банкротство обусловлено исключительно внешними факторами (неблагоприятной рыночной конъюнктурой, финансовым кризисом, существенным изменением условий ведения бизнеса, авариями, стихийными бедствиями, иными событиями и т.п.).

Если банкротство наступило в результате действий (бездействия) контролирующего лица, однако помимо названных действий (бездействия) увеличению размера долговых обязательств способствовали и внешние факторы (например, имели место неправомерный вывод активов должника под влиянием контролирующего лица и одновременно порча произведенной должником продукции в результате наводнения), размер субсидиарной ответственности контролирующего лица может быть уменьшен по правилам абзаца второго пункта 11 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве.

20. При решении вопроса о том, какие нормы подлежат применению — общие положения о возмещении убытков (в том числе статья 53¹ ГК РФ) либо специальные правила о субсидиарной ответственности (статья 61¹¹ Закона о банкротстве), — суд в каждом конкретном случае оценивает, насколько существенным было негативное воздействие контролирующего лица (нескольких контролирующих лиц, действующих совместно либо раздельно) на деятельность должника, проверяя, как сильно в результате такого воздействия изменилось финансовое положение должника, какие тенденции приобрели экономические показатели, характеризующие должника, после этого воздействия.

Если допущенные контролирующим лицом (несколькими контролирующими лицами) нарушения явились необходимой причиной банкротства, применению подлежат нормы о субсидиарной ответственности (пункт 1 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве), совокупный размер которой, по общим правилам, определяется на основании абзацев первого и третьего пункта 11 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве.

В том случае, когда причиненный контролирующими лицами, указанными в статье 53¹ ГК РФ, вред исходя из разумных ожиданий не должен был привести к объективному банкротству должника, такие лица обязаны компенсировать возникшие по их вине убытки в размере, определяемом по правилам статей 15, 393 ГК РФ.

Независимо от того, каким образом при обращении в суд заявитель поименовал вид ответственности и на какие нормы права он сослался, суд применительно к положениям статей 133 и 168 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) самостоятельно квалифицирует предъявленное требование. При недоказанности оснований привлече-

ния к субсидиарной ответственности, но доказанности противоправного поведения контролирующего лица, влекущего иную ответственность, в том числе установленную статьей 53¹ ГК РФ, суд принимает решение о возмещении таким контролирующим лицом убытков.

21. Если необходимой причиной объективного банкротства явились сделка или ряд сделок, по которым выгоду извлекло третье лицо, признанное контролирующим должника исходя из презумпции, закрепленной в подпункте 3 пункта 4 статьи 61¹⁰ Закона о банкротстве, такой контролирующий выгодоприобретатель несет субсидиарную ответственность, предусмотренную статьей 61¹¹ Закона о банкротстве, солидарно с руководителем должника (абзац первый статьи 1080 ГК РФ).

22. В силу пункта 8 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве и абзаца первого статьи 1080 ГК РФ, если несколько контролирующих должника лиц действовали совместно, они несут субсидиарную ответственность за доведение до банкротства солидарно. В целях квалификации действий контролирующих должника лиц как совместных могут быть учтены согласованность, скоординированность и направленность этих действий на реализацию общего для всех намерения, то есть может быть принято во внимание соучастие в любой форме, в том числе соисполнительство, пособничество и т.д. Пока не доказано иное, предполагается, что являются совместными действия нескольких контролирующих лиц, аффилированных между собой.

Если несколько контролирующих должника лиц действовали независимо друг от друга и действий каждого из них было достаточно для наступления объективного банкротства должника, названные лица также несут субсидиарную ответственность солидарно (пункт 8 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве).

Если несколько контролирующих должника лиц действовали независимо и действий каждого из них, существенно повлиявших на положение должника, было недостаточно для наступления объективного банкротства, но в совокупности их действия привели к такому банкротству, данные лица подлежат привлечению к субсидиарной ответственности в долях (пункт 1 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве, пункт 1 статьи 1064 ГК РФ). В этом случае суд распределяет между ними совокупный размер ответственности, исчисляемый по правилам абзацев первого и третьего пункта 11 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве, определяя долю, приходящуюся на каждое контролирующее лицо, пропорционально размеру причиненного им вреда. При невозможности определения размера причиненного вреда исходя из конкретных операций, совершенных под влиянием того или иного лица, размер доли, приходящейся на каждое контролирующее лицо, может быть определен пропорционально периодам осуществления ими фактического контроля над должником.

23. Согласно подпункту 1 пункта 2 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве презумпция доведения до банкротства в результате совершения сделки

(ряда сделок) может быть применена к контролирующему лицу, если данной сделкой (сделками) причинен существенный вред кредиторам. К числу таких сделок относятся, в частности, сделки должника, значимые для него (применительно к масштабам его деятельности) и одновременно являющиеся существенно убыточными. При этом следует учитывать, что значительно влияют на деятельность должника, например, сделки, отвечающие критериям крупных сделок (статья 78 Закона об акционерных обществах, статья 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью и т.д.). Рассматривая вопрос о том, является ли значимая сделка существенно убыточной, следует исходить из того, что таковой может быть признана в том числе сделка, совершенная на условиях, существенно отличающихся от рыночных в худшую для должника сторону, а также сделка, заключенная по рыночной цене, в результате совершения которой должник утратил возможность продолжать осуществлять одно или несколько направлений хозяйственной деятельности, приносящих ему ранее весомый доход.

Если к ответственности привлекается лицо, являющееся номинальным либо фактическим руководителем, иным контролирующим лицом, по указанию которого совершена сделка, или контролирующим выгодоприобретателем по сделке, для применения презумпции заявителю достаточно доказать, что сделкой причинен существенный вред кредиторам. Одобрение подобной сделки коллегиальным органом (в частности, наблюдательным советом или общим собранием участников (акционеров) не освобождает контролирующее лицо от субсидиарной ответственности.

Если к ответственности привлекается контролирующее должника лицо, одобрявшее сделку прямо (например, действительный участник корпорации) либо косвенно (например, фактический участник корпорации, оказавший влияние на номинального участника в целях одобрения им сделки), для применения названной презумпции заявитель должен доказать, что сделкой причинен существенный вред кредиторам, о чем контролирующее лицо в момент одобрения знало либо должно было знать исходя из сложившихся обстоятельств и с учетом его положения.

По смыслу пункта 3 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве для применения презумпции, закрепленной в подпункте 1 пункта 2 данной статьи, наличие вступившего в законную силу судебного акта о признании такой сделки недействительной не требуется. Равным образом не требуется и установление всей совокупности условий, необходимых для признания соответствующей сделки недействительной, в частности недобросовестности контрагента по этой сделке.

По смыслу подпункта 3 пункта 3 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве, если в удовлетворении иска о признании сделки недействительной ранее было отказано по мотиву равноценности полученного должником встречного денежного предоставления, то заявитель впоследствии не вправе ссылаться на нерыночный характер цены

этой же сделки в целях применения презумпции доведения до банкротства.

По смыслу подпункта 1 пункта 2 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве для доказывания факта совершения сделки, причинившей существенный вред кредиторам, заявитель вправе ссылаться на основания недействительности, в том числе предусмотренные статьей 61² (подозрительные сделки) и статьей 61³ (сделки с предпочтением) Закона о банкротстве. Однако и в этом случае на заявителя лежит обязанность доказывания как значимости данной сделки, так и ее существенной убыточности. Сами по себе факты совершения подозрительной сделки либо оказания предпочтения одному из кредиторов указанную совокупность обстоятельств не подтверждают.

24. В силу пункта 3² статьи 64, абзаца четвертого пункта 1 статьи 94, абзаца второго пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве на руководителе должника лежат обязанности по представлению арбитражному управляющему документации должника для ознакомления или по ее передаче управляющему.

Арбитражный управляющий вправе требовать от руководителя (а также от других лиц, у которых фактически находятся соответствующие документы) по суду исполнения данной обязанности в натуре применительно к правилам статьи 308³ ГК РФ. По результатам рассмотрения соответствующего обособленного спора выносится судебный акт, который может быть обжалован в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 223 АПК РФ.

Применяя при разрешении споров о привлечении к субсидиарной ответственности презумпции, связанные с непередачей, сокрытием, утратой или искажением документации (подпункты 2 и 4 пункта 2 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве), необходимо учитывать следующее.

Заявитель должен представить суду объяснения относительно того, как отсутствие документации (отсутствие в ней полной информации или наличие в документации искаженных сведений) повлияло на проведение процедур банкротства.

Привлекаемое к ответственности лицо вправе опровергнуть названные презумпции, доказав, что недостатки представленной управляющему документации не привели к существенному затруднению проведения процедур банкротства, либо доказав отсутствие вины в передаче, ненадлежащем хранении документации, в частности, подтвердив, что им приняты все необходимые меры для исполнения обязанностей по ведению, хранению и передаче документации при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась.

Под существенным затруднением проведения процедур банкротства понимается в том числе невозможность выявления всего круга лиц, контролирующих должника, его основных контрагентов, а также:

невозможность определения основных активов должника и их идентификации;

невозможность выявления совершенных в период подозрительности сделок и их условий, не

позволившая проанализировать данные сделки и рассмотреть вопрос о необходимости их оспаривания в целях пополнения конкурсной массы;

невозможность установления содержания принятых органами должника решений, исключившая проведение анализа этих решений на предмет причинения ими вреда должнику и кредиторам и потенциальную возможность взыскания убытков с лиц, являющихся членами данных органов.

К руководителю должника не могут быть применены презумпции, установленные подпунктами 2 и 4 пункта 2 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве, если необходимая документация (информация) передана им арбитражному управляющему в ходе рассмотрения судом заявления о привлечении к субсидиарной ответственности. Такая передача документации (информации) не исключает возможность привлечения руководителя к ответственности в виде возмещения убытков, вызванных просрочкой исполнения обязанности, или к субсидиарной ответственности по иным основаниям.

Сама по себе непередача предыдущим руководителем новому необходимых документов не освобождает последнего от ответственности и не свидетельствует об отсутствии вины. Добросовестный и разумный руководитель обязан совершить действия по истребованию документации у предыдущего руководителя (применительно к статье 308³ ГК РФ) либо по восстановлению документации иным образом (в частности, путем направления запросов о получении дубликатов документов в компетентные органы, взаимодействия с контрагентами для восстановления первичной документации и т.д.).

В случае противоправных действий нескольких руководителей, последовательно сменявших друг друга, связанных с ведением, хранением и восстановлением ими документации, презюмируется, что действий каждого из них было достаточно для доведения должника до объективного банкротства (пункт 8 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве).

Согласно подпунктам 2 и 4 пункта 2, пунктам 4 и 6 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве, если лица, на которых возложена обязанность по ведению и хранению соответствующей документации (например, главный бухгалтер), также признаны контролирующими, то предполагается, что их совместные с руководителем должника действия стали необходимой причиной объективного банкротства при доказанности существенно затруднивших проведение процедур банкротства фактов непередачи, сокрытия, утраты или искажения документации.

По смыслу подпунктов 2 и 4 пункта 2, пунктов 4 и 6 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве лица, не признанные контролирующими должника, на которых возложена обязанность по ведению и хранению соответствующей документации (например, главный бухгалтер), несут солидарно с бывшим руководителем субсидиарную ответственность за доведение до банкротства как соучастники, если будет доказано, что они по указа-

нию бывшего руководителя или совместно с ним совершили действия, приведшие к уничтожению документации, ее сокрытию или к искажению содержащихся в ней сведений.

25. Согласно взаимосвязанным положениям подпункта 5 пункта 2, пункта 1 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве в ходе рассмотрения вопроса о применении презумпции, касающейся невнесения информации в единый государственный реестр юридических лиц или единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц (либо внесения в эти реестры недостоверной информации), заявитель должен представить суду объяснения относительно того, как отсутствие соответствующей информации (либо наличие в реестре недостоверной информации) повлияло на проведение процедур банкротства. Привлекаемое к ответственности лицо вправе опровергнуть заявленную презумпцию, доказав, в частности, что выявленные недостатки не привели к существенному затруднению проведения процедур банкротства.

26. В соответствии с подпунктом 3 пункта 2 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве, в частности, предполагается, что действия (бездействие) контролирующего лица стали необходимой причиной объективного банкротства при доказанности следующей совокупности обстоятельств:

должник привлечен к налоговой ответственности за неуплату или неполную уплату сумм налога (сбора, страховых взносов) в результате занижения налоговой базы (базы для исчисления страховых взносов), иного неправильного исчисления налога (сбора, страховых взносов) или других неправомерных действий (бездействия);

доначисленные по результатам мероприятий налогового контроля суммы налога (сбора, страховых взносов) составили более 50 процентов совокупного размера основной задолженности перед реестровыми кредиторами третьей очереди удовлетворения.

Данная презумпция применяется при привлечении к субсидиарной ответственности как руководителя должника (фактического и номинального), так и иных лиц, признанных контролирующими на момент совершения налогового правонарушения (пункт 5 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве).

Право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности

27. В рамках дела о банкротстве конкурсные кредиторы, уполномоченный орган, работники должника (представитель работников должника) вправе обратиться с заявлением о привлечении к ответственности по основаниям, предусмотренным статьями 61¹¹—61¹³ названного Закона, после включения соответствующих требований в реестр требований кредиторов должника, в том числе в порядке, предусмотренном пунктом 4 статьи 142 Закона о банкротстве (пункты 1 и 2 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве).

28. После завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о

связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства, заявление о привлечении к субсидиарной ответственности вправе подать только те кредиторы, работники должника, чьи требования в рамках дела о банкротстве были признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов должника (в том числе в порядке, предусмотренном пунктом 4 статьи 142 Закона о банкротстве) (пункты 3 и 4 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве).

29. По смыслу пункта 3 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве кредиторы должника по текущим обязательствам после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства, вправе подать заявление о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по основанию, предусмотренному статьей 61¹¹ Закона о банкротстве, лишь в том случае, если их требования подтверждены вступившим в законную силу судебным актом или иным документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона.

30. После возвращения заявления о признании должника банкротом уполномоченному органу он вправе предъявить вне рамок дела о банкротстве требование о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным статьями 61¹¹ и 61¹² Закона о банкротстве, если возврат заявления мотивирован отсутствием надлежащих свидетельств, подтверждающих вероятность обнаружения в достаточном объеме имущества должника, за счет которого могут быть покрыты расходы по делу о банкротстве. В этом случае иные лица не наделяются полномочиями по обращению в суд с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности (пункты 3 и 4 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве).

При возвращении уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом по иным основаниям данный орган не вправе ставить вопрос о возбуждении вне рамок дела о банкротстве производства по спору о привлечении к субсидиарной ответственности.

31. По смыслу пунктов 3 и 4 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве при прекращении производства по делу о банкротстве на основании абзаца восьмого пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом (до введения первой процедуры банкротства) заявитель по делу о банкротстве вправе предъявить вне рамок дела о банкротстве требование о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным статьями 61¹¹ и 61¹² Закона о банкротстве, если задолженность перед ним подтверждена вступившим в законную силу судебным актом или иным документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона. В этом случае иные лица не наделяются полномочиями по обращению в суд вне рамок дела о бан-

кредитору с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности.

32. Списание кредитором задолженности в рамках своей учетной политики, например списание уполномоченным органом в порядке статьи 59 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) задолженности должника по обязательным платежам в связи с его ликвидацией или исключением из государственного реестра, списание кредитной организацией безнадолжной задолженности должника по ссудам, само по себе не является препятствием для последующей подачи заявления о привлечении лица, контролирующего должника, к ответственности по таким списанным обязательствам и не может служить единственным основанием для исключения списанной задолженности из общего размера ответственности контролирующего лица.

**Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве.
Распоряжение требованием к лицу, контролирующему должника**

33. В заявлении о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в том числе должны быть указаны обстоятельства, на которых основаны утверждения заявителя о наличии у ответчика статуса контролирующего лица, и подтверждающие их доказательства (пункт 5 части 2 статьи 125, пункт 3 части 1 статьи 126 АПК РФ, пункт 2 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве).

Доказательства, представленные заявителем, не исследуются судом при рассмотрении вопроса о возможности принятия заявления к производству (статьи 125, 126 и 162 АПК РФ).

Вместе с тем, если в заявлении названные обстоятельства не отражены и (или) к нему не приложены доказательства, подтверждающие, по мнению заявителя, данные обстоятельства, суд оставляет заявление без движения (пункт 2 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве), а при неустранинии допущенных нарушений — возвращает его (пункт 4 части 1 статьи 129 АПК РФ).

34. Пунктом 3 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве установлены особенности рассмотрения в рамках дел о банкротстве обособленных споров о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. При подготовке таких споров к судебному разбирательству проводится предварительное судебное заседание по правилам статьи 136 АПК РФ.

Соответствующее заявление рассматривается судом в разумный срок применительно к положениям части 2 статьи 225¹⁶ АПК РФ.

35. Если в производстве суда находятся два и более дела (обособленных споров) о привлечении к ответственности лиц, контролирующих одного и того же должника, такие дела (обособленные споры) могут быть объединены в одно производство для совместного рассмотрения по правилам части 2¹ статьи 130 АПК РФ.

36. В отсутствие ходатайства участвующего в деле (обособленном споре) лица о порядке рассмотрения его заявления о принятии обеспечительных мер по спору о привлечении к ответственности, установленной главой III² Закона о банкротстве, вопрос о принятии обеспечительных мер в соответствии с пунктом 5 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве может быть разрешен судом без извещения заинтересованных лиц либо в судебном заседании, о котором извещаются заинтересованные лица, если возникла необходимость заслушать объяснения заявителя или лица, привлекаемого к ответственности, иных лиц.

При наличии ходатайства участвующего в деле (обособленном споре) лица о рассмотрении его заявления о принятии обеспечительных мер в судебном заседании с извещением заинтересованных лиц в удовлетворении такого ходатайства может быть отказано только в случаях, предусмотренных частью 5 статьи 159 АПК РФ.

37. Согласно пункту 6 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве заявление о привлечении к ответственности, указанной в главе III² этого Закона (в том числе в статье 61²⁰), контролирующего должника лица, в отношении которого возбуждено дело о банкротстве, подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве контролируемого лица. О времени и месте судебных заседаний или совершении отдельных процессуальных действий суд извещает в том числе арбитражного управляющего, утвержденного в деле о банкротстве контролирующего должника лица, который в силу пункта 4 статьи 20³ Закона о банкротстве обязан проинформировать о начавшемся процессе лиц, участвующих в деле о банкротстве данного контролирующего лица, в порядке, установленном для уведомления кредиторов о проведении собрания кредиторов (статья 13 Закона о банкротстве).

38. Понижение очередности удовлетворения требований кредиторов, предусмотренное пунктом 4 статьи 142 Закона о банкротстве, применяется только в случае, когда возможность предъявления требований в двухмесячный срок, указанный в пункте 1 статьи 142 Закона о банкротстве, объективно существовала, но не была своевременно реализована кредитором. Поэтому при установлении в деле о банкротстве контролирующего должника лица требования о возмещении им вреда в порядке субсидиарной ответственности названный двухмесячный срок начинает течь не ранее начала течения срока исковой давности по заявлению о привлечении такого контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

39. Должник, по обязательствам которого контролирующее лицо привлекается к субсидиарной ответственности, с момента принятия к производству в деле о банкротстве контролирующего должника лица требования, вытекающего из возмещения последним вреда, в том числе в период приостановления рассмотрения данного требования (абзац четвертый пункта 6 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве), пользуется правами и несет обязанности лица, участвующего в деле о банкротстве контролирующего должника лица. Он вправе

знакомится с материалами дела, заявлять возражения по требованиям других кредиторов и относительно порядка продажи имущества контролирующего лица, обжаловать судебные акты, требовать отстранения арбитражного управляющего, участвовать без права голоса в собраниях кредиторов и т.д.

В случае пропуска должником, по обязательствам которого контролирующее лицо привлекается к субсидиарной ответственности, срока на обжалование судебных актов, принятых в рамках дела о банкротстве контролирующего лица, суд вправе восстановить пропущенный срок исходя из сведений о том, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов (статья 117 АПК РФ).

40. Изложенное в абзаце 5 пункта 6 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве правило о том, что до рассмотрения вопроса о включении в реестр требований кредиторов контролирующего должника лица требования о привлечении его к ответственности денежные средства, вырученные от реализации имущества контролирующего лица, не распределяются между кредиторами последнего, не распространяется на кредиторов лица, контролирующего должника, требования которых имеют приоритет над требованием о привлечении к ответственности, относящимся к третьей очереди удовлетворения (пункт 4 статьи 134 Закона о банкротстве).

41. По смыслу пункта 7 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве приостановление производства по обособленному спору о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по основанию, предусмотренному статьей 61¹¹ Закона о банкротстве, осуществляется судом при невозможности определения размера ответственности, но при установлении всех иных обстоятельств, имеющих значение для привлечения к такой ответственности.

В этом случае суд, в том числе суд апелляционной инстанции (при установлении оснований для привлечения контролирующего должника лица к ответственности при рассмотрении апелляционной жалобы на определение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении соответствующего требования), выносит определение (постановление) о приостановлении производства по обособленному спору, в резолютивной части которого должны содержаться указание на приостановление производства по спору и вывод о наличии оснований привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, а в мотивировочной части приводит обоснование соответствующего вывода. Такой судебный акт как в части вывода о наличии оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, так и в части приостановления производства по спору может быть обжалован в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 223 АПК РФ.

Определение суда первой инстанции, постановление суда апелляционной инстанции о приостановлении производства по обособленному спору в связи с невозможностью определения

размера субсидиарной ответственности, в котором отсутствуют выводы о наличии оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, подлежит отмене на основании пункта 1 части 1 статьи 270, части 3 статьи 288 АПК РФ.

Производство по обособленному спору без установления оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности может быть приостановлено только в случаях, предусмотренных статьями 143, 144 АПК РФ.

42. В случае приостановления производства по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности судом апелляционной инстанции в резолютивной части постановления также указывается на направление вопросов о возобновлении производства по делу и об определении размера ответственности в суд первой инстанции (пункты 8 и 9 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве).

43. Изложенный в резолютивной части определения о приостановлении производства по делу вывод суда о наличии оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности является общеобязательным (статья 16 АПК РФ), что исключает повторную проверку этого вывода после возобновления производства по обособленному спору на основании абзаца первого пункта 9 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве.

44. Положения абзаца второго пункта 9 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве о том, что вопросы об определении размера субсидиарной ответственности и о рассмотрении отчета арбитражного управляющего о результатах проведения процедуры банкротства рассматриваются в одном судебном заседании, не исключают возможности вынесения судом двух отдельных определений по этим вопросам.

45. В резолютивной части определения о привлечении к субсидиарной ответственности (об определении размера субсидиарной ответственности) указывается общая сумма, подлежащая взысканию с контролирующего должника лица, привлеченного к ответственности, в том числе в пользу каждого из кредиторов, выбравших способ, предусмотренный подпунктом 3 пункта 2 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве, и в пользу должника — в оставшейся части.

В случае, когда на момент вынесения определения о привлечении к субсидиарной ответственности (об определении размера субсидиарной ответственности) кредиторы не выбрали способ распоряжения требованием к контролирующему должнику лицу и не могут считаться сделавшими выбор по правилам абзаца второго пункта 3 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве, в определении о привлечении к субсидиарной ответственности (об определении размера субсидиарной ответственности) взыскателем указывается должник. Впоследствии суд производит процессуальную замену взыскателя по правилам подпункта 1 пункта 4 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве.

46. В соответствии с пунктом 1 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве информация о возможности

выбора способа распоряжения требованием к контролирующему должника лицу доводится до кредиторов путем включения соответствующего сообщения в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (далее — ЕФРСБ). Предусмотренные пунктами 2 и 3 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве сроки исчисляются со дня публикации указанного сообщения в ЕФРСБ.

47. По смыслу пунктов 13—15 статьи 61¹⁶ и пункта 1 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве в случае, когда производство по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности не приостанавливалось, кредиторы вправе выбрать способ распоряжения требованием к контролирующему должника лицу как до, так и после вынесения судом определения о привлечении к субсидиарной ответственности.

Если способ распоряжения требованием избран всеми кредиторами до рассмотрения по существу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, арбитражный управляющий обязан заблаговременно проинформировать об этом суд, направив соответствующий отчет (пункт 3 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве). В этом случае сообщение о возможности выбрать способ распоряжения требованием к контролирующему должника лицу (пункт 1 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве) не подлежит опубликованию в ЕФРСБ и в определении о привлечении к субсидиарной ответственности указывается сумма, подлежащая взысканию с учетом выбранного кредиторами способа распоряжения требованием к контролирующему лицу (пункт 13 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве).

48. По смыслу пункта 5 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве голоса кредиторов, являющихся заинтересованными по отношению к должнику или к лицу, привлеченному к ответственности, не учитываются как при определении того, каким образом будет пополняться конкурсная масса (путем взыскания денежных средств с контролирующего должника лица или путем возмездной уступки требования к нему), так и при утверждении порядка продажи требования.

49. По смыслу пунктов 5 и 6 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве требование в соответствующей части переходит к выбравшему уступку кредитору (подпункт 3 пункта 2 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве) независимо от того, какой выбор сделали другие кредиторы. Получение их согласия на уступку не требуется.

Кредиторы, выбравшие уступку, не имеют права голоса на собрании по вопросу об утверждении порядка продажи оставшейся за должником части требования к лицу, контролирующему должника (абзац второй пункта 5 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве).

50. Для обеспечения исполнения судебного акта о привлечении лица к ответственности по основанию, предусмотренному статьей 61¹² Закона о банкротстве, арбитражным управляющим открывается специальный банковский счет должника. Списание денежных средств с этого счета осуществляется по распоряжению арбитражного управляющего для удовлетворения тре-

бований кредиторов, в интересах которых было удовлетворено заявление о привлечении лица к субсидиарной ответственности, в соответствии с очередностью, установленной статьей 134 Закона о банкротстве.

При наличии разногласий между арбитражным управляющим и кредиторами, имеющими право на получение денежных средств с названного счета, любой из них вправе обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве, с заявлением о разрешении возникших разногласий, по результатам рассмотрения которого выносится определение (пункт 4 статьи 61¹⁸ Закона о банкротстве).

51. Заявление о привлечении к субсидиарной ответственности как по основаниям, предусмотренным статьей 61¹¹, так и по основаниям, предусмотренным статьей 61¹² Закона о банкротстве (часть 6 статьи 13 АПК РФ), поданное вне рамок дела о банкротстве, считается предъявленным в интересах всех кредиторов, имеющих право на присоединение к иску, независимо от того, какой перечень кредиторов содержится в тексте заявления. Такое заявление рассматривается судом по правилам главы 28² АПК РФ с учетом особенностей, предусмотренных законодательством о банкротстве (пункт 4 статьи 61¹⁹ Закона о банкротстве).

Форма и содержание названного заявления должны соответствовать требованиям, предусмотренным пунктом 4 статьи 61¹⁹ Закона о банкротстве и статьей 225¹³ АПК РФ. Оно оплачивается государственной пошлиной в размере, определенном по правилам подпункта 1 пункта 1 статьи 333²¹ НК РФ исходя из суммы, предъявленной к взысканию в интересах подавшего иск кредитора.

52. Исходя из целей законодательного регулирования и общеправового принципа равенства к заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности, поданному вне рамок дела о банкротстве, вправе присоединиться кредиторы должника, обладающие правом на обращение с таким же заявлением (пункты 1—4 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве), а также иные кредиторы, требования которых к должнику подтверждены вступившим в законную силу судебным актом или иным документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона (далее — кредиторы, обладающие правом на присоединение).

53. Заявитель, обратившийся с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, должен предложить другим кредиторам, обладающим правом на присоединение, присоединиться к его требованию (части 2 и 4 статьи 225¹⁴ АПК РФ).

Такое предложение должно быть сделано путем включения сообщения в ЕФРСБ в течение трех рабочих дней после принятия судом к производству заявления о привлечении к ответственности (часть 6 статьи 13 АПК РФ, подпункт 3 пункта 4 статьи 61¹⁹, пункт 3 статьи 61²² Закона о банкротстве).

Суд в определении о принятии заявления к производству и подготовке дела к судебному раз-

бирательству вправе возложить на заявителя обязанность по дополнительному извещению кредиторов иным способом, установив порядок и форму дополнительного извещения (часть 3 статьи 225¹⁴ АПК РФ).

54. Кредиторы, обладающие правом на присоединение, могут присоединиться к уже предъявленному требованию в любое время до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, путем направления в письменной форме соответствующего сообщения с приложением документов, подтверждающих наличие у них такого права заявителю. К заявлению о присоединении к требованию о привлечении к субсидиарной ответственности также должен быть приложен документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, исчисленной по правилам подпункта 1 пункта 1 статьи 333²¹ НК РФ исходя из денежной суммы, предъявленной к взысканию в интересах присоединяющегося кредитора, или право на получение льготы по уплате государственной пошлины либо ходатайство о предоставлении отсрочки, рассрочки, об уменьшении размера государственной пошлины.

Заявитель обязан сообщить информацию о лицах, присоединившихся к его требованию, и представить документы, подтверждающие их присоединение, суду (часть 5 статьи 225¹⁴ АПК РФ).

Лицо, чье сообщение (заявление) о присоединении к требованию было направлено и поступило непосредственно в суд, в производстве которого находится дело, считается присоединившимся к исковому требованию.

55. Заявитель, не сообщивший суду информацию о кредиторах, присоединившихся к его требованию, несет перед ними ответственность в виде возмещения убытков (статья 1064 ГК РФ).

56. По общему правилу, на арбитражном управляющем, кредиторах, в интересах которых заявлено требование о привлечении к ответственности, лежит бремя доказывания оснований возложения ответственности на контролирующее должника лицо (статья 65 АПК РФ). Вместе с тем отсутствие у членов органов управления, иных контролирующих лиц заинтересованности в раскрытии документов, отражающих реальное положение дел и действительный оборот, не должно снижать уровень правовой защищенности кредиторов при необоснованном посягательстве на их права. Поэтому, если арбитражный управляющий и (или) кредиторы с помощью косвенных доказательств убедительно обосновали утверждения о наличии у привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействия) последнего, бремя опровержения данных утверждений переходит на привлекаемое лицо, которое должно доказать, почему письменные документы и иные доказательства арбитражного управляющего, кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, раскрыв свои документы и представив объяснения относительно того, как на са-

мом деле осуществлялась хозяйственная деятельность (пункт 4 статьи 61¹⁶ Закона о банкротстве).

Материалы проведенных в отношении должника или его контрагентов мероприятий налогового контроля, документы, полученные в ходе производства по делам об административных правонарушениях и уголовным делам, могут быть использованы в качестве средств доказывания фактических обстоятельств, на которые ссылается заявитель, предъявивший требование о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности. Такие материалы не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке наряду с другими доказательствами (статьи 71, 75 и 89 АПК РФ).

**Тождественность исков (заявлений)
о привлечении к субсидиарной ответственности.
Исковая давность по требованиям о привлечении
к субсидиарной ответственности**

57. По смыслу взаимосвязанных положений абзаца первого пункта 5 и абзаца первого пункта 6 статьи 61¹⁴, пункта 3 статьи 61¹⁹ Закона о банкротстве не допускается повторное разрешение в рамках дела о банкротстве требования о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, если ранее требование о привлечении этого же лица по тем же основаниям, поданное в защиту интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов должника, уже было предъявлено и рассмотрено в том же деле о банкротстве. Также не может быть повторно разрешен иск о привлечении лица, контролирующего должника, к субсидиарной ответственности, поданный вне рамок дела о банкротстве, если ранее требование по тем же основаниям к тому же лицу было предъявлено и рассмотрено в деле о банкротстве.

Кредитор, обладающий правом на присоединение к заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности, поданному вне рамок дела о банкротстве, не реализовавший это право, утрачивает право на последующее предъявление требования к тому же контролирующему должника лицу по тем же основаниям (часть 5 статьи 225¹⁶ АПК РФ), за исключением случаев, когда существовала объективная невозможность присоединения к первому требованию, например, кредитор не имел возможности присоединиться к первоначальному требованию ввиду того, что судебное решение, подтверждающее задолженность перед ним (или иной документ — для случаев взыскания задолженности во внесудебном порядке), не вступило в законную силу.

При этом под основаниями требования о привлечении к субсидиарной ответственности, предполагающего обоснование статуса контролирующего должника лица, понимаются не ссылки на нормы права, а фактические обстоятельства спора, на которых основано притязание гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов должника, о возмещении вреда, обращенного к конкретному лицу. В частности, не могут быть квалифицированы как тождественные

требование о привлечении к субсидиарной ответственности, мотивированное непередачей руководителем должника учредительных документов, и требование, мотивированное непередачей им документации об основных активах должника, либо два требования, в основание которых положены разные действия (бездействие) одного и того же контролирующего должника лица.

58. Сроки, указанные в абзаце первом пункта 5 и абзаце первом пункта 6 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве, являются специальными сроками исковой давности (пункт 1 статьи 197 ГК РФ), начало течения которых обусловлено субъективным фактором (моментом осведомленности заинтересованных лиц). При этом данные сроки ограничены объективными обстоятельствами: они в любом случае не могут превышать трех лет со дня признания должника банкротом (прекращения производства по делу о банкротстве либо возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом) или со дня завершения конкурсного производства и десяти лет со дня совершения противоправных действий (бездействия).

Исковая давность применяется судом только по заявлению контролирующего должника лица, сделанному до вынесения определения о приостановлении производства по делу, содержащего вывод о наличии оснований для привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, определения о привлечении к ответственности (если производство по обособленному спору не приостанавливалось), решения о привлечении к ответственности (если спор разрешен вне рамок дела о банкротстве) (пункт 2 статьи 199 ГК РФ).

59. Предусмотренный абзацем первым пункта 5 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве срок исковой давности по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности, по общему правилу, исчисляется с момента, когда действующий в интересах всех кредиторов арбитражный управляющий или обычный независимый кредитор, обладающий правом на подачу заявления, узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности — о совокупности следующих обстоятельств: о лице, имеющем статус контролирующего, его неправомерных действиях (бездействии), причинивших вред кредиторам и влекущих за собой субсидиарную ответственность, и о недостаточности активов должника для проведения расчетов со всеми кредиторами (без выяснения точного размера такой недостаточности). Если в ходе рассмотрения обособленного спора (дела) будет установлено, что какой-либо из кредиторов узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к ответственности до того, как об этом объективно могли узнать иные кредиторы, по заявлению контролирующего должника лица исковая давность может быть применена к части требования о привлечении к субсидиарной ответственности, приходящейся на такого информированного кредитора (пункт 1 статьи 200 ГК РФ, абзац первый пункта 5 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве).

При этом в любом случае течение срока исковой давности не может начаться ранее возникновения права на подачу в суд заявления о привлечении к субсидиарной ответственности (например, ранее введения первой процедуры банкротства, возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом, прекращения производства по делу о банкротстве на основании абзаца восьмого пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом).

Если в ходе рассмотрения обособленного спора (дела) будет установлено, что недобросовестно действующий в интересах контролирующего должника лица арбитражный управляющий скрыл от кредиторов обстоятельства, являющиеся основанием для привлечения к субсидиарной ответственности, срок исковой давности не может быть исчислен с момента осведомленности такого управляющего.

60. Если о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности кредиторы узнали или должны были узнать только после завершения конкурсного производства, к соответствующему требованию, поданному вне рамок дела о банкротстве, применяется исковая давность, предусмотренная пунктом 6 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве.

В этом случае исковая давность исчисляется с момента, когда обычный независимый кредитор, обладающий правом на подачу заявления вне рамок дела о банкротстве, узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности. Если в ходе рассмотрения дела будет установлено, что какой-либо из кредиторов узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к ответственности ранее этого момента, по заявлению контролирующего должника лица исковая давность может быть применена к части требования о привлечении к субсидиарной ответственности, приходящейся на такого информированного кредитора (пункт 1 статьи 200 ГК РФ, абзац первый пункта 6 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве).

61. В удовлетворении иска о привлечении к субсидиарной ответственности, поданного вне рамок дела о банкротстве, не может быть отказано только потому, что о наличии оснований для привлечения к ответственности кредитор (кредиторы) узнал или должен был узнать до завершения конкурсного производства. В этом случае к части требования о привлечении к субсидиарной ответственности, приходящейся на данного проинформированного кредитора (кредиторов), применяется исковая давность, предусмотренная пунктом 5 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве, к остальной части требования о привлечении к субсидиарной ответственности применяется исковая давность, предусмотренная пунктом 6 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве.

62. Положения абзаца второго пункта 5 и абзаца второго пункта 6 статьи 61¹⁴ Закона о банкротстве являются специальными по отношению к правилам статьи 205 ГК РФ.

Срок исковой давности арбитражному управляющему, кредиторам, являющимся юридическими лицами или предпринимателями, может быть восстановлен лишь в исключительных случаях, когда они действительно были лишены возможности своевременно обратиться в суд по независящим от них причинам.

При этом не подлежат восстановлению предельные объективные трехлетний и десятилетний сроки, исчисляемые со дня признания должника банкротом (прекращения производства по делу о банкротстве либо возврата уполномоченному органу заявления о признании должника банкротом) или завершения конкурсного производства, совершения неправомерных действий (бездействия), причинивших вред кредиторам и влекущих субсидиарную ответственность.

Стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего

63. При исчислении в соответствии с пунктами 12, 13 и 17 статьи 20⁶ Закона о банкротстве вознаграждения арбитражного управляющего требования кредиторов, удовлетворенные за счет денежных средств, поступивших от привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, не учитываются. При этом арбитражный управляющий согласно пункту 3¹ статьи 20⁶ Закона о банкротстве имеет право на получение дополнительного стимулирующего вознаграждения в виде процентов в связи с привлечением к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, зависящего от результатов работы и реального вклада управляющего в конечный результат (далее — стимулирующее вознаграждение).

64. Абзацами вторым, третьим пункта 3¹ статьи 20⁶ Закона о банкротстве установлены особенности определения стимулирующего вознаграждения при удовлетворении требований кредиторов за счет денежных средств, поступивших в конкурсную массу в результате привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Арбитражный управляющий имеет право на получение 30 процентов от поступившей в конкурсную массу суммы. Данные средства включают в себя компенсацию издержек арбитражного управляющего, возникших в связи с привлечением им иных лиц для оказания управляющему помощи в подготовке необходимых материалов и представлении интересов при разрешении соответствующего спора в суде, а также на стадии исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности.

Право на получение стимулирующего вознаграждения возникает у арбитражного управляющего как в случае взыскания денежных средств в конкурсную массу в результате исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности, так и в случае поступления денежных средств в результате продажи требования к контролирующему должника лицу на торгах по правилам пункта 2 статьи 140 Закона о банкротстве.

Размер стимулирующего вознаграждения арбитражного управляющего по его заявлению устанавливается определением суда, рассматривающим дело о банкротстве, на основании которого соответствующая сумма подлежит перечислению управляющему.

Согласно абзацу пятому пункта 3¹ статьи 20⁶ Закона о банкротстве размер стимулирующего вознаграждения может быть снижен судом или в его выплате может быть отказано. Данное правило о снижении размера стимулирующего вознаграждения применяется, в частности, если будет установлено, что положительный результат в виде реального поступления денежных средств в конкурсную массу достигнут совместными действиями как арбитражного управляющего и привлеченных им специалистов, так и иных участвующих в деле о банкротстве лиц. В выплате стимулирующего вознаграждения может быть отказано, если арбитражный управляющий, привлеченные им специалисты не предпринимали меры, направленные на поиск контролирующих должника лиц и выявление их активов, занимали пассивную позицию в споре (в том числе не представляли доказательства, на основании которых контролирующее лицо привлечено к ответственности, не заявляли необходимые доводы и ходатайства), противодействовали привлечению лиц, контролирующих должника, к ответственности прямо либо косвенно (в частности, стремились привлечь к ответственности только номинального руководителя и освободить от ответственности фактического).

По смыслу абзаца седьмого пункта 3¹ статьи 20⁶ Закона о банкротстве в интересах кредиторов, за счет которых было удержано из конкурсной массы и выплачено стимулирующее вознаграждение, арбитражный управляющий обязан обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве, с заявлением о взыскании фактически выплаченных сумм с контролирующего должника лица в качестве судебных издержек (статьи 106, 110 АПК РФ). При уклонении арбитражного управляющего от исполнения этой обязанности кредиторы, за счет которых было удержано из конкурсной массы и выплачено стимулирующее вознаграждение, вправе требовать возмещения управляющим убытков (пункт 4 статьи 20⁴ Закона о банкротстве) либо обратиться с заявлением о распределении судебных издержек самостоятельно.

65. Отношения, связанные с установлением и выплатой стимулирующего вознаграждения при полном погашении требований кредиторов (статьи 113, 125 Закона о банкротстве) или при полном погашении задолженности по обязательным платежам (статьи 71¹, 85¹, 112¹ и 129¹ Закона о банкротстве) урегулированы абзацем четвертым пункта 3¹ статьи 20⁶ Закона о банкротстве.

В этом случае арбитражный управляющий имеет право на получение стимулирующего вознаграждения, если докажет, что погашение требований кредиторов (уполномоченного органа) вызвано подачей им заявления о привлечении лица, контролирующего должника, к субсидиарной ответственности. Вопрос об установлении

стимулирующего вознаграждения рассматривается судом одновременно с рассмотрением заявления о намерении удовлетворить все требования кредиторов, включенные в реестр требований кредиторов, или требования к должнику об уплате обязательных платежей, включенные в реестр требований кредиторов (далее — заявление о намерении).

Если будет установлено, что положительный результат в виде намерения погасить требования кредиторов (уполномоченного органа) обусловлен подачей арбитражным управляющим заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, в судебном акте об удовлетворении заявления о намерении, помимо прочего, суд указывает размер причитающегося управляющему стимулирующего вознаграждения, выплачиваемого лицом, погашающим требования, сверх суммы требований кредиторов (уполномоченного органа).

Определяя размер стимулирующего вознаграждения, суд учитывает, насколько действия арбитражного управляющего способствовали компенсации имущественных потерь кредиторов (уполномоченного органа) лицом, погашающим их требования.

66. В случае перечисления денежных средств контролирующим лицом, привлеченным к субсидиарной ответственности, непосредственно кредитору, получившему часть требования в результате уступки (подпункт 3 пункт 2 статьи 61¹⁷ Закона о банкротстве), арбитражный управляющий вправе получить стимулирующее вознаграждение, если докажет, что удовлетворение требования кредитора, выбравшего уступку, вызвано действиями управляющего, связанными с подготовкой, подачей заявления о привлечении к субсидиарной ответственности и отстаиванием позиции по этому заявлению в суде (абзац четвертый пункта 3¹ статьи 20⁶ Закона о банкротстве).

В этом случае размер стимулирующего вознаграждения арбитражного управляющего по его заявлению устанавливается определением суда, рассматривающего дело о банкротстве, на основании которого соответствующая сумма подлежит взысканию с получившего удовлетворение кредитора в пользу арбитражного управляющего.

Определяя размер стимулирующего вознаграждения, суд учитывает, насколько действия управляющего способствовали восстановлению нарушенных прав кредитора (уполномоченного органа), выбравшего уступку, и компенсации его имущественных потерь.

По смыслу абзаца седьмого пункта 3¹ статьи 20⁶ Закона о банкротстве выбравший уступку кредитор, за счет которого было выплачено стимулирующее вознаграждение, вправе обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве, с заявлением о взыскании с контролирующего должника лица в качестве судебных издержек фактически выплаченной управляющему суммы (статьи 106, 110 АПК РФ).

Такое заявление кредитор, выбравший уступку, применительно к части 2 статьи 112 АПК РФ вправе подать в суд не позднее шести месяцев со

дня вступления в законную силу определения о взыскании с него стимулирующего вознаграждения.

67. В случае подачи арбитражным управляющим заявления об установлении стимулирующего вознаграждения после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве (вне зависимости от оснований начисления вознаграждения: поступление денежных средств в конкурсную массу, погашение требований кредиторов (уполномоченного органа) третьим лицом, погашение требований кредитора, выбравшего уступку, контролирующим лицом) соответствующее заявление рассматривается судом, ранее рассматривавшим дело о банкротстве (абзац седьмой пункта 3¹ статьи 20⁶ Закона о банкротстве).

Такое заявление арбитражный управляющий применительно к части 2 статьи 112 АПК РФ вправе подать в суд не позднее шести месяцев со дня завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу.

В указанном случае стимулирующее вознаграждение подлежит взысканию с лица, контролирующего должника, в пользу арбитражного управляющего по правилам о возмещении судебных издержек (абзац седьмой пункта 3¹ статьи 20⁶ Закона о банкротстве, статьи 106, 110 АПК РФ).

Особенности привлечения к ответственности по корпоративным основаниям при банкротстве

68. Согласно пунктам 1 и 2 статьи 61²⁰ Закона о банкротстве со дня введения первой процедуры банкротства и далее в ходе любой процедуры банкротства помимо иных лиц правом на предъявление от имени должника требования о возмещении убытков, причиненных должнику членами его органов и лицами, определяющими действия должника (далее — директор), по корпоративным основаниям (статья 53¹ ГК РФ, статья 71 Закона об акционерных обществах, статья 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью) наделяются конкурсные кредиторы, уполномоченный орган, работники должника, в том числе бывшие, их представитель. Соответствующее требование подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве.

Поскольку данное требование в силу прямого указания Закона о банкротстве подается от имени должника, срок исковой давности исчисляется с момента, когда должник, например, в лице нового директора, не связанного (прямо или опосредованно) с допустившим нарушение директором, или арбитражного управляющего, утвержденного после прекращения полномочий допустившего нарушение директора, получил реальную возможность узнать о допущенном бывшим директором нарушении либо когда о нарушении узнал или должен был узнать не связанный (прямо или опосредованно) с привлекаемым к ответственности директором участник (учредитель), имевший возможность прекратить полномочия директора, допустившего нарушение. При этом течение срока исковой давности не может

начаться ранее дня, когда названные лица узнали или должны были узнать о том, кто является надлежащим ответчиком (например, фактическим директором) (статья 200 ГК РФ).

69. По смыслу пункта 3 статьи 61²⁰ Закона о банкротстве право на предъявление требований о возмещении убытков по корпоративным основаниям возникает у уполномоченного органа — при возврате судом его заявления о признании должника банкротом в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства, а также у конкурсных кредиторов и уполномоченного органа, чьи требования были включены в реестр требований кредиторов, — при прекращении производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства.

В этом случае применяются специальные правила о подсудности, установленные пунктом 5 статьи 61²⁰ Закона о банкротстве. Взыскание производится судом в пользу предъявившего требование конкурсного кредитора (уполномоченного органа) в размере причиненных должнику убытков, но не более суммы требования кредитора (уполномоченного органа), установленного в рамках прекращенного дела о банкротстве либо требования уполномоченного органа, указанного в возвращенном ему заявлении о признании должника банкротом. Начало течения срока исковой давности по требованию конкурсного кредитора (уполномоченного органа) о возмещении убытков определяется с учетом разъяснений,

данных в предыдущем пункте настоящего постановления.

Заключительные положения

70. Признать не подлежащими применению: абзац второй пункта 20⁵ постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 года № 10 “О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях” в части слов “а также в электронном виде в Высший Арбитражный Суд Российской Федерации для его размещения на интернет-сайте Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации”;

пункт 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 года № 29 “О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”;

абзац третий пункта 47 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 года № 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 54 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 21 декабря 2017 г.

О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки

В целях обеспечения единства практики применения судами положений Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать следующие разъяснения:

Общие положения о переходе требования на основании договора (уступке требования)

1. По смыслу пункта 1 статьи 382, пункта 1 статьи 389¹, статьи 390 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) уступка требования производится на основании договора, заключенного первоначальным кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием) (далее — договор, на основании которого производится уступка).

В силу статьи 421 ГК РФ такой договор между цедентом и цессионарием может являться договором, предусмотренным законом или иными правовыми актами, смешанным договором или договором, который не предусмотрен законом или иными правовыми актами.

Например, уступка требования может производиться на основании предусмотренных ГК РФ договора продажи имущественного права (пункт 4 статьи 454 ГК РФ) или договора дарения (пункт 1 статьи 572 ГК РФ). В таком случае следует учитывать правила гражданского законодательства об отдельных видах договоров, в частности пункта 1 статьи 460 ГК РФ, по смыслу которого в случае неисполнения продавцом (цедентом) обязанности передать требование свободным от прав третьих лиц покупатель (цессионарий) вправе требовать уменьшения цены либо расторжения договора, если не будет доказано, что он знал или должен был знать об этих правах (пункт 1 статьи 307¹ ГК РФ).

Согласно статье 421 ГК РФ стороны также вправе, в частности, заключить договор, по которому первоначальный кредитор (цедент) обязуется уступить новому кредитору (цессионарию) требование к должнику, а новый кредитор (цессионарий) принимает на себя обязанность передать первоначальному кредитору (цеденту) часть того, что будет исполнено должником по уступаемому требованию.

2. Договор, на основании которого производится уступка по сделке, требующей государственной регистрации, должен быть зарегистрирован в порядке, установленном для регистрации этой сделки, если иное не установлено законом. Такой договор, по общему правилу, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации (пункт 2 статьи 389, пункт 3 статьи 433 ГК РФ). Например, договор, на основании которого производится уступка требования об уплате арендных платежей по зарегистрированному договору аренды, подлежит государственной регистрации. В отсутствие регистрации указанный договор не влечет юридических последствий для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении, например для приобретателя арендуемого имущества.

Несоблюдение цедентом и цессионарием указанного требования о государственной регистрации, а равно и формы уступки не влечет негативных последствий для должника, предоставившего исполнение цессионарию на основании полученного от цедента надлежащего письменного уведомления о соответствующей уступке (статья 312 ГК РФ).

3. В силу пункта 3 статьи 423 ГК РФ договор, на основании которого производится уступка, предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа этого договора не вытекает иное. Отсутствие в таком договоре условия о цене передаваемого требования само по себе не является основанием для признания его недействительным или незаключенным. В таком случае цена требования, в частности, может быть определена по правилу пункта 3 статьи 424 ГК РФ. Договор, на основании которого производится уступка, может быть квалифицирован как дарение только в том случае, если будет установлено намерение цедента одарить цессионария (статья 572 ГК РФ).

4. В силу пункта 1 статьи 384 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, требование первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода требования. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

Первоначальный кредитор не может уступить новому кредитору больше прав, чем имеет сам. Вместе с тем на основании закона новый кредитор в силу его особого правового положения может обладать дополнительными правами, которые отсутствовали у первоначального кредитора, например правами, предусмотренными Законом

Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 "О защите прав потребителей".

5. По общему правилу, требование переходит к цессионарию в момент заключения договора, на основании которого производится уступка, например договора продажи имущественного права (пункт 2 статьи 389¹ ГК РФ). Однако законом или таким договором может быть установлен более поздний момент перехода требования. Стороны вправе установить, что переход требования произойдет по истечении определенного срока или при наступлении согласованного сторонами отлагательного условия. Например, стороны договора продажи имущественного права вправе установить, что право переходит к покупателю после его полной оплаты без необходимости иных соглашений об этом (пункт 4 статьи 454, статья 491 ГК РФ).

В договоре, на основании которого производится уступка, может быть также предусмотрено, что требование перейдет в момент совершения отдельного соглашения, непосредственно оформляющего уступку (отдельного двустороннего документа о переходе требования). Если цедент уклоняется от подписания такого документа, исполнивший свои обязанности цессионарий вправе требовать перевода права на себя (статья 12 ГК РФ).

6. Согласно взаимосвязанным положениям статьи 388¹, пункта 5 статьи 454 и пункта 2 статьи 455 ГК РФ договор, на основании которого производится уступка, может быть заключен не только в отношении требования, принадлежащего цеденту в момент заключения договора, но и в отношении требования, которое возникнет в будущем или будет приобретено цедентом у третьего лица (будущее требование). Если иное не установлено законом, будущее требование переходит к цессионарию, соответственно, непосредственно после момента его возникновения или его приобретения цедентом. Соглашением сторон может быть предусмотрено, что будущее требование переходит позднее (пункт 2 статьи 388¹ ГК РФ).

Не является будущим уже принадлежащее цеденту требование, срок исполнения которого не наступил к моменту заключения договора, на основании которого производится уступка, например требование займодавца о возврате суммы переданного займа до наступления срока его возврата. Такое требование переходит к цессионарию по правилу, установленному пунктом 2 статьи 389¹ ГК РФ.

7. Если одно и то же требование уступлено разным лицам одним первоначальным кредитором (цедентом), надлежащим новым кредитором (цессионарием) считается то лицо, в отношении которого момент перехода требования наступил ранее (пункт 2 статьи 388¹, пункт 2 статьи 389¹, абзац первый пункта 4 статьи 390 ГК РФ).

Иное лицо (другой цессионарий), в отношении которого момент перехода спорного требования должен был наступить позднее, вправе требовать возмещения убытков, вызванных неисполнением цедентом договора, на основании ко-

торого должна была производиться эта уступка. В случае исполнения должником такому иному лицу риск последствий исполнения несет цедент или цессионарий, которые знали или должны были знать об уступке требования, состоявшейся ранее (абзац второй пункта 4 статьи 390 ГК РФ).

8. По смыслу статей 390, 396 ГК РФ невозможность перехода требования, например, по причине его принадлежности иному лицу или его прекращения сама по себе не приводит к недействительности договора, на основании которого должна была производиться такая уступка, и не освобождает цедента от ответственности за неисполнение обязательств, возникших из этого договора. Например, если стороны договора продажи имущественного права исходили из того, что названное право принадлежит продавцу, однако в действительности оно принадлежало иному лицу, покупатель вправе потребовать возмещения причиненных убытков (пункты 2 и 3 статьи 390, статья 393, пункт 4 статьи 454, статьи 460 и 461 ГК РФ), а также применения иных предусмотренных законом или договором мер гражданско-правовой ответственности.

Равным образом, если иное не вытекает из существа соглашения между цедентом и цессионарием, цедент, обязавшийся уступить будущее требование, отвечает перед цессионарием, если уступка не состоялась по причине того, что в предусмотренный договором срок или в разумный срок уступаемое право не возникло или не было приобретено у третьего лица.

Допустимость уступки требования

9. Уступка права, совершенная в нарушение законодательного запрета, является ничтожной (пункт 2 статьи 168 ГК РФ, пункт 1 статьи 388 ГК РФ). Например, ничтожной является уступка прав бенефициара по независимой гарантии без одновременной уступки тому же лицу прав по основному обязательству (абзац второй пункта 1 статьи 372 ГК РФ). Статья 383 ГК РФ устанавливает запрет на уступку другому лицу прав (требований), если их исполнение предназначено лично для кредитора-гражданина либо иным образом неразрывно связано с его личностью. При этом следует принимать во внимание существо уступаемого права и цель ограничения перемены лиц в обязательстве. Например, исходя из положений пункта 7 статьи 448 ГК РФ запрет уступки прав по договорам, заключение которых возможно только путем проведения торгов, не затрагивает требований по денежным обязательствам.

10. При оценке того, имеет ли личность кредитора в обязательстве существенное значение для должника, для целей применения пункта 2 статьи 388 ГК РФ необходимо исходить из существа обязательства.

Если стороны установили в договоре, что личность кредитора имеет существенное значение для должника, однако это не вытекает из существа возникшего на основании этого договора обязательства, то подобные условия следует квали-

фицировать как запрет на уступку прав по договору без согласия должника (пункт 2 статьи 382 ГК РФ).

11. Возможность уступки требования не ставится в зависимость от того, является ли уступаемое требование бесспорным, обусловлена ли возможность его реализации встречным исполнением цедентом своих обязательств перед должником (пункт 1 статьи 384, статьи 386, 390 ГК РФ).

12. Если иное не установлено законом, отсутствие у цессионария лицензии на осуществление страховой либо банковской деятельности не является основанием недействительности уступки требования, полученного страховщиком в порядке суброгации или возникшего у банка из кредитного договора.

13. Допускается, в частности, уступка требований о возмещении убытков, вызванных нарушением обязательства, в том числе которое может случиться в будущем, о возврате полученного по недействительной сделке, о возврате неосновательно приобретенного или сбереженного имущества (пункты 2 и 3 статьи 307¹, пункт 1 статьи 388 ГК РФ).

При этом должник вправе выдвигать те же возражения, которые он имел против первоначального кредитора, в частности, относительно размера причиненных кредитору убытков, и представлять доказательства того, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (статьи 386, 404 ГК РФ).

14. По общему правилу, уступка требования об уплате сумм неустойки, начисляемых в связи с нарушением обязательства, в том числе подлежащих выплате в будущем, допускается как одновременно с уступкой основного требования, так и отдельно от него.

15. В случае, когда осуществленная без согласия должника уступка требования неденежного исполнения, в том числе частичная в делимом обязательстве, делает для должника исполнение его обязательства значительно более обременительным, должник вправе исполнить обязательство цеденту (пункт 3 статьи 384, пункт 4 статьи 388 ГК РФ).

Если переход названного требования не может быть признан значительно более обременительным для должника, однако требует от должника дополнительных усилий или затрат, цедент и цессионарий обязаны возместить должнику соответствующие расходы. До исполнения цедентом и (или) цессионарием этой обязанности должник, по общему правилу, не считается просрочившим (статьи 405, 406 ГК РФ).

16. Если договор содержит условие о необходимости получения согласия должника либо о запрете уступки требования третьим лицам, передача такого требования, за исключением уступки требований по денежному обязательству, может быть признана недействительной по иску должника только в случае, когда доказано, что цессионарий знал или должен был знать об указанном запрете (пункт 2 статьи 382, пункт 3 статьи 388 ГК РФ). Соглашением должника и кредитора могут быть установлены иные последствия отсутствия

необходимого в соответствии с договором соглашения на уступку, в частности, данное обстоятельство может являться основанием для одностороннего отказа от договора, права (требования) по которому были предметом уступки (статья 310, статья 450¹ ГК РФ).

17. Уступка требований по денежному обязательству в нарушение условия договора о предоставлении согласия должника или о запрете уступки, по общему правилу, действительна независимо от того, знал или должен был знать цессионарий о достигнутом цедентом и должником соглашении, запрещающем или ограничивающем уступку (пункт 3 статьи 388 ГК РФ).

Вместе с тем, если цедент и цессионарий, совершая уступку вопреки названному договорному запрету, действовали с намерением причинить вред должнику, такая уступка может быть признана недействительной (статьи 10 и 168 ГК РФ).

18. В случае уступки требования, совершенной без согласия должника, его расходы, вызванные переходом права и являющиеся необходимыми, подлежат возмещению (пункт 4 статьи 382 ГК РФ). Такие расходы возмещаются должнику — физическому лицу по правилам пункта 4 статьи 382 ГК РФ, а иным должникам применительно к положениям пункта 2 статьи 316, пункта 2 статьи 322 ГК РФ — цедентом и цессионарием солидарно. При этом цедент не освобождается от возмещения должнику иных убытков, вызванных нарушением установленного договором запрета на уступку права требования (пункт 3 статьи 388, статья 393 ГК РФ). Расходы должника, вызванные переходом права и являющиеся необходимыми, должник вправе предъявить к зачету (статья 410 ГК РФ) либо приостановить свое исполнение до возмещения указанных расходов (статьи 405, 406 ГК РФ).

Уведомление должника об уступке требования

19. Должник считается уведомленным о переходе права с момента, когда соответствующее уведомление доставлено или считается доставленным по правилам статьи 165¹ ГК РФ, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или условиями сделки либо не следует из обычая или из практики, установившейся во взаимоотношениях сторон. Если требуемое уведомление должнику не доставлено и отсутствуют обстоятельства считать его таковым, цедент не вправе отказаться от принятия исполнения со ссылкой на состоявшийся переход права. При уклонении цедента от принятия надлежащего исполнения должник не считается просрочившим (пункт 3 статьи 405 ГК РФ) и вправе требовать возмещения убытков, причиненных просрочкой (пункт 2 статьи 406 ГК РФ).

20. Если уведомление об уступке направлено должнику первоначальным кредитором, то по смыслу абзаца второго пункта 1 статьи 385, пункта 1 статьи 312 ГК РФ исполнение, совершенное должником в пользу указанного в уведомлении нового кредитора, по общему правилу, считается

предоставленным надлежащему лицу, в том числе в случае недействительности договора, на основании которого должна была производиться уступка.

Если уведомление об уступке направлено должнику новым кредитором, то должник согласно абзацу второму пункта 1 статьи 385 ГК РФ вправе не исполнять ему обязательство до получения подтверждения от первоначального кредитора. При непредставлении такого подтверждения в течение разумного срока должник вправе исполнить обязательство первоначальному кредитору. При получении уведомления, направленного новым кредитором, об одном или о нескольких последующих переходах требования должник вправе потребовать представления доказательств наличия волеизъявлений каждого предыдущего кредитора на переход требования.

21. По смыслу статьи 385 ГК РФ уведомление о переходе права должно содержать сведения, позволяющие с достоверностью идентифицировать нового кредитора, определить объем перешедших к нему прав. Если указанных в уведомлении сведений недостаточно для совершения должником исполнения новому кредитору, должник, по общему правилу, вправе исполнить обязательство первоначальному кредитору или приостановить исполнение и потребовать представления соответствующих сведений от первоначального кредитора.

Сообщение о заключении договора, на основании которого уступка требования будет производиться после наступления определенного срока или условия, не может считаться надлежащим уведомлением для целей применения статьи 386 ГК РФ. Вместе с тем должник не вправе в дальнейшем ссылаться на отсутствие уведомления, если из содержания представленного сообщения он с очевидностью мог определить момент перехода права.

22. В соответствии с пунктом 3 статьи 382 ГК РФ исполнение, совершенное должником первоначальному кредитору до момента получения уведомления об уступке, считается предоставленным надлежащему лицу. В этом случае новый кредитор вправе требовать от первоначального кредитора передачи всего полученного от должника в счет уступленного требования и возмещения убытков в соответствии с условиями заключенного между ними договора (статьи 15, 309, 389¹, 393 ГК РФ).

Возражения должника против требования цессионария

23. Должник вправе выдвигать против требования нового кредитора не только возражения, которые он уже имел против первоначального кредитора к моменту получения уведомления о переходе прав по обязательству к новому кредитору, но и возражения, основания для которых возникли к этому моменту (статья 386 ГК РФ).

Так, если должником после получения уведомления о переходе требования об оплате выполненных работ будут выявлены скрытые недостатки этих работ, он вправе выдвинуть против требования нового кредитора соответствующее возражение, поскольку на момент получения уведомления о переходе права основание для возражения, вытекающее из договора подряда, уже возникло. Равным образом, если покупатель выявит недостатки качества товара после получения уведомления об уступке требования об оплате, он вправе выдвигать против требования нового кредитора соответствующее возражение (статьи 469—477 ГК РФ).

При нескольких последовательных переходах требования должник вправе выдвигать против требования нового кредитора возражения, основанные на правоотношениях с каждым из предыдущих кредиторов.

24. По смыслу статей 386, 412 ГК РФ должник имеет право заявить о зачете после получения уведомления об уступке, если его требование возникло по основанию, существовавшему к этому моменту, и срок требования наступил до получения уведомления либо этот срок не указан или определен моментом востребования. Если же требование должника к первоначальному кредитору возникло по основанию, существовавшему к моменту получения должником уведомления об уступке требования, однако срок этого требования еще не наступил, оно может быть предъявлено должником к зачету против требования нового кредитора лишь после наступления такого срока (статья 386 ГК РФ).

Требование должника к первоначальному кредитору, возникшее по основанию, которое не существовало к моменту получения должником уведомления об уступке требования, не может быть зачтено против требования нового кредитора.

25. По смыслу статьи 386 ГК РФ должник, получивший сообщение о заключении договора, на основании которого уступка будущего требования будет производиться после наступления определенного срока или условия, вправе выдвигать против требования цессионария возражения, основания для которых возникли до надлежащего уведомления о состоявшемся переходе требования или до момента, когда должник иным образом узнал или должен был узнать о том, что такой переход состоялся (например, если в сообщении была указана дата перехода права).

Перевод долга

26. По смыслу статьи 421 и пункта 3 статьи 391 ГК РФ при переводе долга по обязательству, связанному с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, либо первоначальный должник выбывает из обязательства (далее — привативный перевод долга), либо первоначальный и новый должники отвечают перед кредитором солидарно (далее — кумулятивный перевод долга). Соглашением сторон также мо-

жет быть предусмотрена субсидиарная ответственность.

Если кредитор вправе требовать исполнения обязательства в натуре от первоначального должника (статья 308³ ГК РФ), в случае кумулятивного перевода долга кредитор вправе требовать исполнения обязательства в натуре и от нового должника.

27. Если из соглашения кредитора, первоначального и нового должников по обязательству, связанному с осуществлением предпринимательской деятельности, неясно, привативный или кумулятивный перевод долга согласован ими, следует исходить из того, что первоначальный должник выбывает из обязательства (пункт 1 статьи 322, статья 391 ГК РФ).

В случае, если неясно, кумулятивный перевод долга или поручительство согласованы кредитором и новым должником, осуществляющими предпринимательскую деятельность, следует исходить из того, что их соглашение является договором поручительства (статья 361 ГК РФ).

28. В случае привативного перевода долга новый должник вправе выдвигать против требования кредитора возражения, основанные на отношениях между кредитором и первоначальным должником, но не вправе осуществлять в отношении кредитора право на зачет встречного требования, принадлежащего первоначальному должнику (статья 392 ГК РФ).

При кумулятивном переводе долга по обязательству, связанному с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, новый должник вправе выдвигать против требования кредитора возражения, которые имел против требования кредитора первоначальный должник. К возражениям первоначального и нового должников против требования кредитора, возникшим после совершения кумулятивного перевода долга, применяются положения статьи 324 ГК РФ.

По смыслу пункта 5 статьи 166 ГК РФ новый должник не может противопоставить требованию кредитора об исполнении обязательства возражения о том, что новый должник не получил встречное предоставление от первоначального должника за перевод долга, а также о недействительности перевода долга в силу подпункта 4 пункта 1 статьи 575 ГК РФ.

Передача договора

29. По смыслу статьи 392³ ГК РФ стороны договора и третье лицо вправе согласовать переход всех прав и обязанностей одной из сторон договора третьему лицу. В этом случае к третьему лицу переходит комплекс прав и обязанностей по договору в целом, в том числе в отношении которых не предполагается совершение отдельной уступки или перевода долга, в частности, по отношению к третьему лицу, вступившему в договор, у кредитора сохраняется право на безакцептное списание денежных средств, если это право было предоставлено кредитору по отношению к первоначальному должнику.

Например, по смыслу статей 392³ и 391 ГК РФ, если с согласия арендодателя арендатор и третье лицо заключили договор перенайма, то третье лицо полностью заменяет первоначальному должнику в отношениях с кредитором и обязано вносить арендную плату за все периоды пользования имуществом, в том числе до вступления в договор, если в соглашении о передаче договора не предусмотрено иное. Вместе с тем, если такой перенаям правомерно происходит без согласия арендодателя, например, в случае, предусмотренном пунктом 5 статьи 22 Земельного кодекса Российской Федерации, первоначальный и новый арендаторы, по общему правилу, несут солидарную ответственность перед арендодателем за встречное исполнение в ответ на исполнение, осуществленное арендодателем до заключения соглашения о передаче договора (статья 323 ГК РФ).

30. По общему правилу, недействительность условия соглашения о передаче договора в части одного из прав (требований) или перевода одной из обязанностей, возникших из договора, в который вступает третье лицо, влечет недействительность всего соглашения о передаче договора, за исключением случаев, когда можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной части (статья 180 ГК РФ).

Процессуальные вопросы

31. Согласованное в договоре первоначальному кредитору с должником арбитражное соглашение (арбитражная оговорка) сохраняет силу для нового кредитора и должника, если иное не предусмотрено указанным договором либо договором между должником и новым кредитором (часть 10 статьи 7 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”, пункт 11 статьи 7 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 “О международном коммерческом арбитраже”).

32. Если законом или договором предусмотрен обязательный досудебный порядок урегулирования спора, данный порядок считается соблюденным и в том случае, когда претензия направлена должнику первоначальным кредитором до уведомления должника о состоявшемся переходе права, а исковое заявление подано цессионарием, если иной порядок не предусмотрен законом или договором.

33. Если в период рассмотрения спора в суде состоялся переход прав кредитора (истца) к третьему лицу, суд по заявлению заинтересованного лица и при наличии согласия цедента и цессионария производит замену истца в порядке, установленном статьей 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), статьей 48 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ).

В отсутствие согласия цедента на замену его правопреемником цессионарий вправе вступить в дело в качестве третьего лица, заявляющего са-

мостоятельные требования относительно предмета спора (часть 1 статьи 42 ГПК РФ, часть 1 статьи 50 АПК РФ).

Указанные правила применяются также в случае уступки кредитором части требований после предъявления им иска в защиту всего объема требований и при наличии ходатайства о частичной замене на стороне истца.

При замене цедента цессионарием в части заявленных требований оба лица, являясь истцами, выступают в процессе самостоятельно и независимо друг от друга (часть 3 статьи 40, часть 1 статьи 429 ГПК РФ, часть 4 статьи 46, часть 5 статьи 319 АПК РФ).

34. Если при рассмотрении вопроса о процессуальном правопреемстве установлено, что совершено несколько последовательных уступок, суд производит замену истца (первоначального цедента) конечным цессионарием. Иные цессионарии могут быть привлечены к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований (часть 1 статьи 43 ГПК РФ, часть 1 статьи 51 АПК РФ).

Если при недействительности уступки требования цессионарием уже предъявлен иск к должнику по такому требованию, цедент вправе самостоятельно предъявить иск к должнику или вступить в начатое дело (часть 4 статьи 1, часть 1 статьи 44 ГПК РФ, часть 5 статьи 3, часть 1 статьи 48 АПК РФ).

35. Осуществляя процессуальное правопреемство на стадии исполнения судебного акта, суд производит замену цедента цессионарием по заявлению или с согласия последнего в той части, в которой судебный акт не исполнен. Если истек срок для предъявления исполнительного листа к исполнению, суд производит замену только в случае восстановления срока на предъявление исполнительного листа к исполнению (статьи 23, 52 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”).

Уступка части требований либо несоответствие уступленной суммы денежного требования сумме, взысканной в соответствии с резолютивной частью судебного акта, сами по себе не являются основанием для отказа в замене взыскателя новым кредитором (статья 52 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”).

По смыслу пункта 3 статьи 382, статьи 385 ГК РФ во взаимосвязи с частью 1 статьи 428 ГПК РФ, частями 2, 3 статьи 318, статьей 320 АПК РФ и статьей 52 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” должник, получивший уведомление об уступке, вправе не осуществлять исполнение цессионарию до замены взыскателя.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Для граждан, ведущих садоводство, огородничество или дачное хозяйство на территории садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения в индивидуальном порядке, заключение договора о пользовании объектами инфраструктуры и иным имуществом общего пользования этого объединения является обязательным в силу закона. С иском о понуждении к заключению такого договора могут обратиться как граждане, так и садоводческие, огороднические или дачные некоммерческие объединения

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 27 сентября 2016 г. № 78-КГ16-40*

(Извлечение)

Садоводческое некоммерческое товарищество (далее — СНТ) обратилось в суд с иском к З. о взыскании задолженности по оплате членских и целевых взносов, пени, возложении обязанности заключить договор на пользование объектами инфраструктуры и иным имуществом общего пользования. В обоснование своих требований истец указал, что ответчик вышел из состава товарищества в добровольном порядке, однако продолжал пользоваться объектами инфраструктуры и имуществом общего пользования, в то время как договор на пользование данными объектами заключен не был.

Ссылаясь на то, что З. с момента выхода из членов товарищества не производил оплату за пользование указанными объектами, истец просил суд возложить на ответчика обязанность заключить с ним договор о порядке пользования объектами инфраструктуры и иным имуществом общего пользования СНТ, взыскать с ответчика в свою пользу задолженность по членским и целевым взносам за 2014 год, пени за 2013 и 2014 годы, а также судебные издержки.

З. подал встречный иск к СНТ, указав на то, что не отказывался от заключения договора на пользование объектами инфраструктуры и иным имуществом общего пользования, однако не был согласен с условиями договора, который был утвержден общим собранием товарищества, поскольку он не содержал точного перечня объектов инфраструктуры, а также формулы для расчета размера платы за пользование указанными объектами.

В связи с этим З. просил возложить на СНТ обязанность заключить с ним договор о пользовании объектами инфраструктуры и другим имуществом общего пользования в составленной им редакции с определением платы за каждый объект инфраструктуры.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определени-

ем, исковые требования товарищества удовлетворены частично: с З. взыскана задолженность за пользование объектами инфраструктуры и иным имуществом общего пользования за 2014 год, а также судебные издержки, в удовлетворении остальной части исковых требований отказано. Встречные исковые требования З. оставлены без удовлетворения.

Отказывая в удовлетворении исковых требований СНТ в части возложения на З. обязанности заключить договор о порядке пользования объектами инфраструктуры и иным имуществом общего пользования СНТ, суд первой инстанции указал на то, что право требовать заключения такого договора имеется у гражданина, ведущего садоводство в индивидуальном порядке, а не у садоводческого товарищества.

Принимая решение об отказе в удовлетворении встречных исковых требований З. о возложении на товарищество обязанности заключить договор о пользовании объектами инфраструктуры и другим имуществом общего пользования товарищества, суд первой инстанции (и с ним согласился суд апелляционной инстанции) исходил из того, что предложенная истцом редакция договора противоречит положениям Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” и нарушает права членов СНТ, в связи с чем судом на товарищество не могла быть возложена обязанность заключить с З. договор на предложенных им условиях.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 27 сентября 2016 г. не согласилась с указанными выше выводами судов первой и апелляционной инстанций по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена указанным Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством.

Согласно абз. 1 п. 4 ст. 445 ГК РФ, если сторона, для которой в соответствии с этим Кодексом или иными законами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. В этом случае договор считается заключенным на условиях, указанных в решении суда, с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда.

В силу ст. 8 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” граждане вправе вести садоводство, огородничество или дачное хозяйство в индивидуальном порядке.

Граждане, ведущие садоводство, огородничество или дачное хозяйство в индивидуальном поряд-

ке на территории садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения, вправе пользоваться объектами инфраструктуры и другим имуществом общего пользования садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения за плату и на условиях договоров, заключенных с таким объединением в письменной форме в порядке, определенном общим собранием членов садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения.

В случае неуплаты установленных договором взносов за пользование объектами инфраструктуры и другим имуществом общего пользования садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения на основании решения правления такого объединения либо общего собрания его членов граждане, ведущие садоводство, огородничество или дачное хозяйство в индивидуальном порядке, лишаются права пользоваться объектами инфраструктуры и другим имуществом общего пользования садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения.

Размер платы за пользование объектами инфраструктуры и другим имуществом общего пользования садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения для граждан, ведущих садоводство, огородничество или дачное хозяйство в индивидуальном порядке, при условии внесения ими взносов на приобретение (создание) указанного имущества не может превышать размер платы за пользование указанным имуществом для членов такого объединения.

На основании изложенного заключение договора о пользовании объектами инфраструктуры садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения для граждан, ведущих садоводство, огородничество или дачное хозяйство в индивидуальном порядке, является обязательным в силу закона.

В связи с этим с иском о понуждении к заключению договора мог обратиться как З., так и СНТ, а потому довод суда второй инстанции о том, что в удовлетворении иска товарищества следовало отказать по той причине, что оно не могло предъявлять такие требования, противоречит действующему законодательству.

Также у суда отсутствовали основания для оставления без удовлетворения встречных исковых требований З., ведущего садоводство в индивидуальном порядке, о возложении на товарищество обязанности заключить договор о пользовании объектами инфраструктуры и другим имуществом общего пользования товарищества.

В соответствии с абз. 1 п. 4 ст. 445 ГК РФ суд в решении указывает условия, на которых договор считается заключенным с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда. В связи с этим ссылка суда на то, что предложенная ответчиком редакция договора противоречит положениям Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” и нарушает права членов СНТ, не освобождает суд от необходимости указать условия, на которых должен быть заключен договор.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. При наличии у ресурсоснабжающей организации необходимой информации для заключения договора теплоснабжения она не вправе приостанавливать рассмотрение соответствующей заявки управляющей организации со ссылкой на непредставление последней документов, содержащих указанную информацию

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 15 сентября 2017 г. № 305-ЭС17-7000*

(Извлечение)

Управляющая организация направила ресурсоснабжающей организации заявку с просьбой заключить договор теплоснабжения домов, в отношении которых управляющая организация является исполнителем коммунальных услуг на основании решения собственников.

Ресурсоснабжающая организация приостановила рассмотрение заявки в связи с необходимостью представления дополнительных документов, предусмотренных пп. 35 и 36 Правил организации теплоснабжения в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 8 августа 2012 г. № 808 (далее — Правила № 808).

Управляющая организация устранила недостатки и представила необходимые документы и сведения.

Ресурсоснабжающая организация повторно приостановила рассмотрение заявки, сославшись на отсутствие в актах проверки готовности к отопительному сезону информации о готовности, а также на то, что сведения о тепловой нагрузке не подтверждены технической и проектной документацией.

Полагая, что действия по повторному приостановлению заявки незаконны и направлены на уклонение от заключения договора лицом, обязанным его заключить, управляющая организация обратилась в арбитражный суд с требованием о понуждении ресурсоснабжающей организации направить в адрес истца договор теплоснабжения в отношении домов, указанных в заявке. Управляющая организация указала, что необходимые сведения предоставила ответчику в полном объеме. Данные о тепловых нагрузках имеются у ресурсоснабжающей организации, поскольку они содержатся в документации по узлам учета тепловой энергии. Технические условия на установку узлов учета и акты их ввода в эксплуатацию выдавались и подписывались самим ответчиком. Наличие актов проверки и паспортов готовности к отопительному сезону, отсутствие в них замечаний, подписание актов членами комиссии подтверждает факт такой готовности. К тому же за-

явка на заключение договора подавалась в конце отопительного сезона и наличие таких актов за прошедший сезон не имело значения.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 15 сентября 2017 г. отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В правоотношениях с собственниками помещений по предоставлению коммунальных услуг управляющая организация выступает как исполнитель коммунальных услуг, который в соответствии с пп. 6, 13, подп. “б” п. 31 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 (далее — Правила № 354), обязан заключить договор с ресурсоснабжающими организациями о приобретении коммунальных ресурсов в целях использования таких ресурсов при предоставлении коммунальных услуг потребителям.

Единая теплоснабжающая организация также обязана заключить договор теплоснабжения с любым обратившимся потребителем тепловой энергии, теплопотребляющие установки которого находятся в системе теплоснабжения, и вправе заключить договор путем направления оферты исполнителю, обслуживающему многоквартирный дом, в который осуществляется подача ресурса без заключения договора (п. 2 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ “О теплоснабжении”, ст.ст. 426, 445 ГК РФ, п. 10 Правил, обязательных при заключении управляющей организацией или товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом договоров с ресурсоснабжающими организациями, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2012 г. № 124 (далее — Правила № 124)).

В соответствии с пп. 4, 5 Правил № 124 исполнитель (управляющая организация) направляет в ресурсоснабжающую организацию заявку о заключении договора ресурсоснабжения, приложив к ней документы, перечисленные в пп. 6, 7 Правил № 124, а также те, что предусмотрены нормативными правовыми актами в сфере ресурсоснабжения (теплоснабжения в частности) применительно к поставке коммунальных ресурсов для целей оказания коммунальных услуг. Так, в заявке на заключение договора теплоснабжения должны содержаться сведения, указанные в п. 35 Правил № 808 (в том числе тепловая нагрузка теплопотребляющих установок, подтвержденная технической или проектной документацией), и к заявке должны быть приложены документы, указанные в п. 36 Правил № 808 (в том числе акты готовности теплопотребляющих установок к отопительному периоду).

Согласно п. 11 Правил № 124 при соответствии заявки требования законодательства ресурсоснабжающая организация должна направить исполнителю ответ о согласии заключить договор ресурсоснабжения на предложенных условиях. В то же время ресурсоснабжающая организация может предложить заключить договор на иных условиях, соответствующих гражданскому и жилищному законодательству Российской Федерации, в том числе Правилам № 124 и нормативным правовым актам в сфере ресурсоснабжения. Основания для отказа ресурсоснабжающей организацией от заключения договора перечислены в пп. 12, 13 Правил № 124.

Таким образом, законодательство обязывает заключить договор как управляющую организацию, так и ресурсоснабжающую, т.е. предписывает обеим сторонам принимать меры по внесению правовой определенности в правоотношения по ресурсоснабжению. Установленный законодательством порядок заключения договора, перечень представляемых документов и сведений позволяют ресурсоснабжающей организации как профессиональному участнику рынка энергоснабжения подготовить проект договора ресурсоснабжения.

В то же время указанные нормы законодательства не должны толковаться таким образом, чтобы позволять управляющей или ресурсоснабжающей организации уклоняться от заключения договора по признакам формального несоответствия предоставленных сведений или их недостаточности при наличии у другой стороны этих сведений или возможности их получить самостоятельно. Добросовестное поведение участника гражданских правоотношений предполагает учет прав и законных интересов другой стороны, а также содействие ей, в том числе в получении необходимой информации (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”).

Следовательно, при установлении наличия у ресурсоснабжающей организации необходимой информации для заключения договора отказ последней в направлении в адрес управляющей компании договора неправомерен и по существу является способом уклонения от заключения публичного договора.

**2. Предусмотренное Федеральным законом
“О несостоятельности (банкротстве)”
ограничение размера процентов
по вознаграждению арбитражного управляющего
подлежит применению в случае назначения
этого управляющего с 29 декабря 2015 г.**

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 5 октября 2017 г. № 307-ЭС17-7445*

(Извлечение)

В отношении должника 17 декабря 2015 г. введена процедура наблюдения, и К. назначен временным управляющим.

В рамках дела о банкротстве К. обратился в арбитражный суд с ходатайством об установлении суммы процентов по вознаграждению временного управляющего в размере 564 714 руб.

Определением суда первой инстанции заявление удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции отменено в части установления процентов по вознаграждению временного управляющего в сумме, превышающей 60 тыс. рублей. Суды сослались на разъяснения, изложенные в п. 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 60 “О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”, и указали, что право на получение процентов за проведение процедуры наблюдения возникает у временного управляющего в течение десяти дней с даты завершения процедуры наблюдения при наличии к тому законных оснований, которые ранее не могут быть установлены. Суды пришли к выводу, что необходимо руководствоваться нормой Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) в редакции, действовавшей на дату истечения такого десятидневного срока с момента окончания процедуры наблюдения. В настоящем деле — это 14 апреля 2016 г. На момент истечения названного срока п. 10 ст. 20⁶ Закона о банкротстве действовал в редакции Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 391-ФЗ), согласно которой сумма процентов не превышает 60 тыс. рублей.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 5 октября 2017 г. отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение по следующим обстоятельствам.

Пункт 1 ст. 20³ и п. 1 ст. 20⁶ Закона о банкротстве гарантируют арбитражному управляющему право на получение вознаграждения в деле о банкротстве, которое состоит из фиксированной суммы и суммы процентов. Расчет суммы процентов по вознаграждению временного управляющего осуществляется по правилам п. 10 ст. 20⁶ Закона о банкротстве.

С 29 декабря 2015 г. Законом № 391-ФЗ в п. 10 ст. 20⁶ Закона о банкротстве внесены изменения, в том числе ограничивающие сумму процентов по вознаграждению временного управляющего 60 тыс. рублей. Переходными положениями п. 9 ст. 23 Закона № 391-ФЗ предусмотрено, что действие положений п. 10 ст. 20⁶ в редакции Закона № 391-ФЗ распространяется на правоотношения, возникшие со дня вступления в силу указанного Закона.

В соответствии с разъяснениями, приведенными в п. 2 постановления Пленума Высшего

Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 97 “О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве”, полномочия временного управляющего и, соответственно, право на получение вознаграждения возникают с даты принятия судебного акта об утверждении лица арбитражным управляющим. В случае объявления отдельно резолютивной части судебного акта о введении процедуры наблюдения и утверждении временного управляющего (ч. 2 ст. 176 АПК РФ) датой возникновения полномочий временного управляющего является дата объявления этой части.

Таким образом, правоотношения между должником и временным управляющим К. возникли с 17 декабря 2015 г. (дата принятия резолютивной части судебного акта о введении наблюдения и утверждении временного управляющего). Давая согласие на утверждение своей кандидатуры и, как следствие, принимая на себя обязанности по проведению мероприятий, предусмотренных процедурой наблюдения, К. имел разумные ожидания на получение процентов по вознаграждению временного управляющего, определяемых в соответствии с положениями ст. 20⁶ Закона о банкротстве в редакции, действовавшей на момент ее утверждения.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Пункт 48 Порядка представления документов и сведений в таможенный орган при помещении товаров на склад временного хранения (иные места временного хранения товаров), помещения (выдачи) товаров на склад временного хранения (со склада) и иные места временного хранения, представления отчетности о товарах, находящихся на временном хранении, а также порядка и условий выдачи разрешения таможенного органа на временное хранение товаров в иных местах, утвержденного приказом Федеральной таможенной службы от 29 декабря 2012 г. № 2688, в части, предусматривающей, что генеральное разрешение на временное хранение товаров подлежит отмене таможней, выдавшей данное разрешение, вследствие несоблюдения указанным лицом обязанностей, предусмотренных п. 38 указанного Порядка, и (или) неоднократного привлечения этого лица к административной ответственности аналогично порядку, установленному п. 47 этого же нормативного правового акта, признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 19 декабря 2016 г. № АКПИ16-1102,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 11 апреля 2017 г. № АПЛ17-47*

(Извлечение)

Приказом Федеральной таможенной службы от 29 декабря 2012 г. № 2688 утвержден Порядок представления документов и сведений в

таможенный орган при помещении товаров на склад временного хранения (иные места временного хранения товаров), помещения (выдачи) товаров на склад временного хранения (со склада) и иные места временного хранения, представления отчетности о товарах, находящихся на временном хранении, а также порядок и условия выдачи разрешения таможенного органа на временное хранение товаров в иных местах (далее — Порядок).

Согласно п. 48 Порядка (приложение к приказу) генеральное разрешение на временное хранение товаров подлежит отмене таможенной, выдавшей данное разрешение, по заявлению юридического лица, получившего указанное разрешение, в связи с ликвидацией указанного юридического лица, а также вследствие несоблюдения указанным лицом обязанностей, предусмотренных п. 38 Порядка, и (или) неоднократного привлечения этого лица к административной ответственности аналогично порядку, установленному п. 47 этого же нормативного правового акта.

Общество с ограниченной ответственностью «Контейнерный терминал «НУТЭП» (далее — ООО «Контейнерный терминал «НУТЭП»), являющееся оператором морского терминала в морском порту Новороссийск, осуществляющим деятельность в постоянной зоне таможенного контроля, обратилось в Верховный Суд РФ с административным иском о признании недействующим п. 48 Порядка, ссылаясь на его противоречие ст. 8, ч. 4 ст. 198 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации».

В судебном заседании представитель ООО «Контейнерный терминал «НУТЭП» уточнил заявленное требование и просил признать недействующим п. 48 Порядка в части, предусматривающей, что генеральное разрешение на временное хранение товаров подлежит отмене таможенной, выдавшей данное разрешение, вследствие несоблюдения указанным лицом обязанностей, предусмотренных п. 38 Порядка, и (или) неоднократного привлечения этого лица к административной ответственности аналогично порядку, установленному п. 47 Порядка.

Верховный Суд РФ 19 декабря 2016 г. административное исковое заявление удовлетворил по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» таможенное регулирование в Российской Федерации в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством Российской Федерации заключается в установлении порядка и правил регулирования таможенного дела в Российской Федерации.

В силу ст. 168 Таможенного кодекса Таможенного союза местами временного хранения товаров являются склады временного хранения и иные места в соответствии с законодательством государств — членов Таможенного союза, места временного хранения являются зоной таможен-

ного контроля, размещение товаров в местах временного хранения подтверждается в порядке, определяемом законодательством государств — членов Таможенного союза (чч. 1, 2, 4).

Пунктом 6 ч. 1 ст. 198 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» место разгрузки и перегрузки (перевалки) товаров в пределах территории морского (речного) порта отнесено к числу мест временного хранения товаров. Согласно ч. 4 этой же статьи условия и порядок выдачи разрешения на временное хранение товаров в иных местах, включая требования предоставления обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов, определяются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области таможенного дела. Данным органом в силу ч. 7 указанной статьи устанавливается порядок представления документов и сведений в таможенный орган при помещении товаров на склад временного хранения и иные места для временного хранения товаров, порядок помещения (выдачи) товаров на склад временного хранения (со склада) и иные места временного хранения товаров для временного хранения товаров в целях обеспечения таможенного контроля.

Как следует из п. 1 Положения о Федеральной таможенной службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 16 сентября 2013 г. № 809, Федеральная таможенная служба (ФТС России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации функции по контролю и надзору в области таможенного дела.

На день издания оспариваемого нормативного правового акта полномочия ФТС России как федерального органа исполнительной власти, осуществляющего в соответствии с законодательством Российской Федерации функции по выработке государственной политики и нормативному правовому регулированию, контролю и надзору в области таможенного дела, определялись в соответствии с Положением о Федеральной таможенной службе, утвержденным постановлением Правительства РФ от 26 июля 2006 г. № 459.

Таким образом, оспариваемый нормативный правовой акт принят в установленном законом порядке уполномоченным федеральным органом исполнительной власти с соблюдением требований о его государственной регистрации и официальном опубликовании.

Вместе с тем, предписывая в п. 48 Порядка, что генеральное разрешение на временное хранение товаров подлежит отмене таможенной, выдавшей данное разрешение, вследствие несоблюдения указанным лицом обязанностей, предусмотренных п. 38 Порядка, и (или) неоднократного привлечения этого лица к административной ответственности аналогично порядку, установленному п. 47 этого же нормативного правового акта, ФТС России осуществила правовое регулирование с превышением имеющихся у нее полномочий.

Таможенный кодекс Таможенного союза, Федеральный закон “О таможенном регулировании в Российской Федерации”, другие акты таможенного и иного законодательства Российской Федерации не наделяют ФТС России полномочиями по определению самостоятельных оснований для отмены таможенным органом генерального разрешения на временное хранение товаров ранее истечения срока, на который оно было выдано.

По своему правовому содержанию оспариваемая часть п. 48 Порядка не соответствует Федеральному закону “О таможенном регулировании в Российской Федерации”, в том числе его ст.ст. 198, 200, и противоречит иным законам.

Так, согласно п. 38 Порядка на заинтересованное лицо, получившее разрешение на временное хранение товаров в иных местах временного хранения товаров, возлагаются обязанности, предусмотренные чч. 4 и 5 ст. 200 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации” для получателя товаров при осуществлении временного хранения товаров на складе получателя.

В силу ст. 200 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации” получатель товаров обязан обеспечить сохранность товаров, недопущение совершения с товарами операций без разрешения таможенных органов. Таможенные органы вправе в целях предотвращения подмены товаров либо совершения с ними неразрешенных операций осуществлять наложение пломб и печатей на упаковку товаров либо помещения, где они будут храниться (ч. 4). Получатель товаров обязан представлять таможенным органам отчетность о товарах, находящихся на временном хранении в соответствии с чч. 4—8 ст. 177 данного Федерального закона. В случае утраты товаров, передачи их третьим лицам без разрешения таможенных органов получатель товаров обязан уплатить таможенные пошлины, налоги в соответствии со ст. 172 Таможенного кодекса Таможенного союза (ч. 5).

Непредставление или нарушение срока представления таможенный орган отчетности в случаях, предусмотренных таможенным законодательством Таможенного союза и (или) законодательством Российской Федерации о таможенном деле, либо представление отчетности, содержащей недостоверные сведения, является административным правонарушением, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 16.15 КоАП РФ.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 16.9 КоАП административными правонарушениями являются недоставка товаров, перевозимых в соответствии с таможенным транзитом, в место доставки либо выдача (передача) без разрешения таможенного органа или утрата товаров, находящихся под таможенным контролем, а также недоставка таможенных, коммерческих или транспортных (перевозочных) документов на товары, перевозимые в

соответствии с таможенным транзитом, в место доставки.

В свою очередь, привлечение лица к административной ответственности за административные правонарушения в области таможенного дела, связанные с осуществлением деятельности по временному хранению товаров, предусмотренные ч. 1 ст. 16.9 КоАП РФ, и (или) неоднократное (два и более раза) привлечение к административной ответственности за административные правонарушения в области таможенного дела, предусмотренные ст.ст. 16.14, 16.15, чч. 2 и 3 ст. 16.23 КоАП РФ, при условии, что сумма наложенных административных штрафов по указанным статьям, в том числе по совокупности, составила 500 тыс. рублей и более, являются основанием для отказа таможенного органа такому лицу в выдаче разрешения на временное хранение товаров в иных местах временного хранения товаров, если они совершены в течение одного года до дня обращения в таможенный орган за указанным разрешением (ч. 6 ст. 198 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации”).

Следовательно, федеральными законами установлен специальный механизм правового регулирования и предусмотрены правовые последствия, связанные с несоблюдением лицом, которому выдано генеральное разрешение на временное хранение товаров, требований таможенного законодательства.

Предусматривая основания для досрочного прекращения действия такого разрешения, ФТС России ввело не предусмотренное федеральным законом ограничение прав лиц, установленных таможенным законодательством Таможенного союза и федеральным законом, и изменило основания и условия действий участников отношений.

Согласно ч. 4 ст. 8 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации” положения нормативных и иных правовых актов федеральных органов исполнительной власти по предмету правового регулирования федерального закона не могут противоречить положениям актов таможенного законодательства Таможенного союза, федеральных законов и актам Президента Российской Федерации или Правительства РФ в области таможенного дела, устанавливая требования, условия и ограничения, не предусмотренные актами таможенного законодательства Таможенного союза, федеральными законами и актами Президента Российской Федерации или Правительства РФ в области таможенного дела.

В соответствии с пп. 2, 3 ч. 2 ст. 8 названного Федерального закона нормативный правовой акт Российской Федерации в области таможенного дела признается не соответствующим федеральному закону, если такой акт отменяет или ограничивает права лиц, установленные таможенным законодательством Таможенного союза и федеральным законом; изменяет установленные таможенным законодательством Таможенного союза и федеральным законом основания, усло-

вия, последовательность или порядок действий участников отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о таможенном деле, иных лиц, обязанности которых установлены данным Федеральным законом.

Исходя из приведенных законоположений Верховный Суд РФ административное исковое заявление ООО “Контейнерный терминал “НУТЭП” удовлетворил, признал недействующим со дня вступления решения суда в законную силу п. 48 Порядка представления документов и сведений в таможенный орган при помещении товаров на склад временного хранения (иные места временного хранения товаров), помещения (выдачи) товаров на склад временного хранения (со склада) и иные места временного хранения, представления отчетности о товарах, находящихся на временном хранении, а также порядка и условий выдачи разрешения таможенного органа на временное хранение товаров в иных местах, утвержденного приказом Федеральной таможенной службы от 29 декабря 2012 г. № 2688, в части, предусматривающей, что генеральное разрешение на временное хранение товаров подлежит отмене таможней, выдавшей данное разрешение, вследствие несоблюдения указанным лицом обязанностей, предусмотренных п. 38 указанного Порядка, и (или) неоднократного привлечения этого лица к административной ответственности аналогично порядку, установленному п. 47 этого же нормативного правового акта.

2. Пункты 126—135 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденного приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185, приложение № 9 к нему и приложение № 1 к приказу МВД России от 4 августа 2008 г. № 676 “Об утверждении форм акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения” в той мере, в какой они не предусматривают разъяснение сотрудниками органов внутренних дел лицу, отстраняемому от управления транспортным средством, а также в отношении которого проводится освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, прав и обязанностей, предусмотренных ч. 1 ст. 25.1, ч. 2 ст. 25.2, ч. 3 ст. 25.6 КоАП РФ, ст. 51 Конституции Российской Федерации, а в отношении понятых, участвующих в административном производстве, прав и обязанностей, предусмотренных ст. 25.7 КоАП РФ, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 1 ноября 2016 г. № АКПИ16-858,
вступившее в законную силу*

3. Пункт 13 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 декабря 2016 г. № АКПИ16-1165,
вступившее в законную силу*

4. Абзац 3 п. 3 Правил регистрации автомототранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденных приказом МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001, в части, предусматривающей, что не подлежат регистрации в Госавтоинспекции и не проводятся регистрационные действия с транспортными средствами, если представлены транспортные средства, изготовленные в Российской Федерации, в том числе из составных частей конструкций, предметов дополнительного оборудования без представления документов, подтверждающих проведение их сертификации в соответствии с законодательством Российской Федерации, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 февраля 2017 г. № АКПИ16-1372,
вступившее в законную силу*

5. Пункт 190 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, в части, предусматривающей уменьшение объема услуг по передаче электрической энергии, оказанных сетевой организацией гарантирующему поставщику, на величину расчетного небаланса, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 декабря 2016 г. № АКПИ16-1041,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 24 января 2017 г. № АПЛ17-44*

6. Подпункт “в” п. 15, подп. “б” п. 24 Положения о проверке достоверности и полноты сведений, предоставляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065, в части, не предоставляющей возможность государственному служащему, в отношении которого проводится проверка, представить в разумный срок документы и доказательства в обоснование своих доводов, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 февраля 2017 г. № АКПИ16-1306,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 25 апреля 2017 г. № АПЛ17-113*

7. Постановление Правительства РФ от 3 сентября 2015 г. № 930 “О внесении изменения в единый перечень продукции, подлежащей обязательной сертификации” признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 17 февраля 2017 г. № АКПИ16-1190, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 мая 2017 г. № АПЛ17-144

8. Пункты 2.1.17 и 2.1.18 Методических указаний по определению кадастровой стоимости вновь образуемых земельных участков и существующих земельных участков в случаях изменения категории земель, вида разрешенного использования или уточнения площади земельного участка, утвержденных приказом Минэкономразвития России от 12 августа 2006 г. № 222, в части, не предусматривающей в случае образования новых земельных участков путем перераспределения земельных участков определения кадастровой стоимости образуемых земельных участков исходя из удельного показателя кадастровой стоимости преобразуемого земельного участка, если при этом у образуемых земельных участков остаются неизменными и аналогичными категория и вид разрешенного использования земельных участков, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2016 г. № АКПИ16-1235, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 декабря 2016 г. № АПЛ17-31

9. Подпункты 30.1, 30.3, 30.4, 30.5, 30.9, 30.15 п. 30 и подп. 32.5 п. 32 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 26 марта 2013 г. № 161, в части, препятствующей сотруднику органов внутренних дел, в отношении которого проводится служебная проверка, быть в обязательном порядке своевременно уведомленным о принятии решения о ее проведении с разъяснением основания ее проведения, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 21 февраля 2017 г. № АКПИ16-1299, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 8 июня 2017 г. № АПЛ17-148

10. Абзац 1 п. 18 Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 1 марта 2017 г. № АКПИ16-1333, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 мая 2017 г. № АПЛ17-145

11. Абзац 4 п. 3 Правил регистрации автомототранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденных приказом МВД России от 24 ноября 2008 г. № 1001, в части, предусматривающей, что не подлежат регистрации в Госавтоинспекции и не проводятся регистрационные действия с транспортными средствами, если представлены транспортные средства, конструкция которых или внесенные в конструкцию изменения не соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 8 декабря 2016 г. № АКПИ16-1219, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 1 марта 2017 г. № АПЛ17-98

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Замечания на протокол судебного заседания, поданные стороной после истечения предусмотренного для их подачи срока, подлежат рассмотрению только после разрешения председательствующим ходатайства о восстановлении данного срока ввиду его пропуска по уважительной причине на основе оценки приведенных стороной доводов

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 ноября 2017 г. № 168-П17

(Извлечение)

По приговору Кировского районного суда г. Красноярск от 1 октября 2015 г. (с учетом внесенных изменений) С. осужден по п. “г” ч. 4 ст. 228¹, по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ и по ч. 1 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

После провозглашения приговора председательствующий судья разъяснил участникам судебного разбирательства в том числе срок подачи письменных замечаний на протокол судебного заседания, последствия его пропуска и право на восстановление пропущенного срока.

8 октября 2015 г. государственный обвинитель был ознакомлен с протоколом судебного заседания, замечаний на который не подал.

22 декабря 2015 г. уголовное дело направлено для рассмотрения в апелляционном порядке в Красноярский краевой суд, судебное заседание по которому было назначено на 19 января 2016 г.

29 декабря 2015 г. в адрес судьи, постановившего приговор, от государственного обвинителя поступили замечания на протокол судебного заседания, а также ходатайство о восстановлении срока на подачу замечаний на протокол судебного заседания и рассмотрении поданных замечаний.

В связи с этим судья Кировского районного суда г. Красноярск обратился в суд апелляцион-

ной инстанции с просьбой вернуть уголовное дело для рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания в суд первой инстанции.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 19 января 2016 г. уголовное дело в отношении С. снято с апелляционного рассмотрения и возвращено в Кировский районный суд г. Красноярска для устранения обстоятельств, препятствующих его рассмотрению в суде апелляционной инстанции.

Постановлением судьи Кировского районного суда г. Красноярска от 12 февраля 2016 г. правильность замечаний государственного обвинителя на протокол судебного заседания удостоверена, при этом решение о восстановлении пропущенного срока на подачу замечаний на протокол судебного заседания не принималось, копия постановления направлена сторонам.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 19 апреля 2016 г. постановление от 12 февраля 2016 г. оставлено без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ постановления от 14 июля 2017 г. в отношении судебных решений по делу С.

Президиум Верховного Суда РФ 1 ноября 2017 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 14 июля 2017 г. № 21-П ч. 1 ст. 260 УПК РФ признана не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего уголовно-процессуального законодательства содержащееся в ней законоположение:

- допускает рассмотрение председательствующим в суде первой инстанции замечаний на протокол судебного заседания этого суда, поданных стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, после истечения предусмотренного для их подачи срока лишь при условии предшествующего разрешения председательствующим в суде первой инстанции в мотивированном постановлении ходатайства о восстановлении пропущенного срока на основе оценки всех доводов ходатайствующей стороны;

- исключает восстановление пропущенного срока для подачи замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции и их подачу после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции, что не лишает стороны возможности при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции заявить ходатайство о подтверждении или опровержении тех или иных имеющих значение для данного дела фактов и обстоятельств, относящихся к судебному заседанию суда первой инстанции, но не нашедших отражения или неверно отраженных в его протоколе, и не предполагает произвольного отклонения таких ходатайств судом апелляционной инстанции, который обязан самостоятельно оценить содержание протокола судебного заседания суда первой инстанции в совокупности с другими доказательства-

ми и материалами уголовного дела и установить наличие или отсутствие оснований для отмены или изменения приговора или иного проверяемого решения суда первой инстанции;

- подразумевает обязанность суда первой инстанции уведомить об удостоверении правильности замечаний на протокол судебного заседания, поданных стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, после истечения срока, предусмотренного для подачи таких замечаний, другую сторону.

Судебные решения, вынесенные в отношении С. на основании ч. 1 ст. 260 УПК РФ в истолковании, расходящимся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, признаны подлежащими пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

Таким образом, вышеуказанное Постановление Конституционного Суда РФ, которым в результате выявления конституционно-правового смысла положений ч. 1 ст. 260 УПК РФ исключается любое иное, т.е. неконституционное, их истолкование, а следовательно, и их применение в неконституционной интерпретации, имеет те же последствия, что и Постановление, которым правовая норма признается не соответствующей Конституции Российской Федерации, оно обладает обратной силой в отношении судебных актов по уголовному делу в отношении С., который был участником конституционного судопроизводства, и является основанием для возобновления производства по данному уголовному делу ввиду новых обстоятельств.

Согласно ч. 5 ст. 415 УПК РФ Президиум Верховного Суда РФ по результатам рассмотрения представления Председателя Верховного Суда РФ отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ.

Поскольку выявленный Конституционным Судом РФ конституционно-правовой смысл ч. 1 ст. 260 УПК РФ является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике, судебные решения по делу С. в части оценки судами подачи стороной обвинения замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции, вынесенные на основании этих положений закона в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, подлежат отмене.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу в отношении С. ввиду новых обстоятельств и отменил определение судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 19 января 2016 г., постановление судьи Кировского районного суда г. Красноярска от 12 февраля 2016 г., апелляционные определения судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 19 апреля 2016 года в отношении С.

Уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение в Красноярский краевой суд.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

1. Результаты оперативно-розыскных мероприятий могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, если они проведены в соответствии с Федеральным законом “Об оперативно-розыскной деятельности”

*Постановление президиума
Краснодарского краевого суда
от 7 июня 2017 г.*

(Извлечение)

По приговору Прикубанского районного суда г. Краснодара от 20 ноября 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) З. осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

З. признана виновной в убийстве потерпевшей А.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов З. просил отменить судебные решения и передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение, ссылаясь на то, что выводы суда о виновности несовершеннолетней З. в совершении преступления основаны на доказательствах, полученных с нарушением требований закона.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 17 апреля 2017 г. кассационная жалоба адвоката в защиту осужденной вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании президиума Краснодарского краевого суда.

Президиум Краснодарского краевого суда 7 июня 2017 г. кассационную жалобу адвоката удовлетворил частично, указав в обоснование следующее.

В соответствии со ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением закона, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. К недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные им в суде.

В обоснование своего вывода о виновности З. в совершении преступления суд сослался в приговоре в том числе на показания свидетелей, постановление о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности, рапорт сотрудника правоохранительных органов Л. от 29 мая 2014 г. о проведении по поручению следователя опроса (именуемого в постановлении “развед-опросом”) с использованием звукозаписывающей техники, постановление о проведении оперативного эксперимента от 29 мая 2014 г., протокол прослушивания аудиозаписи, стено-

грамму беседы З. и сотрудника правоохранительных органов Л. и др.

Как усматривается из материалов уголовного дела, на момент проведения оперативно-розыскного мероприятия “опрос” с использованием звукозаписывающей техники, направленного на установление достоверности сведений о причастности З. к убийству потерпевшей, З. была задержана в качестве подозреваемой, т.е. была наделена определенными в ст. 46 УПК РФ правами.

Несовершеннолетней З. перед “опросом” в изоляторе временного содержания сотрудником правоохранительных органов с участием инспектора по делам несовершеннолетних не разъяснялись ее процессуальные права, в том числе право на защиту, она не была предупреждена, что сказанное ею может быть использовано в качестве доказательств по делу, в том числе и в случае последующего отказа от показаний, при этом не было обеспечено участие адвоката и психолога-педагога.

В ходе “опроса” З. подробно рассказала о событиях, произошедших между ней и А., а именно о конфликте, в результате которого она нанесла А. удары кирпичом по голове.

В ходе предварительного следствия и в судебном заседании З. свою вину в совершении преступления не признавала.

Между тем в соответствии с разъяснениями, содержащимися в Определениях Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О и от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О, проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом установлена специальная процедура.

По смыслу закона использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно только в том случае, когда такие мероприятия проведены для решения задач, указанных в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ “Об оперативно-розыскной деятельности”, при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных ст.ст. 7 и 8 указанного Федерального закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий. В случае признания полученных на основе результатов оперативно-розыскной деятельности доказательств недопустимыми они не могут быть восполнены путем допроса сотрудников органов, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия.

Таким образом, проведение оперативно-розыскного мероприятия “опрос” в отношении несовершеннолетней З. не отвечает требованиям уголовно-процессуального закона.

На основании изложенного президиум Краснодарского краевого суда изменил приговор и апелляционное определение в отношении З., исключил из приговора ссылку суда как на доказательство виновности на показания свидетелей, постановление о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности, рапорт сотрудника правоохранительных органов Л. от 29 мая 2014 г. о проведении по поручению следователя опроса с использованием звукозаписывающей техники.

2. При решении вопроса о возможности применения акта об амнистии к подозреваемому или обвиняемому орган предварительного расследования должен исходить из установленной им суммы причиненного преступлением ущерба, отраженной в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого

*Постановление президиума
Московского городского суда
от 26 июля 2016 г.*

(Извлечение)

Органами предварительного следствия Ш. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 180 УК РФ, с причинением своими действиями ущерба потерпевшему в виде упущенной выгоды на общую сумму 1 334 093 руб.

Стороной защиты было подано ходатайство о применении к Ш. акта об амнистии и прекращении уголовного преследования, с приобщением документов, подтверждающих перечисление обвиняемым в счет возмещения причиненного им ущерба на банковский счет потерпевшего денежных средств в сумме 1 334 093 руб.

Постановлением старшего следователя Главного следственного управления Следственного комитета РФ от 4 октября 2013 г. в удовлетворении ходатайства было отказано, поскольку потерпевший изменил предмет гражданского иска и заявил о том, что размер его убытков составляет 192 700 117 руб.

По постановлению Басманного районного суда г. Москвы от 26 января 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) отказано в удовлетворении поданной в порядке ст. 125 УПК РФ жалобы адвокатов в защиту интересов Ш. о признании незаконным постановления следователя от 4 октября 2013 г.

В кассационной жалобе адвокаты, оспаривая законность и обоснованность состоявшихся судебных решений, указывали на то, что Ш. не было предъявлено новое обвинение, предусматривающее причинение им потерпевшему ущерба на сумму, превышающую установленную орга-

ном следствия, ссылались на правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную им в вынесенном по результатам рассмотрения жалобы Ш. определении, о том, что, решая вопрос о возможности применения акта об амнистии к лицу, имеющему официально подтвержденный статус подозреваемого, обвиняемого, публичный орган уголовного преследования должен исходить из суммы причиненного преступлением ущерба, установленной им и включенной в официальное обвинение, которое делает амнистию, обусловленную возмещением убытков, юридически оправданной.

По постановлению заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 22 июня 2016 г. кассационная жалоба адвокатов передана вместе с материалом для рассмотрения в судебном заседании президиума Московского городского суда.

Президиум Московского городского суда 26 июля 2016 г. кассационную жалобу удовлетворил частично по следующим основаниям.

Принимая решение об отказе в удовлетворении жалобы, суд первой инстанции со ссылкой на ст. 38 УПК РФ указал, что решение следователем принято в рамках его полномочий, поскольку обвиняемым Ш. на момент вынесения постановления следователем не были возмещены в полном объеме причиненные потерпевшему убытки.

Не согласившись с решением суда первой инстанции, в апелляционной жалобе адвокаты указывали на произвольное изменение следователем размера причиненного действиями обвиняемого ущерба, установленного официальным процессуальным документом — постановлением о привлечении Ш. в качестве обвиняемого, но их доводы в нарушение требований ст. 389²⁸ УПК РФ судом апелляционной инстанции не были рассмотрены и оставлены без должной оценки в апелляционном постановлении.

Несоблюдение судом апелляционной инстанции требований уголовно-процессуального закона, выразившееся в нерассмотрении всех доводов апелляционных жалоб, повлекло нарушение гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства и повлияло на законность и обоснованность принятого решения.

При таких обстоятельствах президиум Московского городского суда отменил апелляционное постановление и передал материал на новое судебное рассмотрение¹ в суд апелляционной инстанции.

¹По апелляционному постановлению Московского городского суда от 17 августа 2016 г. отменено постановление Басманного районного суда г. Москвы от 26 января 2015 г. и признано незаконным постановление старшего следователя Главного следственного управления Следственного комитета РФ от 4 октября 2013 г. об отказе в удовлетворении ходатайства стороны защиты о применении к обвиняемому Ш. акта об амнистии.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 1 (2017)¹

Комитет по правам человека

Сообщение: *А. и Б. против Дании.* Сообщение № 2291/2013. Сообщения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 13 июля 2016 г.

Тема сообщения: выдворение авторов в Пакистан.

Вопрос существа: опасность подвергнуться пыткам и нарушение права на свободу религии в случае возвращения в страну происхождения; справедливое судебное разбирательство.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает во внимание заявление авторов о том, что в случае их высылки в Пакистан им будет грозить жестокое обращение или лишение жизни ввиду их принадлежности к общине ахмадитов; и что государственные власти в Пакистане не смогут защитить их от преследования, поскольку ахмадистская религия в соответствии с внутренним правом считается уголовным преступлением. Комитет... принимает во внимание замечания государства-участника, в частности, о том, что не существует свидетельств, позволяющих считать, что в Пакистане они были специально выбраны в качестве объекта угроз и что решение Апелляционного совета по делам беженцев было вполне обоснованным и базировалось на всеобъемлющем и тщательном рассмотрении доказательств по данному делу и на текущей информации, касающейся положения ахмадитов в Пакистане (п. 8.2 Сообщений).

Комитет отмечает, что власти государства-участника, рассмотрев свидетельства, представленные авторами в их ходатайстве о предоставлении убежища, а также в ходе собеседований с ними и во время устных слушаний, пришли к тому заключению, что авторы не доказали, что по возвращении в Пакистан им лично будет грозить опасность причинения вреда. Комитет, в частности, отмечает, что Апелляционный совет по делам беженцев принял во внимание утверждение авторов на тот счет, что, начиная с июня 2012 г., они получали письма с угрозами и что примерно в то же время неизвестными лицами на стене их дома был начерчен крест. Совет заключил, что ситуация, с которой авторы могут столкнуться, является не настолько серьезной, чтобы свидетельствовать о вполне обоснованных опасениях подвергнуться преследованию со стороны властей или частных лиц вследствие религиозных убеждений авторов. Он отметил, что ахмадитов в Пакистане насчитывается от 2 до 4 млн. и что пакистанское законодательство существенно ограничило их возможность исповедовать свою веру. Вследствие этого ахмадиты нередко подвергаются угрозам и злостному преследованию со стороны некоторых других групп. Однако Совет заключил, что авторы не обосновали свое утверждение на тот счет, что в Пакистане они столкнутся с конкретной и прямой для них опасностью преследования или жестокого обращения. Притеснения, которым подверглись авторы, имели “ограниченную степень серьезности”, поскольку они получали угрозы только в течение ограниченного периода времени до их отъезда из Пакистана... [Такие анонимные угрозы имели характер, аналогичный характеру угроз, с которыми сталкиваются многие ахмадиты. Совет также принял во внимание заявление автора-женщины о том, что сыновья авторов все еще живут в том же доме в Лахоре, в котором жили авторы, продолжают работать в семейном бизнесе и не подвергаются злостному преследованию после отъезда авторов из Пакистана (п. 8.4 Сообщений).

Комитет... принимает во внимание заключение Совета относительно того, что, хотя ахмадиты в Пакистане нередко подвергаются угрозам и злостному преследованию со стороны других групп, оба автора заявляли в процессе внутреннего разбирательства, что никто им устно не угрожал и не было никаких личных подходов с угрозами. Комитет... принимает во внимание заявления авторов, содержащиеся в их ходатайстве о предоставлении убежища и в сообщении, согласно которым они в трех случаях были объектом инцидентов в трех районах за пределами Лахора, но отмечает, что они не предоставили дополнительных подробностей об этих инцидентах ни Комитету, ни датским властям. Хотя авторы сообщения утверждают, что один из их сыновей был вынужден покинуть Пакистан, эта информация не была доведена до сведения датских властей, и авторы не предоставляют никакой дополнительной информации об обстоятельствах, связанных с отъездом их сына (п. 8.5 Сообщений).

Комитет считает, что авторы не отметили каких-либо нарушений в процессе принятия решений или какой-либо фактор риска, который власти государства-участника не приняли должным образом во внимание. Хотя авторы не согласны с заключениями властей государства-участника по фактической стороне дела, они не смогли доказать, что такие заключения были произвольными или откровенно ошибочными либо сводились к отказу в правосудии. В свете вышеизложенного Комитет не может сделать вывод о том, что представленная ему информация подтверждает, что в случае высылки авторов в Пакистан им будет грозить личная и реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему п. 1 ст. 6 или ст. 7 Пакта (п. 8.6 Сообщений).

Вывод Комитета. Высылка авторов в Пакистан не будет являться нарушением их прав, предусмотренных п. 1 ст. 6, ст.ст. 7 или 18 Пакта (п. 9 Сообщений).

Комитет против пыток²

Сообщение: *Р.К. против Австралии.* Сообщение № 609/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее — Комитет) 11 августа 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Шри-Ланку.

Вопрос существа: отказ от высылки; угроза применения пыток по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета. [П]ри оценке этой опасности³ Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно п. 2 ст. 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или

¹Окончание. Начало см. в № 1, 2018 г.

²Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

³Комитет должен был оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения в Шри-Ланку заявителю будет лично угрожать опасность применения пыток.

массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что цель такой оценки состоит в том, чтобы установить, будет ли соответствующему лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность быть подвергнутым пыткам в стране, в которую он или она подлежит возвращению. Из этого следует, что существование практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в какой-либо стране само по себе не является достаточным основанием полагать, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу, должны быть приведены дополнительные основания. Верно и обратное: отсутствие вопиющих и систематических нарушений прав человека не означает, что тому или иному лицу в тех или иных конкретных обстоятельствах не может угрожать применение пыток¹ (п. 8.3 Решения).

Комитет ссылается на свое [3]замечание общего порядка № 1 (1997) по вопросу об осуществлении ст. 3 Конвенции, в соответствии с которым при оценке степени угрозы применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (п. 6), Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументированно изложить, что ему или ей угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность². Хотя в соответствии с положениями своего [3]замечания общего порядка № 1 Комитет правомочен оценивать факты с учетом всех обстоятельств каждого конкретного дела, он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника (п. 9)³ (п. 8.4 Решения).

[Н]аличие постоянной практики грубых нарушений прав человека в стране происхождения лица само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы заключить, что какому-либо лицу лично угрожает опасность подвергнуться пыткам по возвращении в страну⁴.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что он будет задержан и подвергнут пыткам в случае возвращения в Шри-Ланку как получивший отказ проситель убежища и по причине его связей или связей его родственников с ТОТИ. Комитет... отмечает утверждение государства-участника о том, что заявитель не смог обосновать *prima facie*⁵ свое дело для целей приемлемости, поскольку он не представил заслуживающих доверия сведений и не обосновал заявление о существовании предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам со стороны властей в случае его возвращения в Шри-Ланку. Государство-участник также заявило, что утвер-

ждения заявителя были тщательно рассмотрены компетентными национальными органами и судами в соответствии с внутренним законодательством и что было принято во внимание нынешнее положение в области прав человека в Шри-Ланке (п. 8.5 Решения).

Комитет ссылается на свои заключительные замечания по объединенным третьему и четвертому периодическим докладам Шри-Ланки, в которых он выразил серьезную обеспокоенность в связи с сообщениями о том, что практика пыток и жестокого обращения со стороны государственных субъектов в Шри-Ланке, как военных, так и полиции, продолжается во многих частях страны и после завершения конфликта с “Тиграми освобождения Тамил-Илама” (далее — ТОТИ) в мае 2009 г.⁶... Комитет ссылается на свои заключительные замечания по пятому периодическому докладу Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, в которых он обратил внимание на факты, свидетельствующие о том, что некоторые тамилы из Шри-Ланки стали жертвами пыток и жестокого обращения после их принудительной или добровольной высылки из государства-участника в Шри-Ланку⁷. Комитет... ссылается на предварительные замечания и рекомендации Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, сделанные по итогам его официальной поездки в Шри-Ланку, проведенной совместно со Специальным докладчиком по вопросу о независимости судей и адвокатов с 29 апреля по 7 мая 2016 г., в которых было отмечено, что “пытки являются распространенной практикой” и что “действующие правовые рамки и отсутствие реформ в структурах вооруженных сил, полиции, прокуратуры и судебных органов сохраняют реальную опасность того, что практика применения пыток будет продолжаться”⁸. Комитет принимает к сведению также опубликованные неправительственными организациями (далее — НПО) и заслуживающие доверия доклады относительно обращения шриланкийских властей с возвращенными в Шри-Ланку лицами⁹. Комитет считает, что все вышеупомянутые доклады свидетельствуют о том, что жителям Шри-Ланки тамильского этнического происхождения, которые ранее имели личные или семейные связи с ТОТИ и которым предстоит принудительное возвращение в Шри-Ланку, может угрожать опасность применения пыток¹⁰ (п. 8.6 Решения).

В настоящем сообщении Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что один из его

⁶См. CAT/C/LKA/CO/3-4, п. 6.

⁷См. CAT/C/GBR/CO/5, п. 20.

⁸См. предварительные Замечания и рекомендации Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, г-на Хуана Э. Мендеса, по итогам официального совместного визита в Шри-Ланку 29 апреля — 7 мая 2016 г. (Коломбо, 7 мая 2016 г.).

⁹See Freedom from Torture, *Tainted Peace: Torture in Sri Lanka since May 2009*, August 2015, available at http://www.freedomfromtorture.org/sites/default/files/documents/sl_report_a4_-_final-f-b-web.pdf; and Yasmin Sooka, The Bar Human Rights Committee of England and Wales (BHRC) and The International Truth and Justice Project, Sri Lanka, *An Unfinished War, Torture and Sexual Violence in Sri Lanka 2009–2014*, March 2014, доступен http://www.barhumanrights.org.uk/sites/default/files/documents/news/an_unfinished_war_torture_and_sexual_violence_in_sri_lanka_2009-2014_0.pdf.

¹⁰См. сообщение № 628/2014, Дж.Н. против Даниш, Решение, принятое 13 мая 2016 г., п. 7.9.

¹См. сообщение № 550/2013, С.К. и другие против Швеции, Решение, принятое 8 мая 2015 г., п. 7.3.

²Сообщение № 203/2002, А.Р. против Нидерландов, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., п. 7.3.

³Сообщение № 356/2008, Н.С. против Швейцарии, Решение, принятое 6 мая 2010 г., п. 7.3.

⁴См., например, сообщения № 426/2010, Р.Д. против Швейцарии, Решение от 8 ноября 2013 г., п. 9.2; № 591/2014, К. против Австралии, Решение от 25 ноября 2015 г., п. 10.11.

⁵На первый взгляд (лат.).

братьев был убит в 2001 году в связи с его предполагаемыми связями с ТОТИ и что сам заявитель подозревается в поддержке ТОТИ, поскольку он шил одежду для членов ТОТИ. В то же время Комитет отмечает, что заявитель не представил никаких конкретных сведений о роли его брата в ТОТИ и никаких сообщений о каких бы то ни было преследованиях, которым бы подвергались либо сам заявитель, либо его родственники в связи со связями его брата с ТОТИ, особенно с учетом того, что с начала конфликта армия Шри-Ланки базировалась на части их земельных владений. Комитет... отмечает, что с 2001 года, когда был убит его брат, заявитель прожил в Шри-Ланке восемь лет, прежде чем отправился в Индию из аэропорта, имея при себе действительный паспорт и визу. Кроме того, в материалах дела нет никакой информации о том, что заявитель когда-либо подвергался аресту, пыткам или преследованиям со стороны властей или что они разыскивали его до или после его отъезда в 2009 году. Родственники заявителя по-прежнему проживают в своем семейном доме в Тринкомали, и заявитель не сообщал о каких-либо проблемах, с которыми они могли столкнуться после того, как он покинул страну. Заявитель не представил причин, по которым власти могли начать интересоваться его личностью спустя 15 лет после смерти его брата. В этой связи Комитет приходит к выводу о том, что заявитель не представил доказательств каких-либо связей с ТОТИ, которые могли бы привести к возникновению личной опасности применения в его отношении пыток в Шри-Ланке (п. 8.7 Решения).

Комитет напоминает, что в соответствии со своим [3]амечанием общего порядка № 1 бремя аргументированного изложения дела лежит на заявителе (п. 5). По мнению Комитета, в данном случае заявителю не удалось успешно справиться с этой задачей¹ (п. 8.8 Решения).

Вывод Комитета. Высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет представлять собой нарушение ст. 3 Конвенции (п. 9 Решения).

Сообщение: *П.А. против Нидерландов.* Сообщение № 611/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее — Комитет) 2 мая 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Казахстан.

Вопрос существа: угроза пыток по возвращению в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета. Существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточной причиной для определения того, что конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращении в эту страну². С другой стороны, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что данное лицо не может стать жертвой пыток (п. 8.2 Решения).

Ссылаясь на свое [3]амечание общего порядка № 1 (1977) об осуществлении ст. 3 Конвенции в контексте ст. 22 (*refoulement* и сообщения), Комитет вновь подтверждает, что опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях, выходящих за рамки умозрительных построений или подозрений. Хотя такая опасность не должна

отвечать критерию “высокой степени вероятности”, она должна быть личной, существующей, предсказуемой и реальной (п. 8.3 Решения).

Комитет напоминает свою правовую практику, в соответствии с которой опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях помимо чисто умозрительных построений, и указывает, что, как правило, именно заявитель должен обосновывать свое дело³ (п. 8.9 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению представленные заявителем медицинские доказательства, согласно которым у него был диагностирован посттравматический стрессовый синдром и он страдает тяжелой депрессией. Комитет принимает к сведению, что, по мнению заявителя, власти государства-участника не приняли во внимание представленные им подтверждающие медицинские доказательства при оценке его прошений о предоставлении убежища, пусть даже такие доказательства были представлены на более позднем этапе (п. 8.4 Решения).

Комитет... исходит из того, что, даже если он согласится с утверждением, что заявитель в прошлом подвергался пыткам, вопрос состоит в том, угрожает ли ему до сих пор опасность применения пыток в Казахстане (п. 8.5 Решения).

Комитет... отмечает, что, по мнению заявителя, государство-участник не приняло во внимание его особые обстоятельства, включая его этническую и религиозную принадлежность. Кроме того, по утверждениям заявителя, он опасается, что в случае его возвращения исламские экстремисты, которые уже завербовали одного из его сыновей, будут его преследовать и попытаются завербовать второго его сына. Заявитель считает, что сотрудники полиции и правоохранительных органов в целом, которые жестоко обращались с ним в прошлом, поступят с ним аналогичным образом в случае его возвращения в Казахстан (п. 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель всего лишь сообщил властям государства-участника, что боялся подвергнуться пыткам в случае возвращения в Казахстан, утверждая, что он подвергался пыткам в прошлом и он вновь станет объектом преследований. Комитет при этом отмечает, что государство-участник не оспаривает факты в изложении заявителя. Комитет подчеркивает, что государство-участник, не ставя под сомнение утверждения заявителя, вместо этого полагает, что он не доказал, что вновь станет объектом преследований в случае возвращения в Казахстан (п. 8.7 Решения).

Комитет... принимает к сведению некоторые неопровержимые факты, в частности, тот факт, что в Казахстане существует значительное русское меньшинство, особенно в северных районах страны; что заявитель, будучи христианином по рождению, признал, что является атеистом; и что заявитель не доказал, что его разыскивают власти Казахстана и что в случае возвращения он станет объектом преследований со стороны властей. Кроме того, заявитель не представил никаких разьяснений относительно его местонахождения в период с 2002 по 2012 год и не указал, сталкивался ли он в это время с какими-либо угрозами пыток или посяательствами. Комитет принимает к сведению, что определенные сообщения о преследованиях,

¹См. сообщение № 429/2010, *Сивагнанаратнам против Дании*, Решение, принятое 11 ноября 2013 г., пп. 10.5—10.6.

²См. сообщение № 428/2010, *Калиниченко против Марокко*, Решение от 25 ноября 2011 г., п. 15.3.

³См. сообщения № 298/2006, *С.А.Р.М. и др. против Канады*, Решение от 18 мая 2007 г., п. 8.10; № 256/2004, *М.З. против Швеции*, Решение от 12 мая 2006 г., п. 9.3; № 214/2002, *М.А.К. против Германии*, Решение от 12 мая 2004 г., п. 13.5; № 150/1999, *С.Л. против Швеции*, Решение от 11 мая 2001 г., п. 6.3; и № 347/2008, *Н.Б.-М. против Швейцарии*, Решение от 14 ноября 2011 г., п. 9.9.

которые упоминаются в сообщении, связаны с делами религиозных активистов, в то время как заявитель не проводил никакой общественной деятельности, за которую он мог бы быть подвергнут преследованиям (п. 8.8 Решения).

С учетом всей представленной сторонами информации, в том числе об общем положении в области прав человека в Казахстане, Комитет считает, что заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих ему сделать вывод о том, что его высылка в Казахстан подвергнет его предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу ст. 3 Конвенции (п. 8.9 Решения).

Вывод Комитета. Возвращение заявителя в Казахстан не будет представлять собой нарушение государства-участником ст. 3 Конвенции (п. 9 Решения).

См. также К.Б. против Российской Федерации. Сообщение № 2193/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 10 марта 2016 г. Выдача в Кыргызстан; *В.Д. против Российской Федерации.* Сообщение № 2198/2012. Соображения приняты Комитетом 30 марта 2016 г. Выдача в Беларусь.

Условия содержания в местах лишения свободы

См. Аннакурбан Аманулычев против Туркменистана. Сообщение № 2078/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 31 марта 2016 г.; *К.Б. против Российской Федерации.* Сообщение № 2193/2012. Соображения приняты Комитетом 10 марта 2016 г.

Оказание (неоказание) надлежащей медицинской помощи лишенным свободы лицам

См. постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48023/06 “Васенин против России”, а также постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 47152/06 “Блохин против России”.

См. также Азимжан Аскарков против Кыргызстана. Сообщение № 2231/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека 31 марта 2016 г.

В сфере гражданского, административного судопроизводства, а также судопроизводства в арбитражных судах Российской Федерации

Участие лишенного свободы лица в судебном разбирательстве по гражданскому делу

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 38054/05, 38092/05, 2178/07, 21770/07, 4708/09, 46303/10, 70688/10, 30537/11 и 43594/11 “Барков и другие против России” (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено нарушение ст. 6 Конвенции в связи с несоблюдением судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, в судебных заседаниях по рассмотрению их гражданских исков.

Заявители жаловались на то, что их право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное п. 1 ст. 6 Конвенции, было нарушено в связи с отклонением апелляционными судами их ходатайств о личном присутствии в зале суда.

Европейский Суд отметил, что “...заявителям не было дано разрешение на личное присутствие в зале суда по причине отсутствия какой-либо правовой нормы, делающей их присутствие обязательным... [О]тсутствие законодательства о присутствии заключенных на слушаниях не может являться достаточным основанием для лишения их права на личное присутствие в зале суда... Вопреки утверждению властей о том, что заявители могли бы эффективно представить объяснения по своим делам в судах, поскольку все они были надлежащим образом проинформированы о дате проведения слушаний, одного лишь информирования заявителей о датах апелляционных слушаний было явно недостаточно в ситуации, когда текущее состояние национального законодательства в действительности не позволяло им лично присутствовать в зале суда” (п. 19 постановления).

Суд установил, что “...[в] настоящих делах суды апелляционной инстанции не проверяли, требовал ли характер соответствующих гражданских споров дачи показаний лично заявителями, и имело ли их непосредственное присутствие в зале суда существенное значение для обеспечения справедливости судебного разбирательства в целом. Таким образом, апелляционный суд отказал заявителям в праве лично присутствовать на слушаниях вне зависимости от отсутствия соответствующих разбирательства и не известил их о данном решении в достаточной мере заблаговременно” (п. 20 постановления).

Суд также указал на то, что “...эффективное участие заявителей в апелляционных слушаниях также могло быть обеспечено путем процессуальных механизмов, таких как, например, средства видеосвязи или проведение выездного заседания... Апелляционные суды вообще не рассматривали данные варианты и приступили к слушанию соответствующих дел, по сути не информируя заявителей о возможных способах компенсировать их отсутствие в зале суда. В результате заявители не могли принять решение о дальнейшем плане защиты своих прав и были лишены возможности эффективно представить свои объяснения по делу в апелляционных судах в нарушение статьи 6 Конвенции” (п. 21 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...отказав заявителям на основании недостатков национального законодательства в представлении возможности присутствовать на апелляционных слушаниях по гражданским делам, сторонами которого они являлись, и не став рассматривать соответствующие процессуальные механизмы, позволяющие обеспечить заслушивание доводов заявителей, национальные суды не выполнили свои обязательства по обеспечению соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6 Конвенции... Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции” (пп. 22—23 постановления).

Отмена вступившего в законную силу судебного постановления

Практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд РФ поступило постановление Европейского Суда, содержащее констатацию нарушения Российской Федерацией положений ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с нарушением принципа правовой определенности ввиду отмены в порядке надзора президиумами областных и приравненных к ним судов вынесенных в пользу заявителей и вступивших в силу судебных постановлений. Постановление по жалобам № 20750/04, 39413/07 и 39657/07 “Мирошников и другие против России” (вынесено и вступило в силу 27 сентября 2016 г.).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

**Право лица не подвергаться жестокому обращению
со стороны сотрудников правоохранительных органов.**

**Право на эффективное расследование
указанных случаев**

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Аннакурбан Аманулычев против Туркменистана*. Сообщение № 2078/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 31 марта 2016 г.

Предмет сообщения: применение пыток; отказ в процессуальных гарантиях справедливого судебного разбирательства.

Вопрос существа: пытки, семейные права, права на частную жизнь, условия содержания под стражей, произвольный арест, содержание под стражей.

Правовые позиции Комитета. Заключенным должно быть разрешено, под должным надзором, через регулярные промежутки времени и без постороннего вмешательства¹ переписываться с их семьями и друзьями, как того требуют Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), которые также предусматривают возможность общаться “посредством письменной переписки” (правило 58) (п. 7.5 Соображений).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 32, в котором он подчеркивает, что все судебные разбирательства по уголовным делам или же в каком-либо гражданском процессе в принципе должны проводиться устно и быть открытыми для публики и что публичность слушаний обеспечивает транспарентность судопроизводства и тем самым служит важной гарантией интересов отдельных лиц и общества в целом² (п. 7.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению жалобы по ст. 7 Пакта о том, что автор подвергался физическому и психологическому давлению с целью заставить его признаться в совершении преступления. Комитет отмечает, что эти утверждения не были опровергнуты государством-участником. Комитет напоминает о том, что государство-участник обязано оперативно и беспристрастно расследовать жалобу на жестокое обращение в нарушение ст. 7³. В этих обстоятельствах Комитет принимает решение о необходимости придания утверждениям автора должного значения. Соответственно, Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по ст. 7 Пакта (п. 7.2 Соображений).

Комитет принимает к сведению заявление автора о том, что было нарушено также его право, предусмотренное п. 1 ст. 9, поскольку в течение трех дней, с 17 по 21 июня 2006 г., его незаконно содержали под стражей в нарушение положений Уголовно-процессуального кодекса Туркменистана. До 21 июня 2006 г. он содержался под стражей, не имея возможности инициировать какую-либо судебную процедуру, с тем чтобы оспо-

рить законность и добиться отмены решения о его задержании, при этом его родственники не были проинформированы о его местонахождении в нарушение его прав по ст. 53 и 100 Уголовно-процессуального кодекса. В отсутствие каких-либо разъяснений со стороны государства-участника Комитет постановляет с должным вниманием отнестись к утверждениям автора. Исходя из этого, Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по п. 1 ст. 9 Пакта (п. 7.3 Соображений).

Что касается утверждения автора в отношении того, что, хотя слушания были официально объявлены открытыми, ни одному из его друзей или родственников или членов неправительственных организаций (далее — НПО) не было разрешено присутствовать в зале суда... В данном деле автор утверждает, что его друзьям и родственникам, а также представителям общественности, включая, в частности, членов НПО и представителей посольств, не было разрешено присутствовать на судебном слушании. В условиях отсутствия другой относящейся к делу информации от государства-участника Комитет полагает, что утверждениям автора следует уделить должное внимание. Исходя из этого, Комитет приходит к выводу о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по [пункту 1 статьи 14] Пакта (п. 7.4 Соображений).

Отмечая, что государство-участник конкретно не опровергло утверждений автора, касающихся нарушения его прав в течение первых двух лет его заключения, Комитет приходит к выводу о том, что факты, представленные автором, свидетельствуют о нарушении его прав согласно п. 1 ст. 17 Пакта (п. 7.5 Соображений).

Вывод Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником ст. 7, п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 14, п. 1 ст. 17 Пакта (п. 8 Соображений).

Сообщение: *Азимжан Аскараров против Кыргызстана*. Сообщение № 2231/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 31 марта 2016 г.

Предмет сообщения: применение пыток; отказ в процессуальных гарантиях справедливого судебного разбирательства.

Вопрос существа: пытки, семейные права, права на частную жизнь, условия содержания под стражей, произвольный арест, содержание под стражей.

Правовые позиции Комитета. Уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые ст. 7 Пакта⁴ (п. 8.3 Соображений).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и безопасности личности, согласно которому арест по смыслу ст. 9 необязательно должен быть связан с официальным арестом, как тот определяется в законодательстве государства. В соответствии с требованиями Пакта никто не может быть лишен свободы, иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом (п. 8.4 Соображений).

¹См. сообщение № 74/1980, *Эстрелья против Уругвая*, Соображения, принятые 29 марта 1983 г., п. 9.2.

²См. там же, п. 28.

³См. Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, п. 14.

⁴См. Замечание общего порядка Комитета № 20 (1992) о запрещении пыток и жестокого обращения или наказания, п. 14, а также его Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общих юридических обязательств, налагаемых на государства — участники Пакта, п. 18.

Комитет напоминает, что в соответствии с его давней юриспруденцией ст. 14 Пакта гарантирует право обвиняемых вызывать и допрашивать свидетелей. Эта гарантия имеет важное значение для обеспечения действенной защиты обвиняемых и оказания им юридической помощи и, таким образом, гарантирует обвиняемому те же юридические правомочия вызывать и проводить допрос или перекрестный допрос любых свидетелей, которые имеются у обвинения¹ (п. 8.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает во внимание утверждения автора, что в ряде случаев он был подвергнут пыткам и другому жестокому обращению. Комитет отмечает, что результаты судебно-медицинских освидетельствований, проведенных независимыми экспертами, согласуются с другими доказательствами, указывающими на то, что автор подвергался пыткам. Комитет отмечает, что государство-участник, опросив более 100 свидетелей (большинство из них — сотрудники милиции, судебные работники и сотрудники прокуратуры), лишь заключает, что утверждения автора “не подтвердились”. Комитет [подчеркивает], что автор содержался в том же отделении милиции в Базар-Коргоне, где служил погибший сотрудник милиции², что влекло за собой повышенный риск жестокого обращения, но никаких особых мер безопасности для защиты автора принято не было. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела и, в частности, в свете того, что государство-участник не дало объяснений по поводу заметных следов жестокого обращения, которые неоднократно видели свидетели, утверждениям автора следует придавать соответствующий вес (п. 8.2 Соображений).

По поводу обязательства государства-участника надлежащим образом расследовать утверждения автора о пытках Комитет отмечает, что материалы дела не позволяют заключить, что расследование утверждений о пытках было проведено незамедлительным и действенным образом и были выявлены любые подозреваемые, несмотря на ряд инкриминирующих свидетельских показаний³. В данном случае в расследовании, проведенном в 2013 году, хотя оно и было обширным, отсутствовал элемент беспристрастности, поскольку следователи, опросившие более 100 сотрудников правоохранительных органов, судью, секретарей суда и сотрудников прокуратуры, не опросили автора, защитников, правозащитников, которые имели свидание с автором в период его содержания под стражей, и его родственников. Комитет отмечает сообщение государства-участника, что им был проведен опрос автора. Однако оно не сообщило о результатах опроса и не представило его протокола. В обстоятельствах данного дела Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по ст. 7 Пакта, в отдельном прочтении и в сочетании с п. 3 ст. 2 (п. 8.3 Соображений).

Комитет отмечает утверждение автора согласно п. 1 ст. 9 Пакта, что он был произвольно

задержан с 15 по 16 июня 2010 г. Автор также утверждает, что цель задержания заключалась в том, чтобы сотрудники милиции могли пытать его. Государство-участник утверждает, что автор был сначала допрошен только как свидетель и был официально арестован 16 июня. [П]ри этом государство-участник категорически отрицает, что оно задержало автора в ту ночь, несмотря на многочисленные свидетельские показания об обратном и тот факт, что члены его семьи не смогли установить его местонахождение (п. 8.4 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что условия его содержания под стражей, особенно в Базар-Коргонском отделении милиции, были бесчеловечными, в нарушение ст. 10 Пакта. Автор также жалуется на условия содержания после его осуждения, включая отсутствие надлежащего доступа к медицинской помощи. Комитет отмечает, что государство-участник обязано соблюдать определенные минимальные нормы содержания под стражей, которые включают предоставление медицинской помощи и лечения для больных заключенных в соответствии с правилом 24 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правил Нельсона Манделы). Из изложения дела автором и из нескольких материалов, представленных независимыми экспертами, которые имеются в деле, ясно следует, что он не смог получить надлежащего медицинского лечения серьезных заболеваний, от которых он страдал. Учитывая этот факт, само государство-участник признало проблему переполненности, и, принимая во внимание подробное описание автором состояния его здоровья и отсутствия доступа к надлежащей медицинской помощи, Комитет делает вывод о том, что государство-участник нарушило права автора в соответствии с [пунктом 1] статьи [и] 10 Пакта (п. 8.5 Соображений).

Комитет отмечает утверждения автора, что суд над ним характеризовался рядом нарушений, таких как нарушение порядка и насилие со стороны присутствовавших в зале суда. Автор утверждает, что он не мог вызвать свидетелей от своего имени, не мог подвергнуть перекрестному допросу свидетелей обвинения в первый день судебного разбирательства, когда его адвокат отсутствовал, и не мог допрашивать свидетелей на заседаниях Верховного суда... Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что свидетели не имели отношения к данным событиям, а в протоколах судебных заседаний не упоминается о просьбе адвоката вызвать каких-либо дополнительных свидетелей. Комитет отмечает, однако, что остается бесспорным, что адвокат автора не мог допросить свидетелей в первый день судебных заседаний, 2 сентября 2010 г., и что автор не смог вызвать или провести перекрестный допрос свидетелей в Верховном суде. Комитет делает вывод о том, что государство-участник нарушило права автора в соответствии со ст. 14, подп. “е” п. 3 Пакта (п. 8.6 Соображений).

Комитет исследует те утверждения автора, что было нарушено его право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. Комитет отмечает утверждения автора, что милиция и прокурор отказались разрешить ему встретиться с адвокатом наедине и удержали информацию, необходимую для подготовки его за-

¹См. Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, п. 39.

²Заявитель обвинялся в убийстве сотрудника милиции.

³Комитет также отмечает, что в объяснение утверждений автора о жестоком обращении государство-участник ссылается на заключение трех психиатров, что автор “лгун; заискивающий человек”.

щиты. Кроме того, автор утверждает, что несколько раз родственники погибшего сотрудника милиции подвергали его адвоката физическим посягательствам в помещениях отделения милиции и в прокуратуре и что милиция и работники местной прокуратуры не вмешивались, создавая общее чувство страха, которое несовместимо с надлежащим исполнением функций адвоката защиты. Кроме того, имеются неоспаривавшиеся доказательства того, что в первый день судебных заседаний 2 сентября 2010 г. адвокат автора не присутствовал на заседании, не будучи уведомлен о нем в должное время, в то время как суд заслушал показания 16 свидетелей обвинения. В этих обстоятельствах Комитет заключает, что представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по ст. 14, подп. "b" п. 3 Пакта (п. 8.7 Соображений).

Вывод Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по ст. 7, в отдельном прочтении и в сочетании с п. 3 ст. 2, п. 1 ст. 9, п. 1 ст. 10, подп. "b" и "e" п. 3 ст. 14 Пакта (п. 9 Соображений).

Комитет против пыток

Сообщение: *Тауфик Элайба против Туниса*. Сообщение № 551/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее — Комитет) 6 мая 2016 г.

Тема сообщения: пытки и жестокое обращение со стороны государственных органов.

Вопрос существа: пытки; жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание; меры по недопущению актов пыток; систематический надзор за содержанием под стражей и обращением с заключенными; обязанность государства-участника обеспечить, чтобы компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование; право на подачу жалоб; право на возмещение; запрет на использование в ходе судебного разбирательства показаний, полученных под пытками.

Правовые позиции Комитета. Комитет напоминает государству-участнику о его обязанности по ст. 12 Конвенции¹, согласно которому при наличии достаточных оснований полагать, что имело место применение пытки, должно проводиться *ex officio*² быстрое и беспристрастное расследование³. Такое расследование должно быть оперативным, беспристрастным и эффективным, при этом оперативность имеет важное значение, поскольку это позволяет прекратить применение к жертве таких действий, а также по той причине, что, за исключением случаев причинения долговременных или тяжких повреждений вследствие применения вышеупомянутых методов, физические следы пыток, и прежде всего следы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, как правило, исчезают спустя короткое время⁴. Кроме того, уголовное расследование должно иметь своей целью как определение характера и обстоятельств предполагаемых деяний, так и установление лич-

ности любого лица, которое могло быть причастно к ним⁵ (п. 7.7 Решения).

[П]оложение [статьи 14 Конвенции] не только признает право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государства-участники обязательство обеспечивать, чтобы жертва пыток получала соответствующее возмещение⁶. Комитет считает, что возмещение должно охватывать всю совокупность причиненного жертве ущерба и включать, среди прочих мер, реституцию, компенсацию и реабилитацию жертвы, а также меры, гарантирующие невозможность повторения нарушений, с обязательным учетом обстоятельств каждого дела⁷ (п. 7.7 Решения).

[О]бщая направленность положений ст. 15 Конвенции обусловлена абсолютным запретом пыток и поэтому предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли заявления, используемые при любом разбирательстве, находящемся в его компетенции, получены с применением пыток⁸ (п. 7.8 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что государство-участник не смогло принять все эффективные меры для предупреждения пыток и жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения во время его допроса в отделении национальной гвардии в Эль-Ауине в сентябре 2009 г. ...Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что в течение шести дней сотрудники национальной гвардии сильно били его по лицу; почти по 5 минут били его резиновыми дубинками по подошвам ног; надевали ему на голову мотоциклетный шлем и около 15 минут били бейсбольной битой; привязывали его запястья и шиколотки к большому зафиксированному на стене колесу и раскручивали его сначала в одну, потом в другую сторону, пока он не терял сознание; направляли струю газа на гениталии; пытали его электрическими разрядами; били его по пальцам разными предметами и вырвали ему ноготь большого пальца ноги. Комитет отмечает, что, по словам заявителя, он шесть суток содержался под стражей без связи с внешним миром; из еды ему ежедневно давали только один бутерброд и раз в день разрешали пользоваться туалетом; в течение всего периода содержания под стражей ему не предоставили никакой медицинской помощи, несмотря на то что на животе у него была открытая рана, полученная в результате применения силы в ходе задержания; в перерывах между допросами и пытками он оставался привязанным к стулу; когда он просил ознакомиться с протоколами, его избивали, кроме того, один из сотрудников подделал дату в протоколе о его задержании, прежде чем подписать его (п. 7.3 Решения).

[Г]осударство-участник не опровергло ни одно из этих утверждений и указывает, что заявитель во время его осмотра при приеме в тюрьму

¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (далее — Конвенция).

² По служебному положению (*лат.*).

³ См. сообщения № 514/2012, *Нийонзима против Бурунди*, Решение, принятое 21 ноября 2014 г., п. 8.4; и № 500/2012, *Рамирес Мартинес и др. против Мексики*, Решение, принятое 4 августа 2015 г., п. 17.7.

⁴ См. сообщение № 495/2012, *Е.З. против Казахстана*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., п. 13.2.

⁵ См. сообщения № 580/2014, *Ф.К. против Дании*, Решение, принятое 23 ноября 2015 г., п. 7.7; № 161/2000, *Дземайль и др. против Югославии*, Решение, принятое 21 ноября 2002 г., п. 9.4.

⁶ См. сообщение № 291/2006, *Саадья Али против Туниса*, Решение, принятое 21 ноября 2008 г., п. 15.8.

⁷ См. *Саадья Али против Туниса*, п. 15.8; и *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.6.

⁸ См. *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.7; и сообщение № 419/2010, *Ктити против Марокко*, Решение, принятое 26 мая 2011 г., п. 8.8.

указал, что подвергался актам насилия в течение 10 дней до заключения под стражу. Комитет отмечает, что заявитель представил заключение врача тюрьмы Морнагия от 23 марта 2012 г., в котором указано, что заявитель при приеме в пени-тенциарное учреждение сообщил о том, что в течение 10 дней, предшествующих его тюремному заключению, подвергался насилию; что в ходе осмотра были также выявлены отек тканей с явно выраженной болью большого пальца левой ноги и подошвенная дерматитная и что рентген показал перелом большого пальца левой ноги. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о большом количестве физических и психологических последствий пыток, которые подтверждаются представленными медицинскими заключениями. Комитет отмечает, что государство-участник, принимая во внимание состояние здоровья заявителя, не назначило медицинскую экспертизу по итогам первоначального осмотра в тюрьме Морнагия 12 сентября 2009 г. и не представило никаких комментариев по поводу утверждений заявителя о том, что он тогда сообщил врачу о жестоком обращении, которому был подвергнут. В этих обстоятельствах Комитет заключает, что факты, как они изложены заявителем, представляют собой пытки и жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и что государство-участник нарушило свои обязательства по ст.ст. 1, 2, п. 1, и 16 Конвенции. Что касается ст. 11, Комитет считает, что информация, представленная государством-участником о его усилиях по предупреждению пыток и борьбе с ними, носит общий характер и не свидетельствует о наличии конкретных мер, направленных на предотвращение актов насилия, совершаемых сотрудниками полиции, и обеспечение того, чтобы арестованные, задержанные или лишенные свободы лица не подвергались актам пыток со стороны властей или при их попустительстве¹. Таким образом, Комитет считает, что государство-участник несет ответственность за нарушение ст. 11 Конвенции (п. 7.4 Решения).

Относительно предполагаемых нарушений ст.ст. 12 и 13 Конвенции в связи с отсутствием оперативного, независимого и эффективного расследования со стороны государства-участника в отношении утверждений о пытках Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что во время дачи показаний следователям он сообщал о пытках, но те не приняли никаких мер в этой связи. Комитет отмечает, что один из адвокатов заявителя сообщил следователю в сентябре 2009 г. о жестоком обращении, жертвой которого стал его подзащитный во время допросов, и что следователь не принял во внимание эти утверждения, несмотря на явные следы пыток на теле заявителя. Комитет отмечает показания другого адвоката, который утверждает, что он сам обращал внимание следователя на факты жестокого обращения с его подзащитным, и принимает к сведению жалобу на пытки, поданную от имени заявителя 26 сентября 2009 г. Комитет отмечает, что, по словам заявителя, в 2011 году прокурор проинформировал его о том, что жалоба на пытки, поданная его адвокатом 26 сентября 2009 г., была передана следователю 12 июня 2009 г., т.е. до ареста заявителя. Комитет отмечает, что в своих замечаниях государство-участник утверждает, что по факту пыток было возбуждено

расследование, но не уточняет даты его начала и не приводит какой-либо информации ни о ходе производства по этому делу, ни о возбуждении преследования против лиц, предположительно виновных в совершении актов пыток и жестокого обращения, хотя после указанных событий прошло уже более шести лет. Комитет отмечает, что согласно решению суда первой инстанции Туни-са заявитель признался в совершении действий, в которых он обвинялся (п. 7.5 Решения).

Принимая во внимание время, прошедшее после того, как заявитель пытался добиться возобновления разбирательства в национальных судах, и отсутствие достаточной информации, представленной государством-участником о последующих мерах в связи с жалобой заявителя, Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по ст. 12 Конвенции. Не выполнив это обязательство, государство-участник не выполнило и обязательство по ст. 13 Конвенции, в соответствии с которой оно обязано было обеспечить заявителю право на предъявление жалобы компетентным властям, которые должны надлежащим образом отреагировать на нее и провести быстрое и беспристрастное расследование² (п. 7.6 Решения).

Комитет отмечает отсутствие расследования актов пыток и отсутствие каких-либо мер по реабилитации после неправомерного обращения, на которое жалуется заявитель и результатом которого, в частности, стали перелом большого пальца, боли в спине, перелом челюсти, нарушения слуха и психологические травмы. В связи с этим Комитет считает, что заявитель был лишен права на возмещение и компенсацию в соответствии со ст. 14 Конвенции (п. 7.7 Решения).

Комитет отмечает, что, по словам заявителя, государство-участник нарушило свои обязательства по ст. 15 Конвенции, поскольку заявитель был осужден на основании признаний, полученных под пыткой. В этой связи Комитет отмечает, что, по мнению заявителя, признание, которое он подписал под пыткой, использовалось в качестве основания для его содержания под стражей на протяжении более шести лет. Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло эти утверждения и не включило в его замечания, направленные в Комитет, подробную информацию по этому вопросу. Комитет считает, что государство-участник было обязано проверить утверждения заявителя о том, что он дал признательные показания под пытками и что в силу того, что оно не провело такой проверки и использовало полученные заявления в ходе рассмотрения уголовного дела, возбужденного против автора, государство-участник нарушило свои обязательства по ст. 15 Конвенции³ (п. 7.8 Решения).

Вывод Комитета. Представленные факты свидетельствуют о нарушении ст.ст. 1 и 2 и ст.ст. 11—16 Конвенции (п. 7.9 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 64752/09 “Манжос против России” (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение ст. 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с Манжосом П.В. со стороны сотрудников отдела внутренних дел и

¹См. сообщение № 456/2011, *Колменарес и др. против Боливарианской Республики Венесуэла*, Решение, принятое 15 мая 2015 г., п. 6.7.

²См. *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.5.

³См. *Нийонзима против Бурунди*, п. 8.7.

необеспечением эффективного расследования по данному факту.

Заявитель утверждал, ссылаясь на ст. 3 Конвенции, что сотрудники милиции жестоко с ним обращались и что эффективного расследования по его жалобе на жестокое обращение проведено не было.

Европейский Суд напомнил, что “[...]расследование серьезных обвинений в жестоком обращении должно быть своевременным и тщательным. Власти должны всегда со всей серьезностью пытаться выяснить обстоятельства произошедшего и не должны полагаться на поспешные и необоснованные выводы для того, чтобы прекратить расследование либо вынести решение. Они должны принимать все разумные и доступные им меры для получения доказательств по делу, включая, *inter alia*¹, свидетельские показания и данные судебной экспертизы. Любой недостаток расследования, который подрывает его способность установить причину нанесения телесных повреждений или личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта” (п. 34 постановления).

Суд установил, что “...19 марта 2008 года заявитель обратился в районный следственный отдел с жалобой на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции... Данный вопрос был должным образом представлен на рассмотрение соответствующих органов в то время, когда от них можно было ожидать проведения расследования рассматриваемых обстоятельств... Заявитель подкрепил свою жалобу медицинскими документами... Требование заявителя, таким образом, являлось “небезосновательным”, и национальные власти были обязаны провести эффективное расследование, удовлетворяющее... требованиям статьи 3 Конвенции... [В] период с 23 марта 2008 года по 13 августа 2009 года национальные власти провели несколько этапов “доследственной проверки” по жалобе заявителя в соответствии со статьей 144 УПК РФ... В этот период, который длился почти семнадцать месяцев, национальными властями было принято пять постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции в связи с отсутствием признаков преступления. Все эти постановления были впоследствии отменены надзорным органом как необоснованные, и было дано распоряжение о проведении дополнительных доследственных проверок... [Р]айонный следственный отдел 23 марта 2011 года возбудил уголовное производство по части 3 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации только после того, как жалоба заявителя была коммуницирована российским властям в феврале 2011 года, то есть примерно через три года после предполагаемого факта жестокого обращения” (пп. 35—38 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что “[...]сам факт отказа следственных органов возбудить уголовное дело по обоснованным жалобам на жестокое обращение во время нахождения под контролем сотрудников милиции служит доказательством несоблюдения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования, предусмотренной статьей 3 [Конвенции]” (п. 39 постановления).

Суд отметил, что “...сведения, которые районный следственный отдел счел достаточными для возбуждения 23 марта 2011 года уголовного дела, имелись в распоряжении отдела сразу после факта жестокого обращения с заявителем. Соответственно, трехлетнюю отсрочку начала расследования уголовного дела по жалобе заявителя ничем нельзя объяснить... [С]толь длительная задержка не могла не оказать негативного влияния на ход расследования, помешав следственным органам собрать доказательства жестокого обращения... [Р]асследование, которое последовало после

возбуждения уголовного дела 23 марта 2011 года по жалобам заявителя на жестокое обращение, было впоследствии приостановлено 25 июля 2011 года в связи с невозможностью установить личности предполагаемых преступников и до сих пор является незавершенным” (пп. 40—41 постановления).

Европейский Суд заключил, что “...расследование все еще не закончено, но на настоящий момент в связи с длительностью производства и серьезностью рассматриваемых вопросов Суд не считает, что заявитель должен был ждать завершения расследования для подачи жалобы в Европейский Суд, так как завершение этого производства никаким образом не компенсировало бы общую задержку” (п. 42 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...значительная задержка в возбуждении уголовного дела и начале полноценного уголовного расследования небезосновательно утверждения заявителя о жестоком обращении с ним в отделении милиции, обнаруживающим признаки уголовного преступления, а также последующее ведение уголовного производства, которое остается незавершенным почти через восемь лет после событий, в отношении которых подана жалоба, свидетельствуют о несоблюдении властями своего обязательства по проведению эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение... Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте” (пп. 43—44 постановления).

В отношении предполагаемого жестокого обращения с заявителем Европейский Суд заключил, что “...ни органы власти на национальном уровне, ни власти в рамках производства в Европейском Суде не представили убедительных объяснений происхождения повреждений на теле заявителя... [В]ласти не установили должным образом, что повреждения на теле заявителя были причинены в результате других действий, не того жесткого обращения, которому он подвергся в [органах внутренних дел]... Соответственно... ответственность за нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, которому подвергся заявитель, находясь в [органах внутренних дел,] несет государство” (пп. 51—52 постановления).

Постановление по жалобе № 8049/07 “Некрасов против России” (вынесено 17 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым, в том числе, установлено нарушение ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением прокуратурой эффективного расследования по заявлению Некрасова С.А. о предполагаемом жестоким обращении с ним со стороны сотрудников органов внутренних дел. Установлено также нарушение подп. “с” п. 1 и п. 3 ст. 5 Конвенции — в связи с незаконным и чрезмерно длительным содержанием заявителя под стражей в период ознакомления с материалами уголовного дела после истечения предельного срока, установленного для применения данной меры пресечения.

Заявитель жаловался на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции в нарушение ст. 3 Конвенции.

Европейский Суд установил, что заявитель, а также его адвокат обращались к следователю с ходатайствами о проведении судебно-медицинской экспертизы для подтверждения нанесенных ему травм. Наличие упомянутых травм было подтверждено медицинским освидетельствованием заявителя в помещении Отдела по борьбе с организованной преступностью и медицинским освидетельствованием, проведенным на следующий день после его прибытия в следственный изолятор (п. 85 постановления).

Суд отметил, что “...внутригосударственные органы власти провели “доследственную проверку” в отно-

¹Между прочим (*лат.*).

шении поданного заявителем заявления в соответствии со статьей 144 УПК... В период, составивший приблизительно два с половиной года, внутригосударственными органами власти было вынесено не менее семи постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции или иных лиц в связи с отсутствием доказательств того, что преступление имело место. Все эти постановления, за исключением последнего, были отменены надзирающим прокурором с назначением дополнительных доследственных проверок. В результате отказа в возбуждении уголовного дела национальные следственные органы, таким образом, так и не провели предварительное расследование по предположению заявителя о жестоком обращении, то есть полноценное уголовное расследование, в ходе которого проводится полный перечень следственных действий, таких как допрос, очная ставка и опознание” (п. 86 постановления).

Европейский Суд пришел к заключению, что “...отказ в возбуждении уголовного дела на основании правдоподобных заявлений, сделанных заявителем, о том, что ему были нанесены серьезные травмы в результате предполагаемого жестокого обращения... свидетельствовал о неспособности провести эффективное расследование, как предусмотрено статьей 3 Конвенции... [Соответственно] имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте” (пп. 88—89 постановления).

В отношении предполагаемого жестокого обращения с заявителем Суд указал на то, что “...[з]аявитель утверждал, что лица, похитившие его... и подвергавшие его жестокому обращению... были сотрудниками милиции” (п. 94 постановления).

Однако Суд отметил, что для него представляется невозможным установить вне разумного сомнения, что заявитель подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, ввиду отсутствия правдоподобных доказательств в поддержку этого заявления (п. 95 постановления).

Таким образом, Европейский Суд констатировал отсутствие нарушения ст. 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

Заявитель также жаловался, ссылаясь на п. 1 и подп. “b” п. 3 ст. 6 Конвенции, на то, что уголовное производство в отношении него было несправедливым в связи с тем, что ему не была предоставлена возможность изучить материалы дела в полном объеме, в том числе аудио- и видеокассеты и вещественные доказательства, до передачи дела в суд первой инстанции.

Европейский Суд установил, что “...после прекращения предварительного следствия... стороне защиты, в том числе заявителю и его адвокату, был предоставлен доступ к материалам дела в полном объеме... [В]последствии, в ходе судебного разбирательства, стороне защиты было предоставлено дополнительное время для завершения изучения материалов дела... [С]тороне защиты было предоставлено, в общей сложности, шесть месяцев и пятнадцать дней для изучения сорока девяти томов, пятнадцати аудио- и видеокассет и вещественных доказательств, содержащихся в материалах дела” (п. 113 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...заявитель и его адвокат имели возможность ознакомиться с материалами дела и подготовить защиту заявителя... [В]ремя, выделенное органами власти стороне защиты для изучения материалов дела, как таковое, не было недостаточным... права заявителя, закрепленные п. 1 и подп. “b” п. 3 ст. 6 Конвенции, не были нарушены в этом отношении... Таким образом, в настоящем деле не имеет места нарушение указанных положений Конвенции” (пп. 114—115 постановления).

Заявитель, ссылаясь на п. 3 и подп. “c” п. 1 ст. 5 Конвенции, также жаловался на то, что его содержа-

ние под стражей в определенный период времени являлось незаконным и необоснованным.

Ввиду того, что власти Российской Федерации признали все вышеназванные жалобы заявителя, Европейский Суд констатировал нарушение соответствующих требований п. 3 и подп. “c” п. 1 ст. 5 Конвенции.

См. также В.К. против Российской Федерации. Сообщение № 2411/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека 30 марта 2016 г.

Вопросы выдачи

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *К.Б. против Российской Федерации.* Сообщение № 2193/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 10 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдача в Кыргызстан и чрезмерное применение силы при задержании.

Вопрос существа: риск пыток и жестокого обращения; чрезмерное применение силы.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на п. 12 своего [3]амечания общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, в котором он обращает внимание на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозмездимого вреда, такого как предусмотрено в ст.ст. 6 и 7 Пакта. Комитет указывает, что такой риск должен носить личный характер, и тут имеется высокий порог для того, чтобы иметь существенные основания установить наличие реального риска невозмездимого вреда¹. При проведении такой оценки надо учитывать все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение в стране происхождения автора с правами человека. Комитет напоминает свои решения о том, что следует придавать значительный вес оценке, проведенной государством-участником², и что, как правило, именно органы государств — участников Пакта должны рассматривать и оценивать факты и доказательства с целью установить наличие такого риска, если только не будет сочтено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна очевидной ошибке или отказу в правосудии³ (п. 10.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Утверждения автора о том, что в случае экстрадиции в Кыргызстан он будет подвергнут пыткам, были рассмотрены Федеральной миграционной службой государства-участника в ходе раз-

¹См., например, сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 г., п. 9.2; № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., п. 5.18.

²См., например, сообщения № 1957/2010, *Линь против Австралии*, Соображения, принятые 21 марта 2013 г., п. 9.3; № 2344/2014, *Е.П. и Ф.П. против Дании*, Соображения, принятые 2 ноября 2015 г., п. 8.4.

³См., например, сообщение № 2344/2014, *Е.П. и Ф.П. против Дании*, Соображения, принятые 2 ноября 2015 г., п. 8.4.

бирательств по поводу убежища и российскими судами в ходе разбирательств по поводу экстрадиции, которые сочли неосновательными его утверждения о том, что он столкнется в Кыргызстане с реальным, предсказуемым и личным риском подвергнуться пыткам. Комитет... отмечает, что большинство доказательств, представленных автором, касаются не его конкретного случая, а общей ситуации в Кыргызстане с правами человека. В связи с этим, как отмечает Комитет, автор утверждает, что в марте 2010 г. он подвергался в Кыргызстане пыткам и в результате проходил медицинское лечение в Грозном. Автор представил Комитету копию выписки из его медицинской карты относительно его лечения в Грозном, которая была выдана 31 декабря 2011 г., т.е. спустя почти два года после предполагаемого жестокого обращения в Кыргызстане в марте 2010 г. Комитет отмечает, однако, что, согласно этой выписке, автор проходил лечение в амбулаторном медицинском заведении в Грозном с 20 по 31 марта 2010 г., тогда как, согласно решению московского Управления Федеральной миграционной службы от 26 марта 2012 г., автор приехал в Москву 24 марта 2010 г. Вдобавок Комитет отмечает, что согласно копиям разных апелляций автора, поданных властям государства-участника, автор не представлял властям эту выписку... [A]втор не предоставил ни властям государства-участника, ни Комитету каких бы то ни было сведений о жестоком обращении, перенесенном в марте 2010 г., т.е. тут нет никакой информации относительно метода пыток, контекста или предполагаемых исполнителей (как то: их имя и число). Комитет отмечает, что таких сведений не содержит и жалоба брата автора Президенту Чечни от 17 апреля 2012 г. Он также отмечает, что в своем ходатайстве об убежище от 21 декабря 2011 г. автор заявил, что он покинул Кыргызстан в марте 2010 г. из-за этнических трений; он не утверждал, что подвергался пыткам. Вдобавок Комитет отмечает отсутствие каких-либо доказательств, которые подтверждали бы, что решения ведомств государства-участника носили явно произвольный характер в отношении утверждений автора. В свете вышеизложенного Комитет не может заключить, что имеющаяся у него информация показывает, что экстрадиция автора в Кыргызстан подвергала бы его реальному риску обращения вопреки ст. 7 Пакта¹ (п. 10.4 Соображений).

Выводы Комитета. Экстрадиция автора до рассмотрения его сообщения в Комитете противоречит просьбе Комитета относительно временных мер защиты по настоящему делу, вскрывая нарушение Российской Федерацией своих обязательств по ст. 1 Факультативного протокола² (п. 11 Соображений).

Государство-участник несет обязанность избегать нарушений ст. 1 Факультативного протокола в будущем и удовлетворять просьбы Комитета относительно временных мер³ (п. 12 Соображений).

Сообщение: *В.Д. против Российской Федерации.* Сообщение № 2198/2012. Соображения приняты Комитетом 30 марта 2016 г.

¹См., например, сообщение № 2192/2012, *Н.С. против Российской Федерации*, Соображения, принятые 27 марта 2015 г., п. 10.4.

²Там же, п. 11.

³Там же, п. 12.

Тема сообщения: выдача в Беларусь.

Вопрос существа: неисчерпание внутренних средств правовой защиты; недостаточное обоснование жалоб.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свою практику⁴, согласно которой подача заявлений о пересмотре в порядке надзора судебных постановлений, которые уже вступили в силу и зависят от решений судьи, принимаемых им по собственному усмотрению, является чрезвычайным средством правовой защиты, и что государству-участнику надлежит показать наличие разумных шансов на то, что подача заявления при подобных обстоятельствах дела действительно явится средством правовой защиты⁵ (п. 5.3 Соображений).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, в котором он упоминает обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не выселять и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда, такого, как предусмотренный в ст.ст. 6 и 7 Пакта⁶. Комитет также указывал, что такая опасность должна быть личной⁷ и что существует высокий порог для представления серьезных оснований для определения существования реальной опасности причинения непоправимого вреда⁸. При оценке существующей опасности должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение в области прав человека в стране происхождения автора⁹. Комитет далее ссылается на свои решения, согласно которым значительный вес должен

⁴См. сообщения: № 836/1998, *Гелазаускас против Литвы*, Соображения от 17 марта 2003 г., п. 7.4; № 1851/2008, *Секерко против Беларуси*, Соображения от 28 октября 2013 г., п. 8.3; № 1919-1920/2009, *Процко и Толчин против Беларуси*, Соображения от 1 ноября 2013 г., п. 6.5; № 1784/2008, *Шумилин против Беларуси*, Соображения от 23 июля 2012 г., п. 8.3; № 1814/2008, *П.Л. против Беларуси*, Решение от 26 июля 2011 г., п. 6.2; № 2021/2010, *Е.Ж. против Казахстана*, решение от 1 апреля 2015 г., п. 7.3; № 1873/2009, *Алексеев против Российской Федерации*, Соображения от 25 октября 2013 г., п. 8.4; № 2041/2011, *Дорофеев против Российской Федерации*, Соображения от 11 июля 2014 г., п. 9.6; и № 2141/2012, *Костенко против Российской Федерации*, Соображения от 23 октября 2015 г., п. 6.3.

⁵См., например, *Дорофеев против Российской Федерации*, п. 9.6; *Гелазаускас против Литвы*, п. 7.4; *П.Л. против Беларуси*, п. 6.2; сообщение № 1785/2008, *Олешкевич против Беларуси*, Соображения от 18 марта 2013 г., п. 7.3; *Шумилин против Беларуси*, п. 8.3; сообщения № 1839/2008, *Комаровский против Беларуси*, Соображения от 25 октября 2013 г., п. 8.3; № 1903/2009, *Юбко против Беларуси*, Соображения от 17 марта 2014 г., п. 8.3; № 1929/2010, *Лозенко против Беларуси*, Соображения от 24 октября 2014 г., п. 6.3; и *Костенко против Российской Федерации*, п. 6.3.

⁶См. Замечание общего порядка № 31, п. 12.

⁷См., например, сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения от 26 марта 2014 г., п. 9.2; № 282/2005, *С.П.А. против Канады*, Решение от 7 ноября 2006 г.; № 333/2007, *Т.И. против Канады*, Решение от 15 ноября 2010 г.; № 344/2008, *А.М.А. против Швейцарии*, Решение от 12 ноября 2010 г.; и № 692/1996, *А.Р.Х. против Австралии*, Соображения от 28 июля 1997 г., п. 6.6.

⁸См., например, *Х. против Дании*, п. 9.2; и № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения от 1 ноября 2011 г., п. 5.18.

⁹Там же.

придаваться проведенной государством-участником оценке¹, а рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны проводиться органами государств — участников Пакта, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна отказу в правосудии² (п. 5.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость сообщения по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку автор не использовал все имеющиеся средства защиты, так как не подал надзорной жалобы в Верховный [С]уд Российской Федерации по процедуре надзорного производства. Комитет отмечает, что апелляция автора на решение Московского областного суда уже была отклонена Верховным [С]удом... При этом государство-участник не указало, имели ли место случаи успешного применения процедуры пересмотра в порядке надзора в отношении дел об экстрадиции и каково количество подобных случаев. С учетом этих обстоятельств Комитет считает, что рассмотрение данного сообщения не противоречит положениям подп. “b” п. 2 ст. 5 Факультативного протокола (п. 5.3 Соображений).

Комитет... отмечает утверждение автора о том, что экстрадиция в Беларусь является нарушением его прав, предусмотренных, среди прочего, ст. 7 Пакта. В частности, автор заявляет, что в случае возвращения ему грозит опасность подвергнуться пыткам и жестокому обращению (п. 5.4 Соображений).

Комитет отмечает, что автор не привел убедительных доказательств какого-либо нарушения, допущенного в процессе принятия решений, а также достаточных пояснений по вопросу о том, почему решения властей государства-участника носят явно произвольный или заведомо ошибочный характер либо являются равносильными отказу в правосудии. Комитет отмечает, что представленные его вниманию материалы не позволяют ему сделать вывод о том, что рассмотрение властями государства-участника, в том числе его судебными органами, утверждения автора относительно его опасений и рисков, связанных с его возвращением в Беларусь, страдает какими-либо из подобных изъянов (п. 5.5 Соображений).

Комитет считает, что в рассказе автора имеются расхождения, подрывающие доверие к его жалобе на то, что в случае возвращения в Беларусь ему будет грозить опасность применения жестокого обращения со стороны властей. Автор не представил каких-либо существенных доказательств в обоснование этого утверждения. В частности, он не изложил каких-либо деталей по вопросу об отсутствии надлежащей медицинской помощи или о предположительно бесчеловечных и унижающих достоинство условиях содержания в тюрьме, которым он якобы будет подвергнут. В ходе процедур, связанных с его экстрадицией и ходатайством об убежище, автор утверждал, что он преследуется властями Беларуси по причине своих политических и религиозных убеждений, а также социального статуса. При этом он не представил никаких подробностей своего преследования по указанным признакам. Комитет отмечает,

что в процессе рассмотрения его ходатайства об убежище автор отказался привести какие-либо подробности своей политической деятельности. Более того, несмотря на его предполагаемое преследование в Беларуси, автор подал ходатайство о предоставлении убежища лишь в сентябре 2011 г., т.е. через десять лет после прибытия в государство-участник в сентябре 2001 г. С другой стороны, в период 2001—2011 гг. автор мог свободно посещать своих родственников, врачей и других лиц, проживающих в Беларуси, не испытывая никаких проблем в отношениях с белорусскими властями (п. 5.6 Соображений).

[В] связи с остальными заявлениями автора о том, что в случае его экстрадиции в Беларусь государство-участник также нарушит его права, предусмотренные ст.ст. 14, 15 и 17 Пакта, Комитет отмечает, что автор не представил достаточных деталей и аргументов в обоснование своих заявлений согласно упомянутым положениям Пакта (п. 5.7 Соображений).

Вывод Комитета. Автору не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости, Комитет, соответственно, объявляет данное сообщение неприемлемым по смыслу ст. 2 Факультативного протокола (п. 5.8 Соображений).

Право лица на свободу и личную неприкосновенность (пп. 3, 4 и 5 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года)

В Верховный Суд РФ поступили постановления Европейского Суда, содержащие констатацию нарушения положений пп. 3, 4 и 5 ст. 5 Конвенции в связи с необоснованно длительным содержанием под стражей заявителей, а также в связи с ненадлежащим рассмотрением судами жалоб заявителей на постановления о заключении под стражу и отсутствием у них возможности получения компенсации за допущенные нарушения. Постановления Европейского Суда по жалобам № 46871/07, 55534/07, 7503/09, 62699/10 и 56828/11 “Ушаков и другие против России” (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2016 г.) и № 44786/11, 1884/12, 9837/12, 32631/12, 37187/13, 9612/14, 28543/15, 37353/15, 43931/15 “Бекузаров и другие против России” (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *В.К. против Российской Федерации.* Сообщение № 2411/2014. Решение принято Комитетом по правам человека (далее — Комитет) 30 марта 2016 г.

Тема сообщения: пытки; справедливое судебное разбирательство; обратная сила уголовного закона.

Вопрос существа: пытки; условия содержания под стражей; справедливое судебное разбирательство; справедливое судебное разбирательство — свидетели; обратная сила уголовного закона.

Правовые позиции Комитета. [Т]олкование национального законодательства в принципе относится к компетенции судов государств-участников, если только приговор не является явно произвольным или равнозначным отказу в правосудии³ (п. 6.5 Решения).

¹См., например, сообщения № 1957/2010, *Ц.Х. против Австралии*, Соображения от 21 марта 2013 г., п. 9.3; и № 2344/2014, *Е.П. и Ф.П. против Дании*, Соображения от 2 ноября 2015 г., п. 8.4.

²См., например, *Е.П. и Ф.П. против Дании*, п. 8.4.

³См., например, сообщение № 1342/2005, *Гаврилин против Беларуси*, Соображения, принятые 28 марта 2007 г.

“[П]онятие “справедливое судебное разбирательство” следует в контексте пункта 1 статьи 14 Пакта толковать как положение, устанавливающее определенный ряд таких требований, как обеспечение равных возможностей сторон, соблюдение принципа состязательности судебного процесса, исключение *ex officio reformatio in pejus*¹ и осуществление судопроизводства в краткие сроки. Таким образом, материалы данного дела целесообразно рассматривать с учетом этих критериев”² (п. 6.10 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения государства-участника о том, что в 2008 году автор подал жалобу в Европейский [С]уд по правам человека. Он отмечает, что при присоединении к Факультативному протоколу государство-участник сделало заявление³, в котором оно пояснило, что исходит из того, что “Комитет не будет рассматривать какие бы то ни было сообщения до тех пор, пока не удостоверится, что данный вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования”. Комитет отмечает, что в апреле 2010 г. Европейский [С]уд признал жалобу автора неприемлемой. Поскольку данный вопрос в настоящее время не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, Комитет считает возможным рассмотреть сообщение автора на основании подп. “а” п. 2 ст. 5 Факультативного протокола (п. 6.2 Решения).

Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что автор не делал в национальных судах утверждений о жестоком обращении по смыслу ст. 7 Пакта. Комитет отмечает утверждения автора о том, что он неоднократно жаловался в краевую прокуратуру на обращение с ним во время содержания под стражей в ходе предварительного следствия и что он сделал соответствующее заявление в суде первой инстанции. Вместе с тем Комитет не усматривает в материалах дела документов, подтверждающих утверждение автора о том, что он заявил в суде первой инстанции об обращении в нарушение ст. 7, п. 1 ст. 10 и подп. “а” п. 2 ст. 10 Пакта; автор не представил в поддержку своего утверждения медицинских справок за период содержания под стражей в ходе предварительного следствия, копий жалоб или апелляционных жалоб. В связи с отсутствием в деле какой-либо другой информации в этом отношении Комитет считает, что автор недостаточно обосновал свою жалобу для целей приемлемости в соответствии со ст. 7, п. 1 ст. 10 и подп. “а” п. 2 ст. 10 Пакта, и заключает, что сообщение является неприемлемым на основании ст. 2 Факультативного протокола (п. 6.3 Решения).

¹Изменение к худшему.

²См. сообщение № 207/1986, *Ив Морель против Франции*, Соображения, принятые 28 июля 1989 г.

³Заявление гласит: “Союз Советских Социалистических Республик в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола признает компетенцию Комитета по правам человека принимать и рассматривать сообщения от лиц, находящихся под юрисдикцией Союза Советских Социалистических Республик, касающиеся ситуаций или фактов, возникших после вступления в силу настоящего Протокола для СССР. Советский Союз исходит также из того, что Комитет не будет рассматривать какие бы то ни было сообщения до тех пор, пока не удостоверится, что данный вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования и что данное лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты”.

Что касается жалобы автора на основании п. 1 ст. 14 Пакта в связи с тем, что председательствующий запретила вести аудиозапись судебного заседания и изъяла записи, сделанные адвокатом и родственниками автора, а также что касается его утверждения о нарушении принципа равенства перед законом, которое предположительно имело место при назначении ему наказания, то Комитет отмечает, что автор не представил никакой информации в обоснование своих утверждений, и соответственно считает сообщение в этой части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании ст. 2 Факультативного протокола (п. 6.4 Решения).

В отношении жалобы автора на основании п. 1 ст. 14 Пакта в связи с тем, что приговор в его отношении был чрезмерно суровым и что при назначении наказания не были учтены его личные и семейные обстоятельства, Комитет отмечает, что эта жалоба касается толкования национального законодательства... Комитет считает, что в представленных автором материалах не содержится никаких элементов, позволяющих сделать вывод о явно произвольном характере оценки. Соответственно, Комитет считает сообщение автора в этой части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании ст. 2 Факультативного протокола (п. 6.5 Решения).

В связи с жалобами автора по п. 1 ст. 14 и подп. “е” п. 3 ст. 14 [Пакта] относительно исследования фактических обстоятельств дела, предвзятого, как утверждается, отношения председательствующего, отказа в проведении повторной экспертизы и допроса свидетелей, то Комитет напоминает, что по общему правилу оценка фактов и доказательств по тому или иному делу относится к компетенции судов государств-участников, за исключением случаев, когда может быть установлено, что такая оценка была явно произвольной или равнозначна отказу в правосудии или что суд не исполнил свою обязанность в отношении независимости и беспристрастности⁴. Комитет отмечает довод государства-участника (который автор не оспаривал) о том, что автор и его адвокат имели возможность допросить свидетелей в судебном заседании, но этой возможностью не воспользовались. Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что председательствующий отказала в назначении повторных экспертиз с учетом позиций участников судебного разбирательства, при этом подробные мотивы отказа были указаны в протоколе заседания... [К]ак явствует из представления государства-участника, председательствующий неоднократно инструктировала коллегию присяжных заседателей о том, что они не должны учитывать определенную информацию и доказательства. Комитет отмечает, что приведенные выше доводы автор не оспаривал. В свете имеющейся в деле информации Комитет считает, что в данном случае автор не доказал, что в ходе судебного разбирательства имели место “предвзятость” или несоблюдение принципа “процессуального равенства сторон”, свидетельствующие о произвольности оценки доказательств или равнозначные отказу в правосудии. Таким образом, Комитет считает, что свою жалобу по п. 1 ст. 14 и подп. “е” п. 3 ст. 14 для целей приемлемости автор обосновал недостаточно. Соответственно, Комитет признает сообщение в этой части неприемлемым на основании ст. 2 Факультативного протокола (п. 6.6 Решения).

⁴См., например, сообщение № 1894/2009, *Г.Й. против Литвы*, Соображения, принятые 25 марта 2014 г.

В отношении утверждения автора о нарушении его прав по подп. "d" п. 3 ст. 14, поскольку он был осужден за дачу заведомо ложных показаний, в то время как в соответствии со ст. 51 Конституции лицо, допрошенное в качестве свидетеля по делу о преступлении, в котором оно само участвовало, не несет ответственности за дачу заведомо ложных показаний, Комитет отмечает, что 19 ноября 2008 г. Верховный [С]уд [Российской Федерации] отменил приговор в отношении автора в части осуждения по ч. 2 ст. 307 Уголовного кодекса. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу о том, что автор не может утверждать, что он является жертвой нарушения подп. "d" п. 3 ст. 14. Соответственно, сообщение в этой части неприемлемо на основании ст. 1 Факультативного протокола (п. 6.8 Решения).

Что касается оставшейся части жалобы автора на основании п. 1 ст. 15 Пакта относительно квалификации судами его действий как терроризма, то Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что национальные суды применили ст. 205 УК РФ в устаревшей редакции, поскольку она предусматривает более мягкое наказание по сравнению с тем, которое было бы назначено в соответствии с новой редакцией статьи. Комитет принимает к сведению постановление № 1¹ Верховного [С]уда [Российской Федерации] и отмечает, что суды государства-участника должны были ретроактивно изменить приговор в отношении автора в соответствии с разъяснениями, данными в этом постановлении. Вместе с тем Комитет отмечает, что, поскольку полномочиями давать правовую оценку действиям автора обладают именно национальные суды, неизвестно, было ли бы в результате пересмотра приговора в соответствии с постановлением № 1 назначено более мягкое наказание, чем то, которое было назначено автору на основании устаревшей редакции ст. 205 Уголовного кодекса, действовавшей на момент совершения преступления. В свете вышесказанного Комитет считает, что автор недостаточно обосновал свое утверждение о нарушении его прав, предусмотренных п. 1 ст. 15 Пакта. Соответственно, Комитет признает сообщение в этой части неприемлемым на основании ст. 2 Факультативного протокола (п. 6.9 Решения).

Что касается утверждений автора о том, что суд в надзорной инстанции ухудшил его положение, увеличив срок лишения свободы по сравнению со сроком, который был назначен судом первой инстанции, то Комитет отмечает, что в связи с этой частью жалобы возникают вопросы по п. 1 ст. 14 Пакта. Комитет отмечает, что данная жалоба касается толкования национального законодательства и способа, использованного для назначения окончательного наказания в случае наличия нескольких пунктов обвинения. Комитет принимает к сведению также представление автора о том, что суд отменил приговор в отношении автора по ч. 2 ст. 307 Уголовного кодекса и в то же время увеличил срок лишения свободы, первоначально назначенный судом первой инстанции, по ч. 3 ст. 306, по ч. 2 ст. 167 и по ч. 1 ст. 222 Кодекса, тем самым назначив автору более суровое наказание. Вместе с тем Комитет отмечает, что толкование национального законодательства в принципе относится к компетенции

судов государств-участников, если только оно не является явно произвольным или равнозначным отказу в правосудии. На основании материалов дела Комитет не может сделать вывод о том, что Верховный [С]уд [Российской Федерации] назначил окончательный срок лишения свободы произвольно или в результате неправильного применения закона или что такое назначение наказания равнозначно отказу в правосудии. Комитет не может признать, что постановленный Верховным [С]удом [Российской Федерации] приговор является более суровым по сравнению с первоначальным приговором в отношении автора или что принцип состязательности судебного процесса или требование об исключении *ex officio reformatio in pejus* не были соблюдены. Соответственно, Комитет считает сообщение автора в данной части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании ст. 2 Факультативного протокола (п. 6.10 Решения).

Выводы Комитета: а) признать сообщение неприемлемым на основании ст.ст. 1, 2 и 5 Факультативного протокола; б) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения (п. 7 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 46796/06, 13260/10 и 52082/10 "Мамонтов и др. против России" (вынесено и вступило в силу 21 июня 2016 г.), которым установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с осуждением заявителей за преступления, спровоцированные сотрудниками органов внутренних дел.

Заявители жаловались на то, что были несправедливо осуждены за преступления, связанные с приобретением наркотических средств, к совершению которых их спровоцировали сотрудники милиции... [О]ни жаловались на отсутствие надлежащего рассмотрения их жалоб на провокацию в ходе внутригосударственных судебных разбирательств в нарушение ст. 6 Конвенции.

В отношении наличия статуса жертвы у заявителей Суд отметил, что "...заявители, осужденные за сбыт наркотиков, чьи уголовные дела позже были повторно рассмотрены национальными судами, не перестали быть жертвами предполагаемого нарушения Конвенции, поскольку пересмотр их уголовных дел был неэффективным и не соответствовал требованиям статьи 6 Конвенции и соответствующего прецедентного права Суда" (п. 11 постановления).

Касаясь жалоб одного из заявителей Суд указал на то, что "...[в]нутригосударственные суды в настоящем деле не рассмотрели доводы, лежащие в основе жалоб заявителей относительно провокации... [О]ни были не в состоянии оценить, имело ли место нарушение прав по ст. 6 Конвенции в ходе проведения соответствующих мероприятий. Таким образом, хотя результат пересмотра дела заявителя был в его пользу, он не соответствовал стандартам, разработанным в ходе прецедентной практики Суда в свете ст. 6 Конвенции" (п. 13 постановления).

Суд также подчеркнул, что "...отсутствие в российской правовой системе ясной и предсказуемой процедуры санкционирования контрольных закупок является структурной проблемой, которая подвергает заявителей произволу со стороны правоохранительных органов и не позволяет национальным судам осуществлять эффективный пересмотр жалоб на провокации... [Соответственно] было допущено нарушение ст. 6 Конвенции" (пп. 18—19 постановления).

Заявители также жаловались, ссылаясь на нарушение подп. "d" п. 3 ст. 6 Конвенции, на то, что не имели

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности".

возможности допросить свидетелей, которые давали показания против них.

Европейский Суд отметил, что "...право допрашивать свидетелей, чьи показания могли бы иметь отношение к оценке жалобы на провокацию, является одной из гарантий от злоупотребления властью при проведении операций под прикрытием" (п. 21 постановления).

Однако, учитывая свои выводы, относящиеся к нарушению ст. 6 Конвенции, Суд посчитал, что не было необходимости рассматривать, имело ли место в данном деле нарушение подп. "d" п. 3 ст. 6 Конвенции.

См. также постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 22486/05, 40959/05, 18279/07, 61921/08, 3960/09, 7716/09, 5608/09, 10192/09, 13746/09, 28951/09 и 52614/09 "Ульянов и другие против России" (вынесено и вступило в силу 9 февраля 2016 г.), которым также установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с осуждением заявителей за преступления, спровоцированные сотрудниками органов внутренних дел. Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 8049/07 "Некрасов против России" (вынесено 17 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), в котором отклонены жалобы заявителя на нарушение п. 1 и подп. "b" п. 3 ст. 6 Конвенции в связи с якобы имевшим место непредоставлением Некрасову С.А. и его адвокату достаточного времени для ознакомления с материалами уголовного дела.

См. также Азимжан Аскарлов против Кыргызстана. Сообщение № 2231/2012. Сообщения приняты Комитетом по правам человека 31 марта 2016 г.; Тауфик Элайба против Туниса. Сообщение № 551/2013. Решение принято Комитетом 6 мая 2016 г.

Применение принудительных мер медицинского характера

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48023/06 "Васенин против России" (вынесено 21 июня 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым отклонены жалобы Васенина Е.И. на предполагаемое необеспечение заявителю качественной медицинской помощи и заражение его туберкулезом и гепатитом С в период его содержания в следственном изоляторе.

Вместе с тем установлено нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции — в связи с тем, что после вынесения постановления районного суда о применении к Васенину Е.И. принудительной меры медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре заявитель продолжал необоснованно содержаться под стражей в следственном изоляторе.

Установлено также нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции — в связи с проведением районным судом судебного заседания по уголовному делу Васенина Е.И. в его отсутствие, а также п. 1 ст. 6 во взаимосвязи с подп. "с" п. 3 ст. 6 Конвенции — в связи с необеспечением заявителю качественной юридической помощи в ходе процесса.

Заявитель жаловался в соответствии со ст. 3 Конвенции на то, что он был заражен туберкулезом и гепатитом при содержании под стражей и что администрация пенитенциарного учреждения не приняла меры для защиты его здоровья и благополучия, не предоставив ему надлежащей медицинской помощи в отношении его психического и физического состояния.

Европейский Суд отметил, что "...лишение свободы само по себе не является несовместимым с состоянием здоровья заявителя, содержание заявителя под

стражей в учреждениях, не подходящих для содержания под стражей душевнобольных, в отсутствие ежедневного надзора за его состоянием, приводит к возникновению вопроса в соответствии с Конвенцией" (п. 98 постановления).

Суд установил, что "...в соответствии с медицинским заключением... несмотря на то, что заявитель страдал тяжелым психическим расстройством — шизофренией — не имелось настоящей необходимости в срочном медикаментозном лечении... Заявитель не демонстрировал симптомов, которые требовали бы психиатрической помощи. Ничто не указывало на влияние заболевания на поведение заявителя. У него не было конфликтов с сокамерниками или администрацией, и он не демонстрировал суицидальных тенденций" (п. 101 постановления).

Приняв во внимание тот факт, что заявитель не переносил физических или моральных страданий или воздействия дополнительных отягчающих факторов, связанных с физическими условиями его содержания под стражей, Суд не смог прийти к выводу, что "...предварительное содержание заявителя под стражей в обычном пенитенциарном учреждении достигло минимального уровня жестокости, предусмотренного ст. 3 Конвенции... [П]оследующее содержание заявителя под стражей и лечение в психиатрическом учреждении, по-видимому, не является ошибочным" (п. 101 постановления).

Европейский Суд заключил, что "...[п]ринимая во внимание полную медицинскую карту заявителя и позитивный результат лечения, в особенности тот факт, что туберкулез заявителя был оперативно и эффективно излечен и его гепатит находился под контролем, а также то, что с тех пор у заявителя не было рецидива... органы власти приняли все меры, необходимые для защиты его физического благополучия... Соответственно... не было допущено нарушения ст. 3 Конвенции" (пп. 102—103 постановления).

Заявитель жаловался, что его содержание под стражей являлось несовместимым с требованиями п. 1 ст. 5 Конвенции.

Европейский Суд установил, что "...после того, как было установлено, что заявитель совершил преступление... районный суд вынес постановление о помещении заявителя в психиатрическую больницу с целью принудительного лечения его психического расстройства. В то же время суд постановил, что заявитель должен оставаться под стражей до его поступления в психиатрическую больницу. Постановление вступило в законную силу... и было исполнено двадцать девять дней спустя" (п. 111 постановления).

Суд отметил, что "...районный суд обладал полномочиями для того, чтобы санкционировать лишение заявителя свободы, принимая во внимание выводы о том, что заявитель совершил вмененные ему преступления, и, несмотря на то, что заявитель не мог быть привлечен к уголовной ответственности по причине его психического заболевания, тот факт, что он представлял опасность для себя и окружающих и, следовательно, подлежал помещению в психиатрическое учреждение" (п. 114 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что "...должна быть связь между обоснованием санкционированного лишения свободы и местом и условиями содержания под стражей. В принципе, "содержание под стражей" лица в качестве душевнобольного является "законным" с точки зрения параграфа 1 подпункта (е) в случае такого содержания в больнице, клинике или другом соответствующем учреждении" (п. 116 постановления).

Приняв во внимание тот факт, что заявитель содержался под стражей в обычной камере для нескольких заключенных и не проходил лечения с целью улуч-

шения или сохранения его психического состояния, Суд заключил, что "...его камера не может рассматриваться в качестве "учреждения, подходящего для содержания под стражей душевнобольных" (п. 117 постановления).

Суд подчеркнул, что "...внутригосударственным органам власти может потребоваться определенное время для выбора наиболее подходящей клиники для осужденного заявителя, страдающего психическим расстройством, и что определенное неравенство между доступной и требуемой вместимостью клиник является неизбежным... [К]онкурирующие интересы должны быть соответствующим образом уравновешены... [С]тремясь к такому равновесию, необходимо придавать определенную значимость праву заявителя на свободу, принимая во внимание, что значительная задержка при принятии заявителя в клинику и, таким образом, задержка начала лечения может негативно повлиять на ход лечения и, в некоторых случаях, на перспективы успешного лечения" (п. 118 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "...[в] настоящем деле власти не предоставили объяснений задержки принятия заявителя в психиатрическое учреждение. В отсутствие такого объяснения... [не]было достигнуто равновесие между конкурирующими интересами... заключение заявителя под стражу не являлось произвольным. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции" (п. 119 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на п. 1 и подп. (с) п. 3 ст. 6 Конвенции, на то, что судебное разбирательство по его делу являлось несправедливым и что сторона защиты находилась в менее выгодном положении, чем сторона обвинения. Он утверждал, что был не в состоянии защищать себя лично, что не имел доступа к материалам дела и что юридическая помощь, предоставленная ему властями, являлась явно неэффективной. Наконец, он утверждал, что был лишен доступа к обжалованию.

В отношении личного присутствия заявителя на судебном слушании, Суд отметил, что "...несмотря на присутствие заявителя на предварительном судебном слушании... судебное разбирательство было проведено в его отсутствие... Власти не обеспечили его явку в суд, утверждая, что российское законодательство не требует его присутствия по причине его психического состояния. Таким образом, заявителю не была предоставлена возможность участия в судебных разбирательствах в его отношении и представления возражений по его делу лично. Он также был лишен других процессуальных прав, включая право на изучение материалов дела" (п. 138 постановления).

Суд подчеркнул, что "...право быть услышанным занимает такое важное место в демократическом обществе и имеет такое фундаментальное значение для защиты человека от произвола со стороны органов государственной власти, что сам факт психического заболевания, а также признание человека недееспособным не может автоматически привести к исключению данного права в целом. Именно слабость психически больного подсудимого обуславливает возросшую необходимость в защите его прав... [В]ласти должны эффективно образом проявить необходимое усердие для обеспечения права обвиняемого присутствовать в суде и действовать особенно осторожно в случае ущемления такого права для того, чтобы не ставить психически больных подсудимых в более невыгодные условия по сравнению с другими подсудимыми, которые пользуются таким правом" (п. 139 постановления).

Суд также отметил, что в настоящем деле "...ничто не указывает на то, что суд первой и кассационной инстанций, которые рассматривали дело... надлежащим

образом оценили способность заявителя к эффективному участию в судебных разбирательствах в его отношении... Неспособность заявителя лично участвовать в судебном разбирательстве, как представляется, вытекает не из серьезности его психического состояния, а ввиду отсутствия правовых норм в национальном законодательстве, которые бы признавали его право на присутствие в судебном заседании даже в ограниченном числе ситуаций" (п. 139 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что "...[с] учетом угрозы, которая существовала относительно прав заявителя, при справедливом рассмотрении дела суды не могли вынести решение без наблюдения за поведением заявителя и непосредственной оценки представленных им доказательств... [П]рисутствие адвоката стороны защиты и законного опекуна заявителя не могло компенсировать невозможность для заявителя изложить доводы по своему делу непосредственно в суде... [С]удебное разбирательство, проведенное в отсутствие заявителя, не соответствовало требованиям справедливости, предусмотренным пунктом 1 статьи 6 Конвенции" (пп. 140—141 постановления).

Относительно эффективности оказанной правовой помощи заявителю Суд указал на то, что "...хотя эффективность юридической помощи не требует проактивного подхода со стороны адвоката и качество юридических услуг не может быть измерено количеством жалоб или возражений, поданных адвокатом в суд, явное пассивное поведение может, как минимум, привести к серьезным сомнениям в эффективности защиты. Это особенно верно в случае, когда обвиняемый настоятельно оспаривает обвинения и доказательства или не в состоянии посетить судебное разбирательство и обеспечить свою защиту лично" (п. 142 постановления).

Суд отметил, что "...сторона защиты являлась фактически пассивной в ходе судебного разбирательства. Ни адвокат, ни назначенный законный опекун не ходатайствовали перед судом о проверке аргумента заявителя о том, что он находился под стражей на Украине во время совершения одного из преступлений, хотя этот аргумент был упомянут заявителем в его замечаниях... Еще один недостаток состоит в том, что сторона защиты не оспорила приемлемость доказательств, включая показания, данные заявителем против себя после задержания, несмотря на тот факт, что заявитель сам оспаривал обвинения, настаивая на своем алиби и указывая, что он дал показания против себя в результате жестокого обращения со стороны милиции" (п. 143 постановления).

Суд также подчеркнул, что "...юридическая помощь, предоставленная заявителю в ходе судебных разбирательств, являлась крайне слабой. Адвокат и законный опекун заявителя... не действовали в интересах заявителя. Вместо защиты прав и интересов заявителя они поддерживали позицию стороны обвинения в отношении существенных пунктов, таких как причастность заявителя к преступлениям, а также в отношении различных важных процессуальных вопросов, таких как присутствие заявителя на суде. Таким образом, их действия подрывали защиту заявителя... [Н]едостатки юридических услуг, предоставленных заявителю, стали особо выраженными и наносившими вред, учитывая, что заявитель не мог исправить или каким-либо образом уменьшить негативное воздействие предоставленных ему юридических услуг на его шансы быть признанным невиновным" (п. 144 постановления).

Европейский Суд заключил, что "...российские суды должны были вмешаться и либо назначить адвоката, либо отложить проведение слушания до тех пор, пока интересы заявителя не будут надлежащим образом представлены... [К]ачество юридической помощи, предоставленной заявителю в настоящем деле, не со-

ответствовало требованиям п. 1 и подп. (с) п. 3 ст. 6 Конвенции” (пп. 146—147 постановления).

Постановление по жалобе № 42858/06 “Вершинин против России” (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение положений п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с применением к Вершинину Л.В. по постановлению городского суда принудительной меры медицинского характера в виде лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа.

Суд отметил, что “...физическая свобода лица является фундаментальным правом, защищающим физическую безопасность лица... Хотя пункт 1 статьи 5 Конвенции предусматривает перечень исключений, которые могут быть использованы для ограничения этого права (подпункты с “а” по “f” пункта 1 статьи 5), такие исключения должны толковаться в узком смысле и ни при каких обстоятельствах не могут допускать незаконное лишение свободы” (п. 22 постановления).

В постановлении по делу “Винтерверп против Нидерландов”... Суд установил три минимальных условия, которые должны быть удовлетворены для того, чтобы “лишение свободы душевнобольного” было законным по смыслу подп. “е” п. 1 ст. 5 Конвенции: за исключением чрезвычайных случаев, должно быть достоверно показано, что соответствующее лицо действительно является душевнобольным, т.е. что компетентный орган установил наличие психического расстройства на основании объективных медицинских доказательств; психическое расстройство должно быть такого характера или степени, которые оправдывали бы принудительное лишение свободы; законность продолжающегося лишения свободы зависит от продолжающегося наличия такого расстройства (п. 24 постановления).

Суд пришел к выводу об отсутствии необходимости подробно рассматривать, было ли соблюдено первое или третье условие, установленные в деле “Винтерверп

против Нидерландов”, поскольку внутригосударственные органы власти не доказали со всей очевидностью, что характер или степень заболевания заявителя требовали принудительного лишения свободы (п. 25 постановления).

Как следовало из заключений судебно-медицинской экспертизы и соответствующего судебного решения, заключение о том, что заявитель представляет собой опасность для общества, и рекомендация недобровольной госпитализации были основаны на стремительном формировании у заявителя навязчивых идей, которые иногда достигают уровня бреда, “нелепых формулировок” его жалоб, попытках “найти истину”, противоречии во мнениях, раздвоении личности, отсутствии критичного отношения к своему эмоциональному состоянию и т.д. Хотя Суд признал, что эти аспекты психического здоровья и поведения могли оправдывать необходимость определенной формы специализированного лечения, они убедительно не демонстрируют, что заявитель представлял какую-либо опасность и что характер или степень его психического заболевания требовали принудительного лишения свободы (п. 26 постановления).

Суд заключил, что “...внутригосударственные органы власти не выполнили требований Конвенции при вынесении решения о недобровольной госпитализации заявителя. Соответственно, в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции” (пп. 27—28 постановления).

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
16 февраля 2017 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Свириденко О.М., Хаменков В.Б., Харламов А.С., Хомчик В.В., Шилов О.Ю.**

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 26.02.2018.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 8,29. Тираж 8517 экз. Заказ 0038-2018.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
109383, г. Москва, Батюнинский пр., д. 6, стр. 1.
Телефон: 495-636-27-08.
E-mail: e.moiseeva@sinteria.ru
